1340.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

Мин. Нар. Пр. 1897. VII

какъ Монголы нашли въ степяхъ южной Россіи Кипчаковъ - Половцевъ, то легко было народному воображенію переселить туда послѣднихъ чуть не за три тысячи лѣтъ до Р. Х.

Что касается упоминанія о Гузахъ или Узахъ, отсутствующаго у Рашидъ-Эддина и Абульгази, то весьма возможно подозрѣвать тутъ фактъ довольно важный. Уйгуры, Кипчаки, Канклы, Карлоки отыскали себѣ, какъ мы видѣли, родоначальника въ Огузъ-ханѣ. Это имя является довольно страннымъ. Народъ всегда называетъ своего прародителя именемъ, взятымъ у какого-нибудь изъ существующихъ племенъ или нѣкогда существовавшихъ. Между тѣмъ среди перечисленныхъ мы не находимъ народа Огузъ. Но очевидно, что преданія, записанныя Рашидъ-Эддиномъ, восходятъ къ глубокой древности. И вотъ дѣйствительно мы встрѣчаемъ въ IX и X вв. въ степяхъ Средней Азіи, въ тѣхъ же самыхъ областяхъ, гдѣ позже находимъ Кипчаковъ и Канкли, племя Гузъ, Огузъ, Узъ. Отъ него-то, какъ видно, и взято имя родоначальника всѣхъ перечисленныхъ монгольскими писателями племенъ. И самое преданіе ставитъ связью между Огузъ-ханомъ и этими племенами народъ Угузцевъ, при чемъ первые относятся къ послѣднему, какъ видъ къ роду. Нѣтъ вполнѣ достаточныхъ данныхъ, чтобы сдѣлать категорическій выводъ, но приведенные факты и соображенія заставляютъ допустить гипотезу, что тюркскія племена Кипчакъ, Канклы (Канклы, оставшіеся въ Азіи, Печенѣги въ Европѣ) и Узы или Гузы (въ Азіи и въ Европѣ) составляли нѣкогда одно цѣлое, можетъ быть, племя этихъ же самыхъ Гузовъ, только отдѣльное колѣно которыхъ сохранило свое праплеменное имя. Въ этомъ только смыслѣ Кипчаки, можетъ быть, были нѣкогда Гузами, но Гузы никогда не были Кипчаками. Вотъ только что можно извлечь изъ извѣстій монгольскихъ историковъ для нашего вопроса о Гузахъ или Узахъ и Торкахъ. Всѣ сообщенія другихъ писателей не позволяютъ намъ отожествить Половцевъ - Кипчаковъ съ Узами. На основаніи всего ранѣе сказаннаго мы дѣлаемъ выводъ, что Узы или Гузы суть Торки нашихъ лѣтописей.

П. Голубовскій.

БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФП.

13940

78456

Гуревичъ Я.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ.

I.

Возникновеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ и война за Испанскіе Нидерланды.

Прежде чѣмъ перейдти къ изслѣдованію причинъ войны за испанское наслѣдство и вліянія коммерческихъ интересовъ Англіи на происхожденіе этой войны, разсмотримъ самое возникновеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ и прослѣдимъ главные моменты внѣшней политики Людовика XIV до начала войны за испанское наслѣдство.

Ожесточенная вражда между Габсбургами и Бурбонами проявилась уже со вступленія на престолъ Франціи перваго короля изъ дома Бурбоновъ, который въ свою очередь какъ бы унаслѣдовалъ вражду къ Испаніи отъ дома Валуа. Вервенскій миръ, заключенный съ Испаніей въ годъ изданія Нантскаго эдикта (2-го мая 1598 г.) [1]), вызванъ былъ лишь крайне печальнымъ состояніемъ финансовъ Франціи и администраціи ея вообще. Но когда финансы ея при содѣйствіи Сюлли были приведены въ порядокъ, и когда улеглись религіозныя смуты, Генрихъ IV сталъ мечтать объ униженіи Испаніи и вообще Габсбурговъ. Съ этою цѣлью Генрихъ IV поддерживалъ Голландію противъ Испаніи; съ подобною же цѣлью былъ заключенъ союзный договоръ между Генрихомъ IV, съ одной стороны, и курфюрстами Бранденбургскимъ и Палатинскимъ и другими германскими

[1]) *Dumont*, t. V, partie I, p. 561.

39

государями — съ другой, противъ Австрійскаго дома для защиты княжествъ Клеве и Юлиха отъ притязаній Германскаго императора[1]). Приближавшаяся Тридцатилѣтняя война представляла удобный случай для вмѣшательства въ дѣла Германіи. Неожиданная смерть Генриха IV помѣшала исполненію его плановъ. Осуществленіе ихъ выпало на долю Ришелье.

Ришелье, стремясь возвратить Франціи ея старинныя естественныя границы и ослабить Габсбурговъ въ Германіи и Испаніи, вступилъ противъ нихъ въ союзъ съ протестантскою уніей въ Германіи, съ Швеціей, съ Голландіей, съ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ и ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, съ Швейцаріей и съ Савойей. Ришелье поддерживалъ также возстаніе Каталоніи и Португаліи противъ Испаніи. Такимъ образомъ война велась одновременно на многихъ пунктахъ: въ Германіи, въ Испанскихъ Нидерландахъ, на Рейнѣ, въ Италіи, въ Средиземномъ морѣ, на океанѣ. Умирая, Ришелье оставилъ Францію побѣдоносною на всѣхъ пунктахъ борьбы и увеличенною провинціями Лотарингіею, Эльзасомъ (за исключеніемъ Страсбурга) и Руссильономъ.

Смертью Ришелье и малолѣтствомъ Людовика XIV Испанія поспѣшила воспользоваться, чтобы напасть на Францію. Испанская армія сдѣлала нападеніе со стороны Шампани и думала уже идти прямо на Парижъ, но знаменитая побѣда при Рокруа, одержанная выдвинутымъ Мазарини, юнымъ, но чрезвычайно талантливымъ полководцемъ Конде, герцогомъ Энгіенскимъ, надъ славившеюся еще въ то время своею доблестью и дисциплиною испанскою арміей, привела къ тому, что Испанцы были изгнаны изъ Франціи. Вскорѣ затѣмъ побѣды Тюренна и Конде въ Германіи, особенно же пораженіе, нанесенное Австріи при Нордлингенѣ, обезсилили послѣднюю. Между тѣмъ, въ то время, когда Тюреннь продолжалъ войну въ Германіи, она велась также съ успѣхомъ и въ Испанскихъ Нидерландахъ, и въ Каталоніи. Благодаря побѣдамъ Конде, Дюнкирхенъ былъ впервые завоеванъ для Франціи.

Вестфальскій миръ, унизивъ домъ Габсбурговъ, немало способствовалъ возвышенію династіи Бурбоновъ. Начавшаяся во Франціи въ самый годъ заключенія мира внутренняя смута, извѣстная подъ именемъ Фронды, дала Испаніи возможность снова вмѣшаться въ дѣла

---

[1]) *Dumont*, t. V, partie II, p. 135.

Франціи, и Испанскій король оказался не въ силахъ противостоять соблазну, особенно когда самъ великій Конде, порвавъ связь съ французскимъ дворомъ, началъ сноситься съ Испаніей, а затѣмъ, удалившись во Фландрію, сдѣлался генералиссимусомъ всѣхъ испанскихъ войскъ. Пользуясь смутами Фронды, Испаніи удалось возвратить многіе города и земли, отнятые у нея во Фландріи, въ Испанскихъ Нидерландахъ. Съ окончаніемъ Фронды успѣхи Испанцевъ пріостановились. Вскорѣ, благодаря союзу, заключенному въ 1657 году кардиналомъ Мазарини съ протекторомъ Англіи Кромвелемъ, а также благодаря побѣдѣ, одержанной надъ Испанцами Тюреннемъ при помощи Англичанъ въ извѣстномъ „сраженіи на дюнахъ“, Франція не только возвратила себѣ Дюнкирхенъ, уступленный ею Англичанамъ, но и вышла полною побѣдительницей изъ войны съ Испаніей. Послѣдняя, будучи доведена до крайности, давно желала мира. Переговоры о мирѣ велись уже съ 1656 года, но безуспѣшно. Главнымъ затрудненіемъ было желаніе Анны Австрійской, а также и Мазарини, чтобъ одна изъ дочерей Испанскаго короля Филиппа IV была обручена съ Людовикомъ XIV, на что̀ не соглашался Испанскій король, который, не имѣя еще ни одного сына, опасался присоединенія Испаніи со всѣми ея владѣніями къ Франціи. Подобныя опасенія оправдывались вполнѣ установившимся въ Испаніи еще съ половины XIII вѣка, именно съ закона Альфонса X отъ 1260 года, и сохранившимъ силу до начала XVII вѣка, такъ-называемымъ когнатнымъ порядкомъ престолонаслѣдія, въ силу котораго при отсутствіи наслѣдниковъ мужскаго пола женщины по прямой линіи пользовались преимуществомъ передъ наслѣдниками мужскаго пола боковой линіи [1]). Извѣстно, что еще Карлъ V своимъ завѣщаніемъ отъ 6-го іюня 1554 года и Филиппъ II своимъ завѣщаніемъ отъ 23-го августа 1597 года подтвердили когнатный порядокъ престолонаслѣдія [2]). Правда, съ 1612 года порядокъ престолонаслѣдія въ Испаніи былъ нѣсколько ограниченъ и измѣненъ, именно, когда при бракосочетаніи матери Людовика XIV, Анны Австрійской, съ Людовикомъ XIII, устроеннымъ съ цѣлью поддержанія установленнаго Вервенскимъ миромъ согласія, послѣдняя, въ силу особаго брачнаго договора [3]), должна была отказаться отъ всякихъ притя-

---

[1]) *Mignet*, Négociations, t. I, p. 14—26.

[2]) Ibidem, p. 26.

[3]) Contrat de mariage entre Louis et l'infante Anne, fille de Phillipe III roi d' Espagne. *Dumont*, t. V, p. II, p. 215; *Lamberty*, t. I, p. 554—560.

заній съ ея стороны на испанское наслѣдство; правда, это отреченіе было черезъ нѣсколько времени снова подтверждено особымъ актомъ отъ 16-го октября 1615 года, получило въ Испаніи силу закона въ 1640 г.[1]) и не было нисколько нарушено Франціей; но теперь, когда возникъ вопросъ о бракосочетаніи Людовика XIV съ инфантой испанскою, Филиппъ IV считалъ формальное отреченіе ея отъ притязаній на испанское наслѣдство недостаточною гарантіей для неприкосновенности Испанской монархіи, такъ какъ при отсутствіи прямаго потомства мужскаго пола, инфанта Марія-Терезія, старшая изъ его дочерей, была прямою и законною наслѣдницею всего испанскаго наслѣдства. Между тѣмъ положеніе Испаніи становилось все болѣе затруднительнымъ, какъ вслѣдствіе цѣлаго ряда военныхъ неудачъ, такъ и вслѣдствіе изолированнаго положенія, въ которомъ очутилась она послѣ образованія въ августѣ 1658 года Рейнскаго союза. Поэтому, когда у Филиппа IV въ началѣ 1658 г. родился сынъ, а затѣмъ годъ спустя, другой сынъ, и когда наслѣдованіе мужской линіи казалось обезпеченнымъ, переговоры о мирѣ пошли болѣе успѣшно. Однако послѣ долгихъ личныхъ переговоровъ между кардиналомъ Мазарини и уполномоченнымъ Филиппа IV Луисомъ-де-Гаро, затянувшихся еще вслѣдствіе нежеланія Мазарини согласиться на формальное отреченіе Анны Австрійской отъ испанскаго наслѣдства, 7-го ноября 1659 года подписаны были условія Пиринейскаго мира, который былъ какъ бы завершеніемъ мира Вестфальскаго и по которому Франція удержала Артуа съ Аррасомъ, Руссильонъ и Лотарингію[2]). Но самымъ важнымъ для Франціи условіемъ мира, по убѣжденію Мазарини[3]), было выговоренное въ 33-й статьѣ этого договора бракосочетаніе Людовика XIV съ испанскою инфантой Маріей-Терезіей, которая за огромное приданое (въ

---

[1]) Извѣстно, что этотъ брачный договоръ былъ потомъ (16-го октября 1615 г.) подтвержденъ особымъ актомъ отреченія принцессы Анны, въ которомъ она совмѣстно съ супругомъ своимъ Людовикомъ XIII торжественно отказывалась отъ всякихъ правъ на испанское наслѣдство. *Dumont*, t. V, p. II, p. 254; *Mignet*, Negociations, t. I, p. 27.

[2]) *Dumont*, t. VI, p. II, p. 264.

[3]) *Mignet*, Négociations, t. I, p. 36: Lettre de M. de Lionne à la reine, Madrid 24 Sept. 1656.... „Lorsque j'ai éxecuté les ordres que son éminence (то-есть, Мазарини) m'avait données, de presser le mariage de l'infante avec le roi, à quelques conditions que ce pût être, quand même il faudrait pour cela sacrifier toutes nos conquêtes sans retenir une seule place“....

500 тысячъ золотыхъ экю) должна была въ силу особаго брачнаго договора[1]) торжественно отказаться за себя и за свое потомство отъ всякихъ притязаній на испанское наслѣдство, подобно тому, какъ отказалась за себя и за свое потомство отъ всякихъ подобныхъ же притязаній инфанта Анна Австрійская при вступленіи въ бракъ съ Людовикомъ XIII. Зная жалкое состояніе финансовъ Испаніи, хитрый Мазарини, благодаря содѣйствію Ліонна, поставилъ соблюденіе послѣдняго условія Пиринейскаго мира въ зависимость отъ условленнаго приданаго и притомъ въ условленные сроки [2]). Такимъ образомъ Мазарини подготовилъ на будущее время предлогъ для притязаній Бурбоновъ на испанское наслѣдство, что̀ давно уже составляло его любимую мечту, лелѣянную имъ еще съ 1646 г., то-есть, за четырнадцать лѣтъ до осуществленія ея [3]).

Пиринейскій договоръ, съ точностью опредѣлившій границы между Испаніей и Франціей, и условленное бракосочетаніе Маріи-Терезіи съ Людовикомъ XIV, дѣйствительно состоявшееся 4-го іюня 1660 года, примирили долго враждовавшія между собою сосѣднія державы и должны были, казалось, сблизить на долго двѣ царственныя семьи. Но и Пиринейскій миръ не былъ болѣе проченъ, чѣмъ миръ, заключенный въ Вервеннѣ и еще ранѣе (1559 г.) въ Шато-Камбрези. Бракъ Людовика XIV съ Маріей-Терезіей послужилъ только къ скорѣйшему возобновленію борьбы. Не помогли нисколько дѣлу ни вторичное оффиціальное отреченіе, собственноручно подписанное Маріей-Терезіей, уже по достиженіи ею двадцати лѣтъ, по настойчивому желанію отца ея [4]), ни клятвенное обѣщаніе Людовика XIV въ неукоснительномъ соблюденіи имъ отреченія Маріи-Терезіи[5]).

---

[1]) Contrat de mariage de Louis XIV roi de France et de l'infante Marie Thérèse fille ainée du roi catholique. *Dumont*, t. VI, p. II, p. 283. *Lamberty*, t. I, p. 561—568 и 573; *Mignet*, t. I, p. 52—57.

[2]) *Mignet*, t. I, p. 52: Extrait du contrat de mariage de Louis XIV avec l'infante Marie Thérèse du 7 Nov. 1659 art II.

[3]) *Mignet*, Négociations, t. I, p. 33 et 34: Extrait d'un mémoire adressé le 20 janvier 1646 par le cardinal Mazarin aux plenipotentiaires français à Munster..... „L'infante, étant mariée à sa Magesté, nous pourrions aspirer à la succession des royaumes d'Espagne quelque rénonciation qu'on lui fit faire“ etc.

[4]) Текстъ этого акта отреченія помѣщенъ у *Lamberty*, t. I, p. 568—572, у *Dumont*, t. VI, p. II, p. 288. См. также *Mignet*, t. I, p. 58—59: Renonciation avec serment de l'infante Marie Thérèse future reine de France à tout le droit de succession d'Espagne.

[5]) *Mignet*, Négociations, t. I, p. 95.

Мы знаемъ дѣйствительно, что съ тѣхъ поръ какъ Людовикъ XIV сталъ самодержавно управлять Франціей, онъ постоянно обнаруживалъ намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ нарушить упомянутое условіе Пиринейскаго мира, подтвержденное ею клятвеннымъ обѣщаніемъ, и постоянно занятый вопросомъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, хлопоталъ объ уничтоженіи акта отреченія, подготовляясь въ то же время къ войнѣ на случай неудачи переговоровъ. Людовикъ XIV тѣмъ болѣе настаивалъ на своихъ правахъ на испанское наслѣдство, что Филиппъ IV не выплачивалъ суммы денегъ, обѣщанной Маріи-Терезіи въ замѣнъ ея правъ на испанское наслѣдство и, стало быть, самъ не выполнялъ того условія Пиринейскаго договора, въ зависимость отъ котораго было поставлено самое отреченіе Маріи-Терезіи отъ отцовскаго наслѣдства. Не получая условленнаго приданаго, Людовикъ XIV не разрѣшилъ своей супругѣ подтвердить данное ею отреченіе послѣ пріѣзда во Францію, согласно съ условіями брачнаго договора. Между тѣмъ это отреченіе могло бы имѣть больше значенія для успокоенія Мадридскаго двора, чѣмъ отреченіе, данное ею еще до бракосочетанія и какъ бы несамостоятельное [1]).

Обвиняя Филиппа IV въ нарушеніи брачнаго договора, Людовикъ XIV началъ съ Мадридскимъ дворомъ переговоры объ уничтоженіи акта договора и старался приготовить и остальныя европейскія державы къ мысли о возобновленіи своихъ притязаній на испанскую корону. Можно сказать, что всѣ дипломатическіе переговоры, веденные Франціей въ теченіе долголѣтняго царствованія Людовика XIV, касались большею частью косвенно или прямо испанскаго наслѣдства, споръ о которомъ былъ главною пружиною всей дипломатической и военной дѣятельности Людовика XIV [2]). Испанское наслѣдство занимало внѣшнюю политику и армію Людовика XIV въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ. Особенно ловко и искусно были ведены дипломатическія сношенія до начала семидесятыхъ годовъ, когда дипломатія Франціи была направляема тонкимъ и проницательнымъ де-Ліонномъ. Но извѣстно, что и самъ Людовикъ XIV былъ ловкимъ политикомъ, очень живо интересовался всѣми тонкостями дипломатіи и давалъ ей тонъ и направленіе.

---

[1]) *Mignet*, Négociations, I, 70: Louis ne se presse pas d'accomplir la formalité de la seconde renonciation, qui lui était imposée par le contrat. Il en etait dispensé par le peu d'exactitude que Philippe IV avait montré dans l'éxécution de ses propres engagements.

[2]) *Mignet*, Négociations, Introduction.

Людовикъ XIV, успѣвшій очень скоро войдти во вкусъ пріобрѣтенія испанскаго наслѣдства и начавшій съ этою цѣлью переговоры уже вскорѣ по вступленіи въ самодержавное управленіе Франціей, не считалъ нужнымъ отказаться отъ своихъ плановъ и послѣ того, какъ со смертію Филиппа IV испанская корона перешла на голову малолѣтняго Карла II. Послѣдній былъ болѣзненный ребенокъ, но ждать его, по видимому, близкой смерти казалось Людовику XIV все-таки слишкомъ долгимъ и томительнымъ дѣломъ, и вотъ онъ придумалъ средство присвоить себѣ хотя бы часть испанскаго наслѣдства, не дожидаясь смерти Карла II. Основываясь на такъ-называемомъ деволюціонномъ правѣ, то-есть, на господствовавшемъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Испанскихъ Нидерландовъ обычаѣ, въ силу котораго при передачѣ отцовскаго наслѣдства отдавалось предпочтеніе дѣтямъ отъ перваго брака предъ дѣтьми втораго брака, Людовикъ XIV объявилъ притязанія по крайней мѣрѣ на часть испанскаго наслѣдства, именно на тѣ провинціи Испанскихъ Нидерландовъ, въ которыхъ господствовалъ упомянутый обычай. Убѣдившись въ невозможности добиться своего требованія путемъ дипломатіи, Людовикъ XIV прибѣгъ къ силѣ оружія и началъ войну за Испанскіе Нидерланды. По Ахенскому миру, которымъ окончилась эта война, Людовикъ XIV пріобрѣлъ цѣлый рядъ очень важныхъ для Франціи крѣпостей съ ихъ территоріями (Шарльруа, Атъ, Дуэ, Турнэ, Уденардъ, Лиль и др.), расширившихъ и упрочившихъ ея сѣверо-восточныя границы, до того времени очень слабыя съ этой стороны.

Война за Испанскіе Нидерланды повлекла за собою войну съ Голландіей. Людовикъ XIV рѣшился отомстить Голландской республикѣ за заключеніе ею тройственнаго союза съ Англіей и Швеціей противъ Франціи, союза, по настоятельному посредничеству котораго былъ заключенъ союзъ въ Ахенѣ. Разстроивъ искусными дипломатическими маневрами этотъ тройственный союзъ, Людовикъ XIV обрушился на безпомощную, предоставленную лишь собственнымъ силамъ Голландію. Нападеніе Людовика XIV на Голландію испугало Германію и вызвало коалицію противъ Франціи изъ императора, курфюрста Бранденбургскаго, большей части имперскихъ княжествъ и Испаніи. Нимвегенскій миръ, которымъ закончилась война съ Голландіей, принесъ Франціи только ту пользу, что Испанія, вмѣшавшаяся въ борьбу, поплатилась за это потерею Франшъ-Конте и четырнадцати городовъ въ Испанскихъ Нидерландахъ.

II.

Безсиліе западной Европы въ виду возрастающаго могущества Франціи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII вѣка.

Успѣхи Франціи въ войнѣ за Испанскіе Нидерланды и въ войнѣ съ Голландіей, явное стремленіе Людовика XIV къ расширенію и укрѣпленію границъ своего государства на сѣверо-востокѣ, притязанія его на все испанское наслѣдство, и вообще, быстрое развитіе могущества Франціи съ начала самодержавнаго правленія Людовика XIV стали внушать серьезныя опасенія западной Европѣ за сохраненіе политическаго равновѣсія. И дѣйствительно, Франція въ короткій періодъ времени выросла въ первенствующую державу, съ которой ни одна европейская держава, сама по себѣ, не въ силахъ была состязаться. Во главѣ ея стоялъ проникнутый сознаніемъ своего самодержавія король во цвѣтѣ силъ, дѣятельный, трудолюбивый, съ твердою волею, олицетворявшій въ свбей особѣ все государство, съ безграничною властью надъ своимъ народомъ, исполненный жаждою славы и окруженный такими дѣятельными и даровитыми сотрудниками, каковы были Кольберъ, Лувуа, де-Ліоннъ, такими опытными и знаменитыми полководцами, какъ Тюреннь, Конде, Люксанбуръ. Все должно было безусловно подчиниться неограниченной волѣ короля, который опирался на сочувствіе и благоговѣніе своего народа, жаждавшаго послѣ смутъ Фронды строгаго порядка и государственнаго единства; передъ авторитетомъ короля, почти убѣжденнаго въ божественномъ происхожденіи своей власти, должны были смолкнуть парижскій парламентъ и преклониться еще такъ недавно мутившая гордая, строптивая аристократія. Во всѣхъ сферахъ жизни закипѣла энергическая работа; много накопившихся злоупотребленій, обусловливавшихся или насиліемъ вельможъ, или бездѣятельностью и хищничествомъ администраціи, было устранено; реформы Кольбера въ сферѣ финансовъ, торговли и промышленности, а также и администраціи, увеличили матеріальное благосостояніе Франціи, сдѣлали ее способною соперничать со своими сосѣдями въ торговлѣ и промышленности, подготовили громадныя средства для осуществленія политическихъ замысловъ Людовика XIV, ввели порядокъ и единство въ сферѣ управленія; реформы въ сферѣ суда улучшили гражданское законодательство и обезпечили личную и имущественную безопасность;

реформы Лувуа создали сильную, стройную и строго дисциплинированную армію, способную побѣдоносно бороться съ арміями многихъ коалицій, образовавшихся противъ Франціи; рядъ крѣпостей, сооруженныхъ по планамъ геніальнаго Вобана, обезопасилъ Францію отъ нападеній враговъ и упрочилъ сдѣланныя ею пріобрѣтенія; флотъ, созданный усиліями Кольбера и маркиза Сеньеле и руководимый такими адмиралами, какъ Дюкень, и Турвиль, сдѣлался опаснымъ даже для такой морской державы, какою была тогда Голландія; благодаря начавшейся колонизаціи, господство Франціи утвердилось и за океаномъ. Въ это время Франція выросла и въ умственномъ отношеніи: Расинъ, Корнель, Мольеръ, Боссюэтъ, Фенелонъ придали блескъ французской литературѣ и сдѣлали ее предметомъ удивленія и подражанія во всей западной Европѣ. Французскій языкъ со времени Нимвегенскаго мира сталъ дипломатическимъ языкомъ всей Европы, а къ концу XVII столѣтія и разговорнымъ языкомъ всего образованнаго европейскаго общества; Франція сдѣлалась также законодательницей модъ, которымъ рабски слѣдовала вся Европа. Но особенно сильно давало себя чувствовать подавляющее превосходство Франціи съ начала царствованія Людовика XIV въ международныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ. Всюду, по всей Европѣ, дипломатія и политика Версальскаго кабинета раскинула свои сѣти, и не было, казалось, такого сколько-нибудь выдающагося политическаго вопроса въ жизни главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ, на рѣшеніе котораго не имѣла бы большаго или меньшаго вліянія ея политика. И нужно сказать, что положеніе западно-европейскихъ государствъ во второй половинѣ XVII столѣтія этому, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало. Въ Англіи со времени реставраціи Стюартовъ Людовикъ XIV постоянно поддерживаетъ антагонизмъ между королемъ и парламентомъ, въ Голландіи — республиканскую партію противъ оранской; въ Германіи онъ господствуетъ надъ Рейнскимъ союзомъ и поддерживаетъ постоянно возстаніе Венгровъ противъ Австріи, а подчасъ направляетъ противъ нея и Турокъ; на Пиринейскомъ полуостровѣ Людовикъ XIV поддерживаетъ Португалію противъ Испаніи; всюду Людовикъ XIV находитъ себѣ союзниковъ, готовыхъ къ его услугамъ: Швейцарія является постоянною его союзницей, а также большею частію и Швеція; въ Германіи такимъ, почти постояннымъ, союзникомъ Франціи былъ курфюрстъ Баварскій, въ Италіи—герцогъ Савойскій. Всѣмъ этимъ объясняется легкость и нерѣдко безнаказанность многихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Людовикомъ XIV

въ первыя десятилѣтія его царствованія. Не говоря уже о пріобрѣтеніи Дюнкирхена, безразсудно уступленнаго Карломъ II Франціи за пять милліоновъ ливровъ, Людовикъ XIV утверждаетъ свое господство надъ Лотарингіей, отнимаетъ у Испаніи Франшъ-Конте и цѣлый рядъ крѣпостей во Фландріи. Но Людовику XIV мало всего этого: онъ помышляетъ о пріобрѣтеніи всего испанскаго наслѣдства, а при удобномъ случаѣ, даже и императорской короны.

Такъ какъ во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Людовикомъ XIV до конца XVII вѣка, ему всегда приходилось, вслѣдствіе его притязаній на испанское наслѣдство, вести борьбу съ Испаніей, и даже непосредственно предъ принятіемъ завѣщанія Карла II, Людовикъ готовился, при неудачѣ дипломатіи, силой оружія овладѣть Испанскою монархіей, то мы считаемъ нужнымъ выяснить здѣсь прежде всего, на сколько Испанія въ силахъ была, по своему внутреннему положенію въ царствованіе Филиппа IV и Карла II, оказать противодѣйствіе, равносильное стремленіямъ Франціи.

Въ территоріальномъ отношеніи Испанія въ царствованіе Филиппа IV и его сына не много утратила изъ тѣхъ земель, которыя входили въ составъ ея въ блестящую эпоху Филиппа II: и теперь, какъ прежде, солнце не заходило во владѣніяхъ Испанскаго короля. Но еще со времени Пиринейскаго мира она была безсильна въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Это безсиліе обусловливалось въ значительной степени и экономическимъ разстройствомъ и вообще внутреннею политикой Испаніи. Изгнаніе изъ Испаніи промышленнаго населенія Мавровъ и Евреевъ, презрѣніе Испанцевъ ко всякому промышленному труду, постепенное исчезновеніе прежней политической свободы, фанатическая дѣятельность инквизиціи, отпаденіе Нидерландцевъ, безпрерывныя войны, плохая администрація, все это, вмѣстѣ взятое, крайне ослабило Испанію, разорило ее въ экономическомъ отношеніи и свело на степень второстепенной державы. Такой король, какъ Филиппъ IV, еще въ молодости умышленно изнѣженный и развращенный Лермою и находившійся подъ чуждымъ вліяніемъ то Лермы, то Оливареса, то другихъ, конечно, не въ состояніи былъ улучшить положеніе государства; преобразовательные планы Оливареса, двадцать лѣтъ почти неограниченно управлявшаго Испаніей за Филиппа IV, ограничились лишь нѣкоторыми частными мѣрами (ограниченіе роскоши, мѣры для увеличенія народонаселенія) и не привели ни къ чему, а страшный произволъ, введенный имъ при вымогательствѣ новыхъ налоговъ для нескончаемыхъ войнъ,

только возбудилъ негодованіе въ Португаліи и привелъ къ отпаденію ея и къ возстанію въ Каталоніи, въ Андалузіи, въ Палермо и Неаполѣ. Ко времени, совпадающему почти съ началомъ самодержавнаго правленія Людовика XIV, именно въ 1662 г., финансовое положеніе Испаніи будто улучшилось, и государственные доходы значительно возросли; но это обусловливалось такими чрезвычайными мѣрами, отъ которыхъ нельзя было ожидать постояннаго или даже продолжительнаго улучшенія, а именно отъ ухудшенія чекана монеты, отъ произвольнаго пониженія процентовъ по государственному долгу, отъ чрезмѣрнаго увеличенія и безъ того высокихъ косвенныхъ налоговъ, отъ введенія гербовой бумаги и, наконецъ, отъ продажи государственныхъ должностей и дипломовъ на дворянство. На самомъ же дѣлѣ финансовое и экономическое положеніе Испаніи въ царствованіе Филиппа IV постоянно ухудшалось, и многіе изъ процвѣтавшихъ прежде торговыхъ и промышленныхъ городовъ Испаніи, какъ Севилья, Толедо, Бургосъ и др., лишились значительной части своего населенія, уменьшили производительность свою и торговые обороты. Ухудшилось и внѣшнее политическое положеніе Испаніи. Не говоря уже о земляхъ, уступленныхъ Франціи, Испанія терпѣла также и въ борьбѣ съ Голландіей. Голландскіе флоты опустошали колоніи и угрожали отнятіемъ Бразиліи, угрожали Кадиксу и Коруньѣ; прежнее господство Испаніи на моряхъ было утрачено; отъ громаднаго испанскаго флота временъ Филиппа II уцѣлѣли только жалкіе остатки, такъ что къ концу царствованія Филиппа IV всѣ морскія силы Испаніи состояли только изъ шести испанскихъ и изъ восемнадцати сицилійскихъ, неаполитанскихъ и сардинскихъ галеръ [1]). „Дай Богъ, чтобы ты счастливѣе царствовалъ, чѣмъ я“: таковы были послѣднія слова умирающаго Филиппа IV, обращенныя къ его малолѣтнему наслѣднику; но пожеланію этому не суждено было осуществиться и въ царствованіе этого послѣдняго отпрыска испанскихъ Габсбурговъ. Карлъ II, который отличался такимъ болѣзненнымъ и ненормальнымъ развитіемъ, что пяти лѣтъ не умѣлъ свободно ходить, и котораго даже десяти-лѣтняго нерѣдко носили на рукахъ приставленныя къ нему женщины, Карлъ уступавшій по способностямъ своему отцу и дѣду, былъ плохою опорой для сильно расшатанной Испанской монархіи. Для серьезнаго дѣла у Карла II до конца жизни

---

[1]) *Havemann*, Darstellung aus der inneren Geschichte Spaniens während des XV, XVI und XVII Jahrhunderts. Göttingen. 1850. S. 337—352.

не хватало ни силъ, ни терпѣнія, хотя онъ былъ на престолѣ 36 лѣтъ. Регенство надъ Испаніей было, согласно завѣщанію Филиппа IV, поручено королевѣ матери Маріи-Аннѣ Австрійской, сестрѣ императора Леопольда, въ помощь которой назначенъ былъ правительственный совѣтъ. Но регентша, ревниво оберегавшая свою власть и свои права предъ остальными членами регенства, совершенно подпала вліянію своего нѣмецкаго духовника Эбергарда Нейтгарда, очень хитраго, но крайне ограниченнаго іезуита, который былъ сдѣланъ генераломъ-инквизиторомъ и по своему званію занялъ видное мѣсто и въ регенствѣ. Не только Нейтгарду не было никакого дѣла до интересовъ Испаніи, но и сама регентша, не питавшая ни малѣйшей любви къ Испаніи, заботилась только объ интересахъ австрійскаго дома въ Испаніи; единственный способный и дѣятельный человѣкъ, который могъ имѣть сильное вліяніе на государственныя дѣла, именно побочный сынъ Филиппа IV, донъ-Жуанъ Австрійскій былъ, по настоянію королевы, устраненъ отъ участія въ совѣтѣ регенства. При такомъ правительствѣ политическое положеніе Испаніи съ каждымъ днемъ только ухудшалось. Слабость ея была такова, что она оказывалась неспособною не только къ борьбѣ съ усиливающеюся Франціей, но даже къ защитѣ своихъ владѣній отъ слабой сосѣдней Португаліи, такъ что не только въ Кастиліи, но и въ окрестностяхъ Севильи Испанцы терпѣли сильно отъ нападеній и грабежей Португальцевъ. Наконецъ, гордое, не смотря на свое безсиліе, испанское правительство, долго не соглашавшееся признать за Браганцскимъ домомъ королевскій титулъ, принуждено было въ 1668 г. признать Іакова IV королемъ Португаліи и, обезопасивъ себя этою цѣной со стороны менѣе сильнаго сосѣда, обратить свои силы на защиту Испанскихъ Нидерландовъ со стороны Франціи. Но само собою разумѣется оказавшаяся безсильною даже противъ Португаліи, Испанія не въ состояніи была ничего противопоставить могущественному королю Франціи. На борьбу съ многочисленною, образцовою и всѣмъ въ изобиліи снабженною арміей французскою, предводимою Тюреннемъ, испанское правительство выставило въ Испанскихъ Нидерландахъ немногочисленные полки, которые, не получая жалованья, должны были питаться милостыней [1]). И только благодаря образованію тройнаго союза, Испанія по Ахенскому миру поплатилась менѣе за свое безсиліе, чѣмъ можно было бы ожидать, суля по началу блестящей кам-

[1]) *Havemann*, 357.

панiи французской арміи. Когда же, во время войны Людовика XIV съ Голландіей, Испанія рѣшилась принять сторону послѣдней противъ Франціи, то по Нимвегенскому миру понесла еще большія утраты во Фландріи и лишилась Франшъ-Конте. Еще не задолго до Нимвегенскаго мира Мессина, возставшая противъ ненавистнаго ей испанскаго владычества, провозгласила своимъ королемъ Людовика XIV, который уже отправилъ было туда своего вице-короля (февраль 1675 г.). Италіанскія и каталонскія войска, предназначавшіяся для войны противъ Франціи, успѣли подавить возстаніе, но былъ моментъ, когда, казалось, весь островъ Сицилія былъ уже потерянъ для Испаніи, и только своевременное появленіе голландскаго флота съ талантливымъ Рюйтеромъ во главѣ положило предѣлъ угрожавшей со стороны Франціи опасности [1]).

Когда Карлъ II въ 1675 г. достигъ совершеннолѣтія, ему удалось ускользнуть изъ-подъ вліянія матери и приблизить къ себѣ въ качествѣ перваго совѣтника донъ-Жуана Австрійскаго. Но переворотъ, происшедшій въ управленіи Испаніей съ удаленіемъ въ Толедо регентши, оказался только внѣшнимъ и притомъ временнымъ. И донъ-Жуанъ, хотя и умный человѣкъ, оказался не способнымъ вывести Испанію на новый путь: его занимали всего болѣе его честолюбивыя мысли о достиженіи испанскаго престола, о благѣ же Испаніи онъ вовсе не заботился; онъ, напротивъ, умышленно поддерживалъ безпечность короля и всѣ сколько-нибудь выдающіяся по способностямъ личности удалялъ отъ двора. Но вскорѣ онъ и самъ былъ низвергнутъ интригами духовника Карла II, и возвратившаяся въ столицу Марія-Анна снова получила прежнее значеніе и вліяніе на дѣла. Эта борьба партій при мадридскомъ дворѣ еще болѣе разслабляла безсильную Испанію.

Къ концу царствованія Карла II разстройство Испаніи въ отношеніи политическомъ и общественномъ, въ отношеніи военныхъ силъ, финансовъ и народнаго хозяйства еще болѣе увеличилось, такъ что безъ защиты со стороны остальныхъ западно-европейскихъ государствъ Испанская монархія могла сдѣлаться легкою добычею для французскаго оружія, тѣмъ болѣе что пріобрѣтеніе испанскаго наслѣдства и составляло завѣтную мечту Людовика XIV, для осуществленія которой онъ былъ готовъ на всякія жертвы.

Безсиліе Германіи еще съ Вестфальскаго мира обнаружилось въ

---

[1]) *Ranke*, Franz. Gesch. B. III, S. 318; *Havemann*, 358.

полной мѣрѣ: императорскій домъ былъ униженъ; единство Нѣмецкой имперіи, давно уже, впрочемъ, бывшее почти только призракомъ, было окончательно разрушено; самое имя „Германія“ сдѣлалось уже только традиціоннымъ географическимъ названіемъ для 355 духовныхъ и свѣтскихъ независимыхъ владѣній, которыя находились между собою въ отношеніяхъ права международнаго; безсиліе центральной власти, бездѣйствіе и неповоротливость имперскаго сейма, безнадежная испорченность медленной и продажной имперской юстиціи, постоянное возрастаніе власти отдѣльныхъ государей въ ущербъ единству имперіи; экономическое и финансовое разореніе страны, обнищаніе и одичаніе народа отъ долголѣтнихъ войнъ, безсиліе въ военномъ отношеніи, упадокъ національнаго сознанія и рабское слѣпое подражаніе всему французскому въ высшемъ классѣ— вотъ характеристическія черты Германіи во второй половинѣ XVII вѣка, когда съ запада ей постоянно угрожала Франція, а съ востока — Турція. Положеніе Австріи, стоявшей во главѣ имперіи, было немногимъ лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и хуже, чѣмъ положеніе другихъ государствъ, входившихъ въ составъ имперіи, хотя, за исключеніемъ Богеміи, Австрія сравнительно меньше пострадала отъ Тридцатилѣтней войны, чѣмъ имперія вообще [1]). Во главѣ Австріи стоялъ императоръ Леопольдъ, отличавшійся характеромъ слабымъ, нерѣшительнымъ, апатичнымъ, наивно-довѣрчивымъ. Заботясь почти исключительно о выгодахъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній, чуждыхъ общимъ интересамъ нѣмецкаго народа, Леопольдъ ничего не сдѣлалъ и для улучшенія положенія своего государства: ко всякимъ нововведеніямъ и реформамъ онъ питалъ упорное недовѣріе и предубѣжденіе; яснаго и вѣрнаго взгляда на общее политическое положеніе Европы вообще и Австріи въ особенности у него никогда не было; въ дѣлахъ внутреннихъ онъ руководился большею частью совѣтами своего духовника и нѣсколькихъ іезуитовъ, съ которыми поддерживалъ постоянныя сношенія; въ экономическомъ и въ умственномъ отношеніи Австрія послѣ Вестфальскаго мира очень плохо и медленно оправлялась отъ крайняго разоренія; а между тѣмъ при дворѣ и въ администраціи господствовала крайняя расточительность: содержаніе безчисленнаго множества ненужныхъ чиновниковъ и многочисленнаго двора поглощало значительную часть бюджета, тогда какъ государственный доходъ въ военное время оказывался недоста-

[1]) *Gaedeke*, Die Politik Oesterreichs, II, 58.

точнымъ даже для содержанія арміи, не говоря уже о расходахъ чрезвычайныхъ. Министры Леопольда — Лобковицъ, Ауэршпергъ, Ламбергъ, Кинскій, Гаррахъ Старшій и другіе — были большею частію такіе же нерѣшительные, апатичные и безцвѣтные люди, какъ и самъ король, а нѣкоторые изъ нихъ еще позорили себя и продажностью. Политика Вѣнскаго кабинета отличалась крайнею близорукостью, безконечною медлительностью и частою безтактностью. Между тѣмъ государство, состоявшее изъ совершенно разнородныхъ элементовъ, при крайней децентрализаціи, нуждалось въ твердомъ и сильномъ правительствѣ, которое сумѣло бы придать хоть нѣкоторое единство, нѣкоторую общность искусственно собраннымъ подъ одною верховною властью землямъ. На самомъ же дѣлѣ не только не существовало такого единства, но Австрія должна была еще постоянно опасаться отложенія одной изъ важнѣйшихъ провинцій, именно Венгріи, не разъ возставававшей противъ Габсбурговъ и мечтавшей о самостоятельной политической жизни. Не говоря уже объ опасности со стороны Франціи, Австріи нужно было постоянно почти быть на готовѣ противъ Турокъ, соединявшихся иногда съ Венграми. Между тѣмъ положеніе Австріи дошло до того, что самая столица ея чуть не попала въ руки Турокъ. Несомнѣнно, что безъ неожиданной помощи Польши, Австрія оказалась бы безсильною освободить столицу, осажденную въ 1683 г. Турками. Правда, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., какъ въ войнахъ съ Турціей, такъ и въ войнахъ за испанское наслѣдство, Австрія имѣла значительный успѣхъ, но это объясняется или побѣдами геніальнаго Евгенія Савойскаго или содѣйствіемъ союзниковъ, то-есть, случайными причинами.

Руководимая слабымъ, нерѣшительнымъ императоромъ, раздробленная Германія оказывалась, разумѣется, большею частію совершенно несостоятельною въ борьбѣ съ могущественною Франціей или если и удавалось германскимъ войскамъ одерживать побѣды надъ арміями Людовика XIV, какъ это было во время войны за Голландію въ союзѣ съ Испаніей, съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ и другими, то Германія не умѣла извлекать изъ своихъ побѣдъ тѣ выгоды, на которыя давали ей право ея побѣды, какъ это обнаружилось ясно при заключеніи Нимвегенскаго мира. Не даромъ же послѣ этого мира великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ, возмущенный слабостью и нерѣшительностью императора, отказался отъ союза съ имперіей и снова перешелъ, правда, на время, на сторону Людовика XIV; не даромъ, позже того, курфюрстъ Майнцскій, по

случаю захвата Людовикомъ XIV Страсбурга безъ всякаго противодѣйствія со стороны императора, въ порывѣ раздраженія противъ обнаруженной имъ слабости, воскликнулъ: „Австрія, очевидно, не способна болѣе отстоять имперію, нужно намъ поискать себѣ другаго императора“ [1]).

Таково было положеніе Германіи въ виду возростающаго могущества Франціи, и понятно, она не могла служить противовѣсомъ этому могуществу, не въ силахъ была поддержать политическаго равновѣсія Европы.

Положеніе Англіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVII столѣтія также благопріятствовало честолюбивымъ замысламъ и завоевательнымъ стремленіямъ Людовика XIV. Когда по смерти Кромвеля власть надъ Англіей перешла къ военачальникамъ, не имѣвшимъ ни способностей великаго протектора, ни его доблестей, и когда государству грозило господство солдатъ, обѣ господствующія партіи, кавалеры и круглоголовые, епископалы и пресвитеріане, забывъ на время свои распри, рѣшились съ общаго согласія возстановить конституціонную монархію со Стюартами во главѣ. Но обѣ эти партіи, примирившіяся на минуту для возстановленія монархіи, тотчасъ послѣ реставраціи возобновили старинную вражду, какъ въ отношеніи политическомъ, такъ и въ религіозномъ. Хотя въ палатѣ общинъ, избранной еще до реставраціи, преобладали пресвитеріане, но большинство націи склонялось на сторону роялистовъ. О казни Карла I и о господствѣ арміи толпа вспоминала уже съ омерзеніемъ. Встрѣченный при возвращеніи своемъ въ Англію съ неподдѣльнымъ восторгомъ, Карлъ II въ первое время былъ такъ любимъ народомъ, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Но легкомысленный, лѣнивый, преданный чувственнымъ наслажденіямъ и равнодушный къ славѣ, Карлъ II, хотя и одаренный отъ природы отличными способностями, не сумѣлъ сохранить народную привязанность и воспользоваться своимъ благопріятнымъ положеніемъ для упроченія династіи Стюартовъ. Изъ всѣхъ превратностей судьбы, испытанныхъ имъ во время своего скитальчества, онъ не вынесъ никакого умудряющаго опыта, никакихъ благородныхъ стремленій. Подобно своему отцу и дѣду, онъ тяготился контролемъ парламента и склоненъ былъ къ деспотическому правленію, не потому, чтобы раздѣлялъ убѣжденія своего дѣда о божественномъ происхожденіи королевской власти, и

---

[1]) *Ranke*, Franz. Geschichte, B. III, S. 346.

не потому, что онъ находилъ, подобно отцу, наслажденіе въ личномъ управленіи государствомъ, а потому, что онъ не могъ выносить ничего, что̀ стѣсняло его, мѣшало его сладострастному покою. Но стремясь къ усиленію своей власти, Карлъ II не обнаруживалъ никакого упорства и настойчивости, не шелъ на проломъ по системѣ Страффорда, а оказывался чрезвычайно гибкимъ и терпѣливымъ, пуская въ ходъ и подкупъ, и лесть, и уступки, и увѣщанія, стараясь по возможности поддержать хорошія отношенія съ парламентомъ и выжидая благопріятнаго времени для начала борьбы, въ надеждѣ на сформированіе и поддержку постоянной арміи. Будучи въ душѣ католикомъ, Карлъ II и по политическимъ соображеніямъ своимъ отдавалъ предпочтеніе католическому вѣроисповѣданію предъ протестантскимъ, сознавая, что деспотизмъ въ государствѣ едва ли возможенъ при свободѣ совѣсти и изслѣдованія, неразлучной съ протестантизмомъ. Сильное противодѣйствіе со стороны парламента скоро убѣдило Карла II въ необходимости посторонней поддержки для осуществленія своихъ политическихъ и религіозныхъ плановъ. Эту поддержку Карлъ II надѣялся найдти всего скорѣе въ Людовикѣ XIV, какъ въ самомъ абсолютномъ монархѣ и ревностномъ защитникѣ католицизма. Въ стремленіи къ усиленію своей власти Карлъ II находилъ въ первое время поддержку и въ канцлерѣ королевства, графѣ Кларендонѣ, который раздѣлялъ изгнаніе со Стюартами, и послѣ возвращенія въ Англію, сдѣлавшись первымъ министромъ, игнорируя происшедшій въ нравахъ и понятіяхъ переворотъ, по прежнему стоялъ за усиленіе монархической власти и съ ненавистью смотрѣлъ на круглоголовыхъ. Въ религіозныхъ же убѣжденіяхъ онъ расходился съ королемъ, будучи крайнимъ защитникомъ епископальной церкви и ненавидя пуританъ. Такимъ образомъ, тотчасъ послѣ возстановленія на престолѣ Карла II, не только возстановлено было вполнѣ прежнее епископальное устройство, но начались даже жестокія гоненія противъ диссидентовъ, въ то время какъ папистовъ правительство щадило. Это естественно возбудило во многихъ подозрѣніе на счетъ искренности протестантскихъ убѣжденій короля и подорвало популярность его. Но скоро и сами роялисты стали осуждать дворъ, видя какъ возрастали пышность и роскошь его, а финансы все болѣе разстраивались. Обильное вино, веселые разговоры, красивыя лэди поглощали все время короля. Продажа Людовику XIV Дюнкирхена, этого трофея англійской храбрости, усилила еще ропотъ противъ правительства, но этотъ глухой ропотъ замѣнило скоро бурное не-

годованіе всей націи, когда Карлъ II въ союзѣ съ Людовикомъ XIV началъ войну противъ протестантской Голландіи. Эта война покрыла Англію позоромъ и еще болѣе уронила въ глазахъ націи правительство. Всего болѣе гнѣвъ народа обрушился на Кларендона, какъ на отвѣтственнаго главу министерства: его обвиняли и въ продажѣ Дюнкирхена, и въ сожженіи англійскихъ кораблей ворвавшимися въ Темзу Голландцами, осадившими самую столицу. Только бѣгствомъ изъ Англіи Кларендонъ спасъ свою жизнь, но былъ осужденъ парламентомъ на вѣчное изгнаніе. Такъ какъ приверженность къ Франціи было однимъ изъ главныхъ обвиненій, выставленныхъ нижнею палатою противъ Кларендона, и такъ какъ англійская нація подозрительно смотрѣла на сношенія своего правительства съ французскимъ дворомъ, то Карлъ II и его новые совѣтники нашли нужнымъ перемѣнить фронтъ и, уступая общественному мнѣнію, разорвать дружбу съ Франціей и заключить союзъ съ Генеральными штатами противъ Людовика XIV, армія котораго въ это время уже побѣдоносно дѣйствовала въ Испанскихъ Нидерландахъ. Переговоры съ Голландіей поручено было вести опытному дипломату Уйльяму Темплю, англійскому резиденту въ Брюсселѣ. Голландія, сама ревниво слѣдившая за успѣхами французскаго оружія въ сосѣдней Фландріи, охотно вступила въ переговоры съ Англіей. Къ союзу, заключенному между ними, вскорѣ примкнула и Швеція, и такимъ образомъ составился тройной союзъ (Triple-alliance). Этотъ союзъ, который съ одинаковою радостью привѣтствовали въ Англіи и роялисты, и круглоголовые, не былъ по душѣ Карлу II, давшему свое согласіе только въ виду усиленія такъ-называемой патріотической партіи (Country party). Но уступка, сдѣланная этой партіи, къ которой принадлежали искренніе патріоты, какъ изъ епископаловъ, такъ и изъ пуританъ, придала ей много силъ и увеличила ея притязанія. Чувствуя себя связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, тяготясь давленіемъ парламента и не имѣя на своей сторонѣ никакой партіи, Карлъ рѣшился вступить въ тайныя сношенія съ Людовикомъ XIV и съ помощью его арміи и денежныхъ субсидій сбросить съ себя зависимость отъ парламента. Посредницею между Вайтгольскимъ и Версальскимъ дворами была сестра Карла II, Генріэта, герцогиня Орлеанская, невѣстка Людовика XIV. Чрезъ нее-то Карлъ II далъ знать Людовику XIV о своей готовности принять открыто католицизмъ, расторгнуть тройственный союзъ и соединиться съ Франціей противъ Голландіи подъ условіемъ военной и денежной помощи со стороны Лю-

78457

довика XIV для утвержденія неограниченнаго правленія въ Англіи. Людовикъ XIV, надѣясь извлечь пользу изъ союза съ Англіей для осуществленія своихъ честолюбивыхъ плановъ, охотно согласился на предложеніе Карла II. И вотъ въ маѣ 1670 г. между Англіей и Франціей былъ заключенъ въ Дуврѣ тайный договоръ, въ силу котораго Карлъ II обязывался объявить въ Англіи католицизмъ господствующею религіей, помогать Людовику XIV въ войнѣ противъ Голландіи и поддерживать притязанія его въ Испаніи; съ своей стороны, Людовикъ XIV обѣщалъ Карлу II, кромѣ денежной субсидіи, и военную поддержку въ случаѣ возмущенія въ Англіи. Для упроченія своего союза съ Англійскимъ королемъ, Людовикъ XIV не щадилъ никакихъ средствъ: зная слабость Карла II къ красивымъ женщинамъ, Людовикъ XIV отправилъ къ двору его дѣвицу Керруай, которая должна была овладѣть Карломъ II и привязать его къ французской политикѣ.

Предполагаемая война съ Голландіей требовала громадныхъ издержекъ, а поступавшіе въ казну доходы оказывались недостаточными даже и въ мирное время. Пришлось прибѣгнуть къ новому займу, по которому правительство затруднялось уплатить даже проценты, не говоря уже о погашеніи долга. Между тѣмъ война съ Голландіей усложнилась вслѣдствіе присоединенія къ послѣдней Испаніи и Германіи. Попытка произвольно возвысить налоги могла вызвать возмущеніе, а на помощь Людовика XIV для подавленія этого возмущенія Карлъ II не могъ разчитывать во время войны: пришлось волей-неволей созвать парламентъ для разрѣшенія налоговъ. Созванный весною 1673 г. парламентъ тотчасъ далъ почувствовать Карлу II свою власть. Незадолго передъ тѣмъ новое министерство Кабаль, поддерживавшее политику короля, издало эдиктъ о свободѣ вѣроисповѣданій съ цѣлью дать правительству возможность покровительствовать католикамъ. Отечественная партія во вновь созванномъ парламентѣ съ яростью напала на политику министерства и потребовала уничтоженія акта о свободѣ вѣроисповѣданій. Но затѣмъ палата общинъ пошла далѣе и вынудила у короля согласіе на законъ, извѣстный подъ именемъ Test-act, въ силу котораго всѣ лица, находившіяся на военной и гражданской службѣ, должны были давать присягу въ томъ, что они не раздѣляютъ догматовъ католической церкви. Карлъ II долженъ былъ также распустить ненавистное министерство Кабаль и заключить союзъ съ Голландіей. И дѣйствительно, въ началѣ 1674 г. Англія заключила отдѣльный миръ съ Голлан-

дiей, и Людовику XIV пришлось уже одному продолжать борьбу съ цѣлою коалицiей державъ. Когда Версальскому кабинету стало извѣстно, что нижняя палата настаиваетъ на войнѣ съ Францiей, и что патрiотическое направленiе новаго премьера, графа Денби, начинаетъ брать верхъ въ самомъ совѣтѣ короля, тогда Людовикъ XIV вдругъ перемѣнилъ политику въ отношенiи Англiи: до сихъ поръ онъ поддерживалъ тронъ противъ парламента, теперь онъ вошелъ въ сношенiя съ парламентскою оппозицiей чрезъ своего посла Барильона и сталъ поддерживать парламентъ противъ Карла II, которому онъ также мало довѣрялъ, какъ и оппозицiя. Такимъ образомъ, начиная съ реставрацiи, Людовику XIV удавалось или пользоваться силами Англiи, какъ союзной державы, или держать ее въ совершенномъ бездѣйствiи. Въ такомъ бездѣйствiи относительно континентальныхъ дѣлъ оставалась Англiя до вступленiя на престолъ Англiи Вильгельма Оранскаго. Правда, въ началѣ 1678 г., когда принцъ Оранскiй былъ обрученъ съ племянницей Карла II, Марiей, дочерью герцога Iоркскаго, заключенъ былъ оборонительный союзъ между Англiей и Соединенными Штатами Нидерландовъ; но, какъ оборонительный, союзъ этотъ нисколько не мѣшалъ завоевательнымъ стремленiямъ Людовика XIV. Карлъ II, напротивъ того, продолжалъ поддерживать связи съ Людовикомъ, и даже Галифаксу, ставшему во главѣ министерства вмѣсто Денби, низвергнутаго интригами Версальскаго кабинета, не удалось при всемъ расположенiи къ нему Карла убѣдить его разорвать связи съ Людовикомъ и заключить съ Голландiей договоръ на основанiяхъ тройственнаго союза: и самъ Карлъ, и братъ его герцогъ Iоркскiй, получившiй сильное вliянiе на дѣла, все еще продолжали лелѣять въ душѣ надежду на осуществленiе цѣли Дуврскаго трактата. Когда же вступилъ на престолъ герцогъ Iоркскiй подъ именемъ Iакова II, то положенiе Людовика XIV относительно Англiи сдѣлалось особенно выгоднымъ. Iаковъ II, стремившiйся уже явно къ водворенiю католицизма въ Англiи и тяготившiйся контролемъ парламента, подобно Карлу II, сознавалъ, что только съ помощiю армiи и золота Людовика XIV, онъ могъ еще разчитывать на достиженiе своихъ политическихъ и религiозныхъ плановъ; но, кромѣ того, онъ относился еще къ Людовику съ унизительнымъ подобострастiемъ: недѣлю спустя послѣ вступленiя на престолъ, онъ шлетъ Людовику XIV увѣренiе въ своей неизмѣнной преданности ему. Онъ безъ обиняковъ высказываетъ французскому послу, что безъ помощи Людовика XIV онъ ничего не можетъ сдѣ-

лать, что Французскій король имѣетъ право совѣтывать, а онъ, король Англіи, готовъ принимать совѣты. Послѣ обѣщанія денежной субсидіи со стороны Людовика XIV слѣдуетъ заключеніе тайнаго союза между Англіей и Франціей; когда же Людовику XIV начинаетъ грозить опасность со стороны Аугсбургской лиги, ему удается убѣдить Іакова II вступить въ союзъ открытый. Такимъ образомъ отъ реставраціи до революціи 1688 г., возведшей на престолъ Вильгельма Оранскаго, Англія не только не оказывала серьезнаго противодѣйствія Людовику XIV, но нерѣдко благопріятствовала его честолюбивымъ планамъ, не смотря на подозрительное и недоброжелательное отношеніе къ возрастающему могуществу Франціи со стороны англійской націи.

Въ совершенно иномъ положеніи была Франція относительно Голландіи во второй половинѣ XVII в. Голландія была единственнымъ государствомъ, которое по своему политическому и экономическому положенію могло оказывать и дѣйствительно оказывало въ теченіе всей второй половины XVII в. почти систематическое противодѣйствіе завоевательнымъ стремленіямъ Людовика XIV. Голландія была въ то время узломъ всѣхъ коалицій, которыя образовывались противъ Франціи. Съ тѣхъ поръ, какъ Испанія послѣ долгой и упорной борьбы должна была признать въ 1609 г. независимость Голландіи, эта незначительная по территоріи и абсолютному количеству населенія республика играла въ Европѣ въ теченіе всего XVII в. роль великой европейской державы и даже нерѣдко первенствующую роль. Такое важное значеніе Голландской республики въ это время обусловливалось прежде всего ея неоспоримымъ первенствомъ на моряхъ и въ сферѣ промышленности и торговли. Въ половинѣ XVII в. Голландія имѣла на морѣ такое же значеніе, какъ Англія при Наполеонѣ: она считала корабли свои тысячами и могла выставить до ста тысячъ матросовъ; голландскіе каперы были въ это время ужасомъ морей; гдѣ только торговыя сношенія велись морскимъ путемъ, посредниками являлись Голландцы; половина Европы строила свои флоты на саардамскихъ верфяхъ. Морская торговля въ то время ни у одного народа не достигла такихъ размѣровъ, какъ у Голландцевъ: она обнимала весь тогдашній міръ и всѣ отрасли торговой промышленности. Это торговое господство въ теченіе долгаго времени обусловливалось первенствомъ Голландіи на моряхъ, чрезвычайнымъ развитіемъ кораблестроенія и чрезвычайною дешевизной фрахта. Благодаря этому, Голландія въ XVII в. не только доставляла въ Европу

индѣйскіе и американскіе продукты, но и въ самой Европѣ служила главною торговою посредницей между различными государствами. До 70-хъ годовъ XVII в. вся торговля тропическаго пояса была раздѣлена между двумя голландскими компаніями: Остъ-индскою и Вестъ-индскою, и когда въ 1674 г. Вестъ-индская компанія послѣ полувѣковаго процвѣтанія прекратила свое существованіе, Остъ-индская продолжала увеличивать свои торговые обороты, такъ какъ наивысшей степени могущества въ Остъ-индіи Голландцы достигли именно въ концѣ XVII в.

Отъ 30 до 40 большихъ трехмачтовыхъ кораблей ежегодно совершали рейсъ между Голландіей и Индіей, и каковы были размѣры торговли Остъ-индской компаніи можно судить по тому, что въ 1663 году грузъ, привезенный изъ Индіи на пяти корабляхъ, былъ проданъ за милліонъ гульденовъ, между тѣмъ какъ покупная цѣна не превышала 600 тысячъ гульденовъ, а грузъ, доставленный въ 1697 г., купленный на мѣстѣ за 5 милліоновъ гульденовъ, проданъ былъ за 20 милліоновъ гульденовъ. Быстрое развитіе колонизаціи Голландіи въ Остъ-Индіи, на Зондскихъ островахъ и въ Вестъ-Индіи также, конечно, много способствовало развитію торговли въ Голландіи. Этому соотвѣтствовало и широкое развитіе промышленности: голландскія полотна до сихъ поръ еще въ славѣ; гарлемскія бѣлильни пользовались извѣстностью во всемъ мірѣ; лейденскія шерстяныя издѣлія превосходили даже англійскія; не говоримъ уже о сельдяномъ промыслѣ, этомъ „золотомъ днѣ“ Голландіи: извѣстно, что она снабжала рыбой не только всю Европу, но и колоніи въ Африкѣ, Азіи и Америкѣ. Благодаря свободѣ печати, Голландія пріобрѣла господство и на книжномъ рынкѣ. Но не въ отношеніи только матеріальнаго благосостоянія выдвигалась Голландія среди другихъ западно-европейскихъ государствъ. Еще рѣзче выдѣлялась она господствовавшею въ ней политическою и религіозною свободой и высокимъ и къ тому же общераспространеннымъ образованіемъ; въ каждой деревушкѣ была своя народная школа. Не только на поприщѣ науки и искусства, но и на государственномъ, Голландія выдвинула въ XVII в. цѣлый рядъ выдающихся личностей. Въ тотъ вѣкъ, когда во главѣ различныхъ отраслей науки стояли такіе ученые, какъ Салмазій, Гуго-Гроцій, Снеліусъ, когда цѣлый рядъ художниковъ, съ Рюисдалемъ и Рембрандтомъ во главѣ, возводятъ ландшафтную и жанровую живопись на степень высокаго совершенства, цѣлый рядъ замѣчательныхъ дѣятелей, какъ Ольденбарневельдъ,

де-Виттъ, Рюйтеръ, Вильгельмъ Оранскій, Гейнзіусъ руководятъ военными и гражданскими дѣлами республики. Но, господствуя на моряхъ, Голландія была слаба на сушѣ, такъ что на сухомъ пути она не въ силахъ была отбиться собственными средствами не только отъ многочисленной арміи Людовика XIV, но даже отъ ничтожнаго войска Мюнстерскаго епископа. Тѣмъ не менѣе Голландія на континентѣ была для Франціи опаснѣе всѣхъ другихъ западно-европейскихъ державъ не по своимъ военнымъ силамъ, а по богатству, которое давала Голландской республикѣ возможность составлять союзы противъ Франціи, поддерживать подобно Людовику XIV своихъ союзниковъ денежными субсидіями, покупать чужеземное войско. Если Голландія уклонялась отъ войны, то другимъ державамъ трудно было воевать съ Людовикомъ XIV, потому что у нея былъ нервъ войны—деньги. Это-то всего болѣе и раздражало Людовика XIV противъ дерзкихъ торгашей, какъ называлъ онъ Голландцевъ въ порывѣ раздраженія. Но и помимо того, Людовикъ XIV, какъ глава абсолютной и католической державы, долженъ былъ естественно смотрѣть враждебно на сосѣднюю протестантскую республику, гдѣ, пользуясь свободою печати, начинала свивать себѣ гнѣздо оппозиціонная литература Франціи, гдѣ находили себѣ убѣжище гонимые во Франціи гугеноты, когда началось преслѣдованіе ихъ. Голландія же болѣе другихъ государствъ имѣла основаніе опасаться возрастающаго могущества Франціи и притязаній Людовика XIV на испанское наслѣдство, особенно его покушенія на Испанскія Нидерланды. Вотъ почему Голландія была центромъ всѣхъ коалицій и соглашеній, направленныхъ противъ завоевательныхъ стремленій и захватовъ Людовика XIV и тройнаго союза, заключеннаго по иниціативѣ Вильгельма Оранскаго между Голландіей, Швеціей, Испаніей и императоромъ для поддержанія основъ Вестфальскаго и Нимвегенскаго договора [1]), и наконецъ, Аугсбургской лиги. Но въ Голландской республикѣ не было уже того единодушія, которое дало ей возможность выйдти побѣдоносно изъ борьбы съ колоссальною Испанскою монархіей: въ Голландіи уже давно шла борьба двухъ партій—республиканской и штатгальтерской или оранской. Республиканская партія, стоя на стражѣ политической свободы, не боялась морскихъ войнъ, клонившихся къ поддержанію морскаго и торговаго могущества республики, но постоянно противилась сухопутной войнѣ, опасной по неимѣнію

---

[1]) *Ranke*, Franz. Gesch., Ш, 345.

сухопутнаго войска и нежелательной по тому значенію, какое могъ получить стоящій во главѣ арміи полководецъ. Главою республиканской арміи былъ пенсіонарій провинціи Голландіи, имѣвшій по своимъ личнымъ достоинствамъ рѣшительное вліяніе на дѣла Соединенныхъ Штатовъ. Партія штатгальтерская или оранская, отличавшаяся приверженностію къ потомству Вильгельма Молчаливаго, желала видѣть во главѣ страны принца Оранскаго Вильгельма III, единственнаго представителя Оранскаго дома. Эта борьба партій, ослаблявшая силы Голландской республики, была на руку Людовику XIV, тѣмъ болѣе, что боявшаяся сухопутной войны республиканская партія должна была желать мира съ могущественною Франціей и даже искать ея союза: только сильный страхъ, вызванный вторженіемъ Людовика XIV въ Испанскіе Нидерланды и быстрыми успѣхами его оружія, заставилъ де-Витта поспѣшить образованіемъ тройнаго союза. Но послѣ Ахенскаго мира союзъ распался. Англійскій и Шведскій короли, купленные французскимъ золотомъ, перешли на сторону Людовика XIV; Ганноверъ, Кельнъ, Мюнстеръ также примкнули къ союзу съ Франціей. Императоръ Леопольдъ, подъ вліяніемъ своихъ, подкупленныхъ Людовикомъ XIV, министровъ, обязался тайнымъ договоромъ не помогать ни Голландіи, ни Англіи, ни Швеціи противъ Франціи; герцогъ Лотарингскій, на помощь котораго разчитывала Голландія, лишился своихъ владѣній. Когда въ изолированную такимъ образомъ Голландію вторглась многочисленная армія Людовика XIV и, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, стала овладѣвать провинціями Соединенныхъ Штатовъ, республиканская партія готова была купить миръ и деньгами, и территоріальными уступками; тогда-то партія оранская, какъ партія войны, взяла верхъ, и принцъ Оранскій былъ провозглашенъ штатгальтеромъ и генералъ-капитаномъ. Глава республиканской партіи, Іоаннъ де-Виттъ и его братъ погибли жертвой народной ярости. Сторону находящейся на краю гибели Голландіи приняли вскорѣ курфюрстъ Бранденбургскій, императоръ, Испанія. Но стратегика геніальнаго Тюренна, а еще болѣе несогласія союзниковъ, дали Людовику XIV возможность выйдти побѣдоносно изъ борьбы съ этою коалиціей; Вильгельмъ Оранскій, дѣйствовавшій наступательно, терпѣлъ одну неудачу за другою въ битвахъ съ французскою арміей, которая не переставала одерживать побѣды и послѣ того, какъ лишилась Тюренна (въ битвѣ при Сасбахѣ). Не смотря на свои неудачи, Вильгельмъ Оранскій готовъ былъ продолжать войну до послѣдняго истощенія силъ Голландіи, такъ какъ

война дѣлала его власть необходимою. Республиканская же партія, опасавшаяся чрезмѣрнаго усиленія власти принца Оранскаго, провозглашеннаго въ 1674 г. наслѣдственнымъ штатгальтеромъ въ Голландіи, Зеландіи и Утрехтѣ, и напуганная его бракомъ съ англійскою принцессою Маріей, племянницей Карла II, желала, какъ можно скорѣе, заключить миръ съ Людовикомъ XIV. съ которымъ она поддерживала сношенія. Такъ какъ отъ долгой войны слишкомъ сильно страдали коммерческіе интересы Голландіи, то требованіе мира сдѣлалось скоро почти всеобщимъ, и Голландія тѣмъ болѣе имѣла основаніе быть довольною условіями мира, что ей возвращены были всѣ города и земли, занятые Французами. Всѣ же невыгоды обрушились на Испанію. Опытъ показалъ, что только въ союзѣ съ сильной коалиціей, и то съ громаднымъ ущербомъ для своихъ финансовъ и торговли, Голландія могла бороться съ Людовикомъ XIV. Только когда сторону Голландіи приняла и Англія, съ Вильгельмомъ Оранскимъ во главѣ, дѣла получили другой оборотъ.

III.

Притязанія Людовика XIV и императора Леопольда на испанское наслѣдство и проектъ раздѣла этого наслѣдства между ними.

Въ испанскомъ наслѣдствѣ были заинтересованы непосредственно, главнымъ образомъ, Франція и Германія или, вѣрнѣе, Французскій король Людовикъ XIV и императоръ Леопольдъ, которые оба основывали свои притязанія на это наслѣдство на близкомъ родствѣ съ королемъ Испаніи, бездѣтнымъ Карломъ II. Отецъ Карла II, Филиппъ IV, былъ дважды женатъ: отъ перваго брака родилась дочь его Марія-Терезія, супруга Людовика XIV и мать дофина Франціи; отъ втораго брака родились у Филиппа Карлъ II и Маргарита, первая супруга императора Леопольда. Отъ этого брака императора съ испанскою инфантою произошла эрцгерцогиня австрійская Марія-Антуанета, вышедшая за-мужъ за курфюрста Баварскаго Максимиліана. Сынъ ихъ, принцъ Баварскій, имѣвшій послѣ дофина наибольше правъ на испанскую корону, имѣлъ ко времени Рисвикскаго мира около пяти лѣтъ отъ роду. Мать же его умерла скоро послѣ разрѣшенія имъ отъ бремени (въ октябрѣ 1692 г.).

Отецъ Филиппа IV, Филиппъ III имѣлъ также двухъ дочерей, которыя обѣ были за мужемъ: одна, именно старшая, Анна Австрійская за отцомъ Людовика XIV Людовикомъ XIII, другая же, младшая, Марія-Антонія,—за императоромъ Фердинандомъ III, отцомъ императора Леопольда. Значитъ, Людовикъ XIV и императоръ Леопольдъ происходили отъ двухъ родныхъ сестеръ и женаты были на родныхъ сестрахъ, принцессахъ испанскихъ. Притомъ и мать, и жена Людовика XIV составляли старшую отрасль испанскаго дома, и потому Людовикъ XIV долженъ былъ бы быть признанъ главнымъ и законнымъ претендентомъ на испанское наслѣдство, еслибы мать и жена его, при выходѣ замужъ, не отреклись формальнымъ образомъ отъ всякихъ притязаній на наслѣдство, какъ за себя, такъ и за свое потомство. Но Людовикъ XIV не признавалъ законной силы этихъ актовъ отреченія, какъ несогласныхъ съ исконными обычаями и постановленіями относительно порядка наслѣдованія въ Испанской монархіи. Императоръ же не признавалъ никакого права за Людовикомъ XIV на испанское наслѣдство, опираясь на законной силѣ вышеупомянутыхъ актовъ. Опасаясь, однако, притязанія на испанское наслѣдство со стороны своего внука, принца Баварскаго, который имѣлъ больше права на то, чѣмъ самъ императоръ, послѣдній заставилъ свою дочь, жену курфюрста Баварскаго, передъ ея смертью, подписать отреченіе отъ своихъ правъ на испанское наслѣдство за себя и за свое потомство въ пользу прямыхъ потомковъ императора мужескаго пола; такимъ образомъ Леопольдъ считалъ себя безусловно главнымъ и законнымъ претендентомъ на все испанское наслѣдство, въ случаѣ смерти бездѣтнаго Карла II.

Карлъ II былъ дважды женатъ: въ первый разъ на Маріи-Луизѣ, племянницѣ Людовика XIV, именно дочери брата его, герцога Орлеанскаго, и во второй разъ на Маріи-Аннѣ Палатинской, дочери курфюрста Филиппа-Вильгельма Палатинскаго и сестрѣ второй супруги Леопольда. Пока была въ живыхъ первая супруга Карла II, онъ склонялся на сторону Франціи, но она умерла прежде своего мужа. Вторая супруга Карла II, совершенно завладѣвшая имъ, склонила его на сторону Австріи. Но такъ какъ у Карла II вовсе не было дѣтей ни отъ перваго, ни отъ втораго брака, то наслѣдниками его по закону были слѣдующія лица: 1) сынъ Людовика XIV и старшей дочери Филиппа IV—дофинъ Франціи; 2) принцъ Баварскій, сынъ курфюрста Баварскаго и внукъ Филиппа IV, и 3) сынъ императора Леопольда. Сверхъ того, въ томъ случаѣ, если бы все

потомство Филиппа IV вымерло, притязанія на испанское наслѣдство могъ предъявить еще герцогъ Савойскій, какъ правнукъ дочери Филиппа II, вышедшей замужъ за герцога Савойскаго Карла-Эммануила. Наконецъ, самыя отдаленныя права на испанскую корону принадлежали королю Португальскому.

Предвидя, въ случаѣ смерти Карла II безъ потомства, борьбу за испанское наслѣдство, Людовикъ XIV, еще за тридцать-два года до наступленія развязки критическаго вопроса, предложилъ императору проектъ предварительнаго раздѣла испанскаго наслѣдства. Переговоры съ Германскимъ императоромъ были начаты еще мѣсяцевъ за пять до вторженія французской арміи во Фландрію, вслѣдствіе предъявленія Людовикомъ XIV правъ на Испанскіе Нидерланды, и то не прямо черезъ посла Людовика XIV, а чрезъ преданнаго Людовику XIV графа Фюрстенберга, брата курфюрста Кельнскаго, и какъ бы по иниціативѣ послѣдняго, будто бы взявшаго на себя роль посредника между Французскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ. Сначала переговоры эти велись лишь слегка, почти намеками, такъ какъ императоръ нисколько не довѣрялъ Людовику XIV и опасался своимъ согласіемъ на предложеніе Людовика XIV возбудить неудовольствіе Испанскаго короля. Тѣмъ не менѣе Людовикъ XIV извлекъ изъ начатыхъ переговоровъ, хотя неуспѣшно веденныхъ, желаемую пользу, такъ какъ ему удалось удержать императора въ полномъ бездѣйствіи во время войны за Испанскіе Нидерланды. Но и помимо того, что, благодаря начатымъ переговорамъ, Франція была гарантирована отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Австріи во время вторженія французской арміи во Фландрію, Людовику XIV было очень важно втянуть императора въ соглашеніе о раздѣлѣ Испанской монархіи, такъ какъ, при такомъ оборотѣ дѣла, предъявленное Французскимъ королемъ право на испанское наслѣдство, не смотря на формальное отреченіе отъ него и матери, и супруги Людовика XIV, было бы признано за нимъ со стороны государя, наиболѣе заинтересованнаго въ безусловномъ отрицаніи предъявленнаго притязанія [1]). Только уже мѣсяцевъ семь спустя, когда неуспѣшно начатые и потому прерванные переговоры были возобновлены, именно въ концѣ 1667 года, они приняли болѣе опредѣленный характеръ, какъ это видно изъ полномочія, даннаго Людовикомъ XIV его весьма

---

[1]) *Mignet*, Négociations, II, p. 323 и слѣд.

ловкому и искусному дипломатическому агенту при германскомъ императорѣ, кавалеру Гремонвиллю, отъ 12-го декабря 1667 г., и изъ собственноручнаго письма Людовика XIV къ самому императору Леопольду, отъ 13-го декабря того же года. Желая сохранить свое предложеніе о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства съ императоромъ въ самой строгой тайнѣ, Людовикъ помимо оффиціальной инструкціи, данной Гремонвиллю отъ имени короля (и то безъ приложенія большой государственной печати), далъ своему полномочному послу въ Вѣнѣ еще полномочіе, писанное собственною его рукой, въ которомъ предоставлялъ ему договориться съ министрами императора и подписать съ ними условія относительно всѣхъ пунктовъ мирнаго договора по поводу столкновенія съ испанскою короною, возникшаго изъ-за Фландріи, вслѣдствіе непризнанія несомнѣнныхъ правъ Французской королевы на эту провинцію, а также относительно предварительнаго улаженія тѣхъ споровъ, которые могли бы возникнуть между Французскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ въ недалекомъ будущемъ изъ-за испанскаго наслѣдства, въ случаѣ, если бы Испанскій король умеръ, не оставивъ по себѣ дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ [1]). Въ концѣ этого полномочія Людовикъ XIV обязуется своимъ королевскимъ словомъ одобрить и привести въ исполненіе все то, на что̀ упомянутый кавалеръ Гремонвилль согласится отъ имени его, Французскаго короля, въ силу даннаго полномочія [2]).

Въ силу предположеннаго Людовикомъ раздѣла Испанскаго государства между Франціей и Германскимъ императоромъ Гремонвилль уполномоченъ былъ предложить министрамъ императора проектъ слѣдующаго договора: На долю императора должны были достаться: 1) королевство Испанія, за исключеніемъ Наварры съ прилегающею къ ней мѣстности и укрѣпленнаго пункта Розъ; 2) всѣ

---

[1]) *Mignet*, Négociations, II, p. 379—380.

[2]) Ibidem. Pouvoir de la main de Louis XIV au chevalier de Gremonville. Paris 12 decembre 1667. «Je donne pouvoir au chevalier de Gremonville de negocier avec tels ministres, que le sérénissime empereur monsieur mon frère voudra députer munis d'un pareil pouvoir et d'ajuster avec eux conclure et signer tant les articles d'un traité de paix sur les differents présents que j'ai avec la courone d'Espagne, que ceux d'un accomodement éventuel sur les differents que je pourrais avoir a l'avenir avec le dit sérénissime empereur pour raison de la succession aux Etats de la monarchie d'Espagne en cas de mort du roi catholique monsieur mon frère, sans enfants nés en légitime mariage» etc.

Западныя Индіи; 3) Канарскіе острова; 4) всѣ земли въ Африкѣ; 5) королевство Сицилія; 6) Сардинія, и наконецъ, 7) Балеарскіе острова. Французскій же король, въ силу предполагаемаго соглашенія, долженъ былъ получить слѣдующія земли: 1) Франшъ-Конте; 2) герцогство Миланское; 3) королевство Неаполитанское; 4) нѣкоторые прибрежные пункты въ Тосканѣ, включая и близъ лежащій островъ Эльбу; 5) Финаль, 6) Наварру съ прилежащею къ ней мѣстностью и съ укрѣпленнымъ пунктомъ Розъ по ту сторону Пиринеевъ, и наконецъ, 7) Филиппинскіе острова. При этомъ Гремонвилль долженъ былъ выставить на видъ министрамъ императора крайнюю умѣренность Французскаго короля, готоваго довольствоваться такимъ неравнымъ раздѣломъ, такъ какъ несомнѣнно, что одна только Испанія съ Западными Индіями составляетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ земли, выговоренныя себѣ Французскимъ королемъ, вмѣстѣ взятыя. Но если бы Гремонвилль убѣдился, что и на такія умѣренныя требованія короля Французскаго императоръ не согласенъ, и что изъ за этого могли бы прерваться начатые переговоры, то Гремонвилль имѣлъ право, вслѣдствіе даннаго ему полномочія, поступиться своими требованіями въ пользу Франціи, но только съ крайнею постепенностью. Онъ долженъ былъ сначала поступиться Филиппинскими островами, потомъ мѣстностью Розъ и потомъ уже Наваррою. Еслибъ императоръ сталъ еще настаивать на дальнѣйшихъ уступкахъ со стороны короля, особенно же на уступкѣ Милана и Финаля, то и отъ этихъ земель Гремонвилль уполномоченъ былъ отступиться, но только въ томъ случаѣ, если бы въ замѣнъ Милана съ Финалемъ императоръ согласился уступить Франціи Сардинію и Сицилію, такъ что за всѣми уступками Франція могла бы получить слѣдующія земли: Франшъ-Конте и остальную часть Испанскихъ Нидерландовъ, королевство Неаполь, Сицилію и Сардинію и извѣстные укрѣпленные пункты Тосканы. Гремонвилль, согласно даннымъ ему инструкціямъ, долженъ былъ постараться убѣдить министровъ Германскаго императора въ томъ, на сколько предполагаемый договоръ выгоденъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ, то-есть, и для Франціи, и для Германіи, такъ какъ, въ силу этого договора о раздѣлѣ, каждая изъ нихъ должна пріобрѣсти гораздо болѣе земель, чѣмъ обѣ державы вмѣстѣ могли бы получить, рѣшая вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ посредствомъ оружія, въ случаѣ смерти Карла II безъ потомства [1]).

---

[1]) *Mignet*, Négociations, II, p. 359.

Послѣ долгихъ переговоровъ, представлявшихъ, по замѣчанію Гремонвилля, много комичнаго [1]), дѣло наконецъ было улажено, и 19-го января 1668 года въ Вѣнѣ подписаны были условія тайнаго договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства между Людовикомъ XIV и Германскимъ императоромъ [2]).

Въ силу 3-й статьи договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, Франція выговорила себѣ въ концѣ концовъ слѣдующія земли: Испанскіе Нидерланды, Франшъ-Конте, Филиппинскіе острова, Наварру съ прилежащими къ ней землями, укрѣпленный пунктъ Розъ, земли, лежащія на сѣверномъ берегу Африки, королевство Неаполь и Сицилію съ принадлежащими къ ней землями.

Въ силу 4-й статьи, договаривающіяся стороны обѣщали другъ другу всевозможную взаимную помощь для осуществленія договора въ томъ случаѣ, если бы которой либо изъ сторонъ встрѣтилось затрудненіе въ утвержденіи своихъ правъ въ какой-либо изъ выговоренныхъ договоромъ земель.

Въ силу 5-й статьи договоръ о раздѣлѣ теряетъ совершенно свою силу въ случаѣ рожденія у Карла II ребенка и достиженія имъ шестилѣтняго возраста, какъ будто бы между Людовикомъ XIV и императоромъ не состоялось никакого соглашенія.

По смыслу 8-й статьи, во все то время, пока договоръ будетъ имѣть силу, ни одна изъ договаривающихся сторонъ не имѣетъ права, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и по какой бы то ни было причинѣ, вступить въ соглашеніе съ какимъ бы то ни было королемъ, владѣтельнымъ княземъ или республикой, соглашеніе, которое было бы противно какой бы то ни было статьѣ даннаго договора.

Этому тайному договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, дѣйствительно сохранявшемуся въ тайнѣ до сравнительно недавняго времени [3]), суждено было остаться мертвою буквою: болѣзненный Испанскій король, на близкой смерти котораго былъ построенъ весь проектъ раздѣла испанскаго наслѣдства, еще тридцать-два года

---

[1]) Ibidem, p. 412. Extrait d'une lettre du chevalier de Gremonville à M. de Lionne, Vienne, 8 Janvier 1668. «Cest une veritable representation de comédie italienne que la negociation ou je suis».

[2]) Traité secret de partage de la succession d'Espagne entre Louis XIV et l'empereur Leopold, Vienne, 19 Janvier 1668. *Mignet*, II, p. 441—449.

[3]) *Mignet*, Négociations, II, p. 13.

продолжалъ влачить свое жалкое существованіе, а предъ смертью, подъ вліяніемъ испанскихъ грандовъ и тонко веденной Людовикомъ XIV интриги, завѣщалъ все свое наслѣдство внуку Людовика XIV, Филиппу Анжуйскому.

IV.

Угрожающая политическому равновѣсію Европы политика Людовика XIV и борьба его съ Аугсбургской лигой. — Рисвикскій миръ.

Ободренный своими блестящими успѣхами въ войнахъ за Испанскіе Нидерланды и въ войнѣ съ Голландіей и выступившею на ея защиту коалиціей, убѣдившись въ безсиліи каждаго изъ противниковъ въ отдѣльности, въ особенности раздробленной Германіи, Людовикъ XIV уже вскорѣ послѣ заключенія Нимвегенскаго мира задумалъ воспользоваться слабостью Германіи для расширенія и упроченія восточной границы Франціи и для утвержденія французскаго господства на Рейнѣ. Онъ намѣтилъ себѣ съ этою цѣлью Люксембургъ, Страсбургъ и нѣкоторыя другія крѣпости (Гомбургъ, Бичъ и др.); особенно же важное значеніе придавалъ Людовикъ XIV окончательному присоединенію Эльзаса съ Страсбургомъ и Келемъ включительно, такъ какъ Эльзасъ прикрывалъ собою Франшъ-Конте и Шампань и обезпечивалъ Франціи обладаніе Лотарингіей. Не имѣя въ сущности никакого права на эти земли, Людовикъ XIV тѣмъ не менѣе заявилъ свои притязанія на нихъ, довольствуясь произвольнымъ толкованіемъ неясно формулированныхъ параграфовъ Вестфальскаго договора, трактующихъ объ уступкѣ Франціи трехъ епископствъ и опредѣлявшихъ положеніе десяти входившихъ прежде въ составъ Эльзаса имперскихъ городовъ [1]). При заключеніи Нимвегенскаго мира Германія оказалась слишкомъ слабою для того, чтобы настоять на болѣе точномъ формулированіи спорныхъ пунктовъ Вестфальскаго договора, которое обезпечивало бы права имперіи, и вотъ Людовикъ XIV, пользуясь благопріятнымъ для него положеніемъ дѣлъ въ Европѣ и тѣмъ, что Франція къ концу 70-хъ годовъ успѣла уже отдохнуть отъ предшествовавшихъ войнъ, учреждаетъ въ 1679 году въ Мецѣ

---

[1]) *Ranke*, Franz. Geschichte, III, 331—332.

и Брейзахѣ особые суды, такъ-называемые „камеры возсоединенія“ (chambres de réunion), которыя должны были розыскать, какія земли должны быть присоединены къ Франціи, какъ зависѣвшія когда-либо отъ Эльзаса и трехъ епископствъ. Мецкая палата признала права Франціи на множество чужеземныхъ леновъ, въ томъ числѣ Гомбургъ, Зальмъ, Саарбургъ и др., а Брейзахская палата, уравненная въ правахъ съ французскими парламентами, присудила безапелляціонно королю Французскому Гагенау и Вейсенбургъ и десять эльзасскихъ имперскихъ городовъ, которые по Вестфальскому миру были оставлены за имперіей. Только на основаніи приговора „возсоединительныхъ палатъ“ Людовикъ XIV занялъ всѣ эти города; всюду былъ выставленъ гербъ Французскаго короля; владѣтельные князья, чиновныя лица, сословія, должны были принести Французскому королю присягу въ вѣрноподданствѣ. Если жители занятыхъ мѣстностей проявляли сопротивленіе и отказывались приносить присягу, ихъ подчиняли силой; если владѣтели жаловались Французскому королю на насиліе, ихъ жалобы направлялись въ возсоединительныя палаты, какъ будто эти послѣднія пріобрѣли значеніе общеевропейскихъ судилищъ. 30-го сентября 1681 года захваченный въ расплохъ Страсбургъ долженъ былъ принять французское подданство. Еще раньше безансонскій парламентъ оттягалъ у герцога Виртембергскаго Монбельяръ, какъ принадлежавшій когда-то къ Франшъ-Конте, и такимъ образомъ герцогъ Виртембергскій Георгъ, какъ графъ Монбельяра, былъ признанъ вассаломъ Французскаго короля. Но возсоединительными палатами были нарушены права не только Германской имперіи, но и Шведскаго и Испанскаго королей и личные интересы Вильгельма Оранскаго. Въ 1681 году герцогство Цвейбрюкенское по праву наслѣдства перешло во владѣніе Шведскаго короля Карла XI, происходившаго изъ Пфальцъ-Клеебургскаго дома, и это-то герцогство, по приговору мецкой палаты, было признано леномъ Французскаго короля, а такъ какъ приглашенный по этому дѣлу палатой Карлъ XI не счелъ нужнымъ явиться, то отнятое у него герцогство было отдано родственнику его, пфальцграфу Биркенфельдскому, въ качествѣ французскаго лена. Уже и прежде не расположенный къ Франціи, король Шведскій, оскорбленный безцеремонностью относительно него со стороны Версальскаго двора, рѣшилъ порвать союзъ съ Франціей и искать союза съ Голландскою республикой. Мецкая палата объявила притязанія также на владѣнія Испанскаго короля—графство Шини, герцогство и крѣпость Люксембургъ. Всѣ эти вла-

дѣнія, за исключеніемъ самой крѣпости Люксембурга, были тотчасъ же заняты; 4-го іюня 1684 года завоеванъ былъ и Люксембургъ, что̀ сдѣлало Германію еще болѣе открытою со стороны Франціи. Захватомъ графства Шини Людовикъ XIV задѣлъ также права принца Оранскаго, какъ обладателя нѣкоторыхъ небольшихъ владѣній (Віанденъ, Сенъ-Витъ), входившихъ въ составъ графства Шини. Вызовъ мецкой палаты Вильгельмъ Оранскій принялъ за личное оскорбленіе, которое могло только усилить накипѣвшую въ душѣ его вражду къ Людовику XIV. Въ это-то время подъ вліяніемъ Вильгельма Оранскаго образуется оборонительный союзъ противъ Людовика XIV между Голландіей и Швеціей, и къ этому союзу вскорѣ примыкаютъ императоръ и Испанія. Цѣлью этого союза было возстановленіе политическаго равновѣсія Европы въ томъ видѣ, какъ оно было утверждено Вестфальскимъ и Нимвегенскимъ мирными договорами. Какъ мало Людовикъ XIV обращалъ вниманіе на этотъ оборонительный союзъ, доказываетъ лучше всего то, что въ томъ же году онъ захватилъ нѣкоторые города и округи въ Испанскихъ Нидерландахъ, а маршалъ Крепи занялъ Триръ. Ни Голландія, ни Испанія, ни Германія ничего не могли сдѣлать въ это время для поддержанія политическаго равновѣсія, такъ какъ въ Голландіи, къ досадѣ Вильгельма преобладала въ то время анти-оранская партія, то-есть, партія мира, а безъ Голландіи безсильная Германія и Испанія не въ состояніи были дать отпоръ Людовику XIV. Какъ безсильна была въ это время Испанія, видно ужь изъ того, что по договору, заключенному въ іюнѣ 1681 г. между Франціей и Голландіей, послѣдняя обѣщаетъ Людовику XIV заставить Испанію уступить Франціи на время заключеннаго на 20 лѣтъ перемирія отнятые въ Испанскихъ Нидерландахъ города, со включеніемъ Люксембурга, а Людовикъ XIV обязуется за это прекратить на это время свои завоеванія въ Испанскихъ Нидерландахъ. Что этимъ перемиріемъ Людовикъ XIV не считалъ себя связаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ относительно остальныхъ владѣній Испаніи, видно уже изъ появленія французскаго флота въ 1686 году въ гавани Кадикса, лишь по тому поводу, что испанскія таможни стали обнаруживать вдругъ особенную строгость относительно ввоза французскихъ товаровъ. Разумѣется, слабой Испаніи пришлось отказаться отъ всякихъ строгихъ мѣръ относительно торговли съ Франціей.

Что касается Германіи, то она переживала въ это время самое критическое положеніе, угрожаемая одновременно и Франціей, и Турціей

и обезсиленная еще недостаткомъ единства, особенно же переходомъ курфюрста Бранденбургскаго на сторону Франціи. Понятно, что при такомъ положеніи созванный въ Регенсбургѣ сеймъ долженъ былъ принять безусловно навязанное ему двадцатилѣтнее перемиріе, по которому за Франціей утверждались всѣ захваты, сдѣланные ею на основаніи договоровъ возсоединительныхъ палатъ до августа 1681 г., включая сюда Страсбургъ и Кель. Людовикъ XIV обязывался прекратить на время перемирія дальнѣйшія завоеванія въ Германіи. Это обязательство не помѣшало однако Людовику XIV уже въ слѣдующемъ году предъявить свои притязанія на части Пфальца именемъ Елизаветы-Шарлотты, жены брата Французскаго короля, герцога Орлеанскаго, урожденной принцессы Пфальцской. Могущество Людовика XIV давало себя чувствовать въ это время не только въ Испаніи, но и въ Италіи, гдѣ онъ въ 1681 г. отнялъ у герцога мантуанскаго важную крѣпость Казале, пріобрѣтеніе которой было уже намѣчено дальновиднымъ кардиналомъ Ришелье, и которая была ключемъ къ Милану и къ испанскимъ владѣніямъ въ Италіи; бомбардированіе Генуи въ маѣ 1684 г. безъ всякаго достаточнаго повода со стороны Генуэзской республики и обнаруженная ею готовность униженіемъ предъ „великимъ королемъ“ умилостивить его гнѣвъ еще болѣе доказываютъ всемогущество Людовика XIV въ это время и вызванное имъ опасеніе за нарушеніе политическаго равновѣсія Европы. Опираясь на преданное ему французское духовенство, прославлявшее „великаго короля“ за гоненія на гугенотовъ, какъ новаго Константина, новаго Ѳеодосія, Людовикъ XIV, хотя ревностный католикъ, позволялъ себѣ третировать и папу. Въѣхавъ въ Римъ въ 1687 г. съ вооруженною свитой, даже съ двумя эскадронами кавалеріи, французскій посланникъ презиралъ папу въ самой столицѣ его, а когда Иннокентій XI произнесъ надъ посланникомъ церковное отлученіе, Людовикъ XIV приказалъ занять Авиньонъ и арестовать папскаго нунція. Можно сказать, что одною только мобилизаціей нѣкоторыхъ частей грозной арміи своей, почти безъ выстрѣла, Людовикъ XIV пріобрѣлъ въ мирное время насильственными захватами гораздо больше земель, чѣмъ пріобрѣлъ онъ оружіемъ до Нимвегенскаго мира; въ сознаніи рѣшительнаго превосходства своихъ силъ, Людовикъ XIV не допускающимъ возраженій тономъ предписываетъ всѣмъ государствамъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе, условія мира, обезпечивающія сдѣланные имъ уже захваты; мирные трактаты не мѣшаютъ ему предъявлять новыя притязанія, дѣлать новые захваты; въ сознаніи своего всемо-

гущества, Людовикъ не смущался тѣмъ негодованіемъ, которое должны были вызвать его захваты въ Германіи и въ Испаніи, ни ненавистью и противодѣйствіемъ самаго непримиримаго его противника—Вильгельма Оранскаго, ни раздраженіемъ Шведскаго короля, которое было вызвано отнятіемъ Цвейбрюкенскаго герцогства. Лишившись союзницы въ Швеціи, Людовикъ тотчасъ пріобрѣтаетъ новую союзницу въ Даніи, самомъ непримиримомъ врагѣ Швеціи. Не страшна была Людовику и могущественная въ 80-хъ годахъ XVII вѣка Турція, которая также съ опасеніемъ взирала на возрастающее могущество сухопутныхъ и морскихъ силъ Франціи и была молчаливою свидѣтельницей постоянныхъ нападеній французскаго флота на Варварійскія владѣнія, признававшія верховную власть султана, именно на Триполи и на Алжиръ. Слава о побѣдахъ „великаго короля“, грознаго для своихъ враговъ и милостиваго къ друзьямъ, проникла и на отдаленный Востокъ. Опираясь на свою армію, доведенную въ мирное время до 200 тысячъ человѣкъ и превосходившую арміи всѣхъ европейскихъ государствъ и способностью къ легкимъ и быстрымъ передвиженіямъ, и замѣчательною выправкой и дисциплиной, а также благодаря многочисленному флоту, который по численности (до 100 линейныхъ кораблей) былъ почти вдвое больше англійскаго флота, Людовикъ XIV, не останавливаясь на сдѣланныхъ уже пріобрѣтеніяхъ, все болѣе разширялъ свои властолюбивые планы и мечталъ о подчиненіи своему авторитету непосредственно или посредственно политики всѣхъ западно-европейскихъ государствъ. Стремясь возвести на престолъ Польши принца изъ дома Бурбоновъ, чему способствовало существованіе въ Польшѣ довольно значительной французской партіи, Людовикъ XIV надѣялся пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на политику Польши и чрезъ нее имѣть возможность угрожать непосредственно и имперіи, и снова перешедшему на сторону послѣдняго курфюрсту Бранденбургскому и даже Россіи[1]). Въ это время, на высотѣ своего могущества, Людовикъ XIV болѣе, чѣмъ когда-либо, мечталъ и о достиженіи императорской короны. Неудача, испытанная имъ въ 1658 году, когда онъ явился соперникомъ Леопольда при избраніи его на императорскій престолъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, не заставила его окончательно отказаться отъ своихъ притязаній; напротивъ, по мѣрѣ усиленія своего могущества, онъ все болѣе вѣрилъ въ возможность осуществленія долго лелѣянной мечты: не даромъ же Людовикъ XIV въ своемъ

[1]) *Ranke*, Franz. Gesch. IV, 13 и 14.

завѣщаніи дофину указываетъ на права дома Бурбоновъ, какъ прямаго потомства Карла Великаго, на всѣ земли, входившія нѣкогда въ составъ его обширной монархіи, стало быть, и на Германію; Людовикъ XIV уплачивалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ Саксонскому курфюрсту Іоганну-Георгу II громадную денежную субсидію, чтобы только заручиться его голосомъ за Францію на сеймѣ. Надежды на поддержку притязаній Людовика XIV на императорскую корону со стороны Бранденбургскаго курфюрста Фридриха-Вильгельма заставляли Людовика XIV особенно высоко цѣнить союзъ и дружбу Великаго Курфюрста, который и самъ въ 1680 году, въ негодованіи противъ слабости императора Леопольда, помышлялъ о перенесеніи послѣ смерти Леопольда императорской короны на французскаго принца и въ этомъ смыслѣ вступилъ въ соглашеніе съ Людовикомъ, разчитывая съ его помощію присоединить къ своимъ владѣніямъ Померанію. Когда въ 1688 году на престолъ Бранденбургскій вступаетъ курфюрстъ Фридрихъ III, Людовикъ XIV спѣшитъ возобновить съ нимъ договоръ заключенный съ Великимъ Курфюрстомъ относительно содѣйствія дому Бурбоновъ въ достиженіи императорскаго престола [1]). Фридрихъ III далъ уклончивый отвѣтъ, и переговоры не повели ни къ чему. Но Людовикъ XIV, не покидая надежды на успѣхъ, дѣятельно велъ переговоры съ наиболѣе вліятельными германскими князьями о доставленіи императорской короны французскому принцу и могъ, по видимому, разчитывать на успѣхъ, имѣя уже нѣсколько голосовъ въ коллегіи курфюрстовъ на своей сторонѣ: по крайней мѣрѣ курфюрсты Кельнскій и Трирскій были на его сторонѣ, а подчиненіе Пфальца давало поводъ разчитывать и на голосъ курфюрста Пфальцскаго, такъ что Людовикъ XIV могъ бы располагать даже большинствомъ голосовъ въ коллегіи курфюрстовъ. Но этимъ честолюбивымъ замысламъ Людовика XIV не суждено было осуществиться.

Не отказываясь отъ притязаній на императорскую корону, Людовикъ XIV тѣмъ менѣе могъ отказаться отъ притязаній на испанское наслѣдство: этой цѣли онъ никогда не упускалъ изъ виду и ждалъ только наступленія удобнаго момента, чтобы выступить со своими притязаніями, но какъ только состояніе здоровья Карла II угрожало приближеніемъ катастрофы, какъ было это въ 1687 году: Людовикъ XIV тотчасъ же напоминаетъ о неприкосновенности своихъ правъ на

---

[1]) *Ranke*, Franz. Gesch. III 346—47; IV, 13.

испанское наслѣдство и о готовности всѣми мѣрами отстоять эти права.

Постоянныя насилія Людовика XIV, его не прекращающіеся захваты, возрастающія вмѣстѣ съ его могуществомъ притязанія, страшный гнетъ, испытываемый почти всею западною Европой отъ ничѣмъ не умѣряемаго произвола и высокомѣрія Людовика, грозили ей серьезною опасностью: казалось, недалеко уже было до осуществленія того призрака универсальной монархіи, который снова возникъ въ запуганномъ воображеніи западно-европейскихъ народовъ подъ вліяніемъ невыносимаго давленія Франціи, какъ было это въ эпоху высшаго могущества Испанско-Габсбургскаго дома, особенно Карла V, въ то время, когда политика его давала себя такъ сильно чувствовать. Но насилія Людовика XIV и угнетеніе имъ западной Европы накопили противъ него во всѣхъ государствахъ ея страшную вражду, которой отмѣна Нантскаго эдикта и систематическое преслѣдованіе гугенотовъ во Франціи придали во всѣхъ протестантскихъ государствахъ особенную горечь и остроту. Особенно это сказалось въ сосѣдней съ Франціей Голландіи, въ которой гонимые гугеноты находили чаще всего пріютъ, и во главѣ которой стоялъ самый ревностный защитникъ протестантизма и самый заклятый врагъ Людовика XIV—Вильгельмъ Оранскій; вражда его къ Людовику обусловливалась отчасти и его личными интересами, но еще болѣе—принципіальною ненавистью къ насильственной и ультра-католической политикѣ Людовика XIV. Подавляющее могущество Франціи во второй половинѣ XVII вѣка, обрушившееся прежде всего на собственное отечество Вильгельма III, и проявившееся потомъ въ цѣломъ рядѣ произвольныхъ политическихъ актовъ Людовика XIV, воспламенило Вильгельма никогда не угасавшимъ въ немъ чувствомъ вражды къ Франціи и особенно къ Людовику XIV; спасеніе отъ чрезмѣрнаго властолюбія Людовика XIV Вильгельмъ видѣлъ только въ противовѣсѣ, образуемомъ другими, болѣе слабыми государствами или хоть большинствомъ ихъ, и со времени Нимвегенскаго мира онъ дѣйствительно былъ творцомъ и руководителемъ всѣхъ образовавшихся противъ Франціи коалицій. Но мы видѣли, что, на бѣду для Европы, Вильгельмъ Оранскій въ самомъ отечествѣ своемъ встрѣчалъ сильное противодѣйствіе со стороны республиканской партіи, стоявшей за миръ съ Франціей.

Между тѣмъ и въ другихъ государствахъ западной Европы возрастала вражда противъ Людовика XIV, и это дало возможность Вильгельму Оранскому еще въ 1686 году образовать Великую Аугсбург-

скую лигу для поддержанія statu quo противъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ стремленій Людовика XIV. Къ этому союзу примкнули, кромѣ Испаніи, Голландіи, императора, курфюрста Бранденбургскаго и многихъ другихъ германскихъ князей, Швеція и Савойя.

Но и образованіе Аугсбургской лиги не остановило захватовъ Людовика. Вскорѣ послѣ того онъ отнимаетъ всѣ владѣнія Тевтонскаго ордена въ Лотарингіи, Эльзасѣ и Франшъ-Конте и отдаетъ ихъ основанному имъ ордену св. Лазаря. Затѣмъ онъ посягнулъ на права маркграфа Баденъ-Дурлахскаго, построивъ на принадлежавшемъ ему рейнскомъ островѣ фортъ Луи и соединивъ его съ германскимъ берегомъ Рейна. Въ одномъ только отношеніи можно въ это время замѣтить перемѣну въ политикѣ Людовика XIV: у него стало обнаруживаться опасеніе за возможность удержанія за собою неприкосновенными всѣ сдѣланныя пріобрѣтенія; образованіе Аугсбургской лиги также служило ему въ этомъ отношеніи предостереженіемъ; онъ, конечно, понималъ, что, какъ только императору удастся или побѣдить Турокъ, или заключить съ ними миръ, Германія устремитъ всѣ свои силы противъ Франціи и попытается возвратить захваченныя ею земли. Вотъ почему въ это время Людовикъ XIV старался всѣми силами склонить Германію къ признанію за Франціей на всегда ея правъ на всѣ тѣ земли и пріобрѣтенія, которыя были признаны за Франціей Регенсбургскимъ сеймомъ только на срокъ заключеннаго съ Людовикомъ XIV двадцатилѣтняго перемирія. Но съ одною Германіей легко было справиться; сильна могла быть Германія только въ союзѣ съ другими государствами, и особенно съ Голландіей, финансовая помощь которой могла дать возможность союзнымъ съ нею державамъ выдержать долгую войну; поэтому раздраженіе Людовика XIV противъ Голландіи стало все болѣе возрастать: гдѣ только онъ могъ, онъ старался вредить Голландской республикѣ; такъ, въ 1686 году онъ началъ переговоры съ султаномъ, имѣвшіе цѣлью запрещеніе Голландцамъ вести торговлю въ Османской имперіи [1]). Мало того, Людовикъ XIV помышлялъ серьезно объ уничтоженіи Голландской республики и для этого думалъ воспользоваться тѣмъ временемъ, когда Германія, занятая войной съ Турціей, не въ состояніи была оказать республикѣ серьезную поддержку. Людовикъ XIV разчитывалъ даже склонить императора на свою сторону противъ Голландіи и въ союзѣ

---

[1]) *Depping*. Correspondance administrative, III, 656: Lettre du roi 31 août 1686.

съ нимъ и съ Англійскимъ королемъ Іаковомъ II, раздѣлявшимъ враждебныя чувства Людовика XIV къ республикѣ, осуществить свои разрушительные планы относительно нея [1]). Только съ Англіей Людовикъ XIV старался поддержать союзъ и дружбу, довольный подобострастнымъ поклоненіемъ Іакова II, и сознавая, что переходъ Англіи на сторону враговъ его могъ бы значительно увеличить ихъ силы и неблагопріятно отозваться на положеніи Франціи. Но именно то, чего такъ опасался Людовикъ XIV, то-есть, присоединеніе Англіи къ его врагамъ, совершилось послѣ революціи 1688 г., результатомъ которой было сверженіе съ престола Іакова II, искренняго друга и союзника Людовика XIV, и возведеніе на англійскій престолъ Вильгельма III, заклятаго врага Людовика XIV.

Еще до вступленія Вильгельма на престолъ Англіи столкновеніе Людовика XIV съ папою Иннокентіемъ XI, вызванное отказомъ папы назначить Кельнскимъ архіепископомъ кандидата, покровительствуемаго Людовикомъ XIV, именно кардинала Фюрстенберга, вмѣсто умершаго курфюрста Кельнскаго Фердинанда Баварскаго, вѣрнаго союзника Голландской республики, и угроза Людовика XIV посадить своего кандидата помимо Рима и имперіи дало принцу Оранскому давно уже съ нетерпѣніемъ ожидаемый предлогъ для того, чтобы приступить къ организаціи общей коалиціи изъ противниковъ французскаго вліянія и начать вооруженія. Вильгельмъ надѣялся удержать Людовика XIV на Рейнѣ и этимъ временемъ воспользоваться для высадки въ Англіи и занятія ея престола, о чемъ шли у него переговоры съ вождями парламентской оппозиціи еще съ начала 1686 г. Случай, представившійся теперь Вильгельму осуществить давно задуманные имъ планы, вызвалъ наружу всю его энергію. Въ нѣсколько недѣль образовалась огромная коалиція противъ Франціи изъ Голландіи, Австріи, Испаніи, Бранденбурга, Баваріи, Саксоніи, Даніи, Швеціи, Савойи. Даже папа примкнулъ къ оппозиціи противъ Людовика XIV и обѣщалъ Вильгельму III значительныя субсидіи [2]).

Было очевидно, что война становится неизбѣжною. Людовикъ XIV рѣшился сдѣлать первый шагъ и быстрымъ нападеніемъ на правый берегъ Рейна заставилъ императора, все еще занятаго войною съ Турціей, заключить вмѣсто прежняго перемирія прочный миръ на

---

[1]) *Ranke*, Franz. Gesch. B. IV, S. 14.

[2]) *Ранке*, Римскіе папы, т. III.

тѣхъ условіяхъ, которыя были установлены въ 1684 году. Извѣстіе, полученное Людовикомъ XIV о взятіи императорскими войсками Бѣлграда, доставившемъ Австріи перевѣсъ въ войнѣ съ Турціей, ускорило начало наступательныхъ дѣйствій со стороны Франціи. Не смотря однако на блистательные и быстрые успѣхи французскаго оружія, чему способствовала сковывшая императора все еще продолжавшаяся война съ Турціей, Людовикъ XIV изъявилъ готовность возвратить имперіи только что отнятые отъ нея города (Филипсбургъ, Фрейбургъ, Мангеймъ, Майнцъ и др.), лишь бы вынудить у императора согласіе на прочный миръ и имѣть возможность обратить всѣ силы противъ ненавистной ему Голландіи, гдѣ Вильгельмъ Оранскій, подъ предлогомъ войны противъ Франціи, собиралъ силы для высадки въ Англію. Предвидя всю опасность, которая грозила не только Іакову II, но еще болѣе Франціи, въ случаѣ успѣшнаго выполненія затѣянной Вильгельмомъ III высадки, Людовикъ XIV обратился къ Іакову II съ настоятельнымъ совѣтомъ принять мѣры къ предупрежденію приготовляемаго принцемъ Оранскимъ вторженія въ Англію, предлагая и вооруженную помощь противъ Голландцевъ; но Іаковъ II, не подозрѣвая ничего, что̀ противъ него замышляется, питая даже непоколебимую увѣренность въ любви къ нему своихъ подданныхъ, отклонилъ категорически и совѣты Людовика XIV, и предложенную имъ помощь, и когда Людовикъ XIV попробовалъ запугать штаты, объявивъ, что между нимъ и Іаковомъ II существуетъ такой тѣсный союзъ, что всякую попытку Голландіи противъ Англіи онъ сочтетъ за покушеніе на собственную его корону, Іаковъ II поспѣшилъ опровергнуть заявленіе Людовика [1]) относительно союза, на который указывалъ штатамъ Людовикъ XIV, не желая смущать общественнаго мнѣнія Англіи, постоянно враждебно относившагося къ союзу Стюартовъ съ Франціей. Какъ извѣстно, Іакову II вскорѣ пришлось разочароваться относительно прочности своего положенія на престолѣ: Іаковъ долженъ былъ покинуть Англію, а въ концѣ февраля 1689 года Вильгельмъ Оранскій возложилъ на себя англійскую корону. Это событіе послужило поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ политическихъ отношеній западно-европейскихъ государствъ а для дальнѣйшаго развитія политическаго могущества Франціи имѣло

---

[1]) *Ranke*, Franz. Gesch. IV, 28; *Арманъ- Каррель*, Исторія контрреволюціи въ Англіи, т. I, стр. 340—341.

роковое значеніе. Отнынѣ и до Вѣнскаго конгресса Англія стала постоянно, если не во главѣ, то въ рядахъ самыхъ непримиримыхъ враговъ Франціи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вступленія на престолъ Англіи Вильгельма Оранскаго, именно 12-го мая 1689 года, уже заключенъ былъ наступательный и оборонительный договоръ между Германіей, Англіей и Голландіей, въ силу котораго союзныя державы согласились до истощенія силъ бороться противъ Франціи, стремясь къ возстановленію того политическаго состоянія Европы, которое установлено было Вестфальскимъ и Пиринейскимъ договорами; особенно важно то, что морскія державы обязались поддержать кандидатуру старшаго сына Леопольда на императорскій престолъ и права младшаго его сына (Карла) на испанское наслѣдство, въ случаѣ если Карлъ II умретъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдника. Скоро и Испанія, и всѣ другія государства, примкнувшія къ Аугсбургской лигѣ, заключили союзы съ Англіей противъ Франціи: страхъ передъ подавляющимъ могуществомъ Франціи сблизилъ католическія и протестантскія державы и породилъ небывалое еще единодушіе въ политически раздробленной религіозною враждой Германіи. Почти вся Европа съ радостью привѣтствовала вступленіе на англійскій престолъ Вильгельма Оранскаго; одинъ только Людовикъ XIV, давъ у себя убѣжище бѣжавшему изъ Англіи Іакову II, не хотѣлъ признать Вильгельма королемъ, и это, разумѣется, еще болѣе усилило вражду послѣдняго къ Людовику XIV, такъ что борьба съ нимъ до послѣднихъ силъ, уже и до того времени бывшая главною цѣлью политической дѣятельности Вильгельма, получила еще, кромѣ національныхъ и общеевропейскихъ мотивовъ, и сильный личный интересъ.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за ходомъ такъ-называемой Орлеанской войны въ ея подробностяхъ, но считаемъ необходимымъ указать на тѣ факты, которые свидѣтельствуютъ, какое вліяніе на ходъ войны имѣло участіе Англіи въ коалиціи, и какъ между тѣмъ измѣнилось положеніе Франціи. Извѣстно, что, начиная съ 1688 года наступательныя дѣйствія противъ Германіи, Людовикъ XIV разчитывалъ рѣшительнымъ движеніемъ своей арміи на правый берегъ Рейна вынудить у императора миръ на желаемыхъ условіяхъ и затѣмъ уже наброситься на другихъ своихъ враговъ, лишенныхъ поддержки Германіи, особенно на Голландію. Присоединеніе Англіи къ коалиціи и дѣятельное ея участіе въ ней подъ вліяніемъ Вильгельма Оранскаго, руководившаго въ качествѣ наслѣдственнаго штат-

гальтера и дѣлами Голландской республики, дало возможность коалиціи оказать упорное и продолжительное противодѣйствіе Людовику XIV и затянуть войну на цѣлыя восемь лѣтъ. Благодаря умному и энергическому руководству Вильгельма Оранскаго, въ дѣйствіяхъ коалиціи почти до конца войны обнаруживалось замѣчательное единство, и Людовику XIV пришлось одновременно вести войну и въ Испанскихъ Нидерландахъ, и на Рейнѣ, и въ сѣверной Италіи, и въ Каталоніи; но кромѣ того, Людовику XIV пришлось въ этой войнѣ, благодаря участію Англіи, выдерживать серьезную борьбу не только на сушѣ, но и на морѣ, борьбу, которая отразилась очень неблагопріятно на положеніи Франціи, особенно на ея торговлѣ и промышленности. Морскія силы Франціи несомнѣнно превосходили силы Англіи и Голландіи въ отдѣльности, и при мысѣ Бевезьерѣ Турвиллю удалось даже нанести серьезное пораженіе соединенной англо-голландской эскадрѣ; но это была послѣдняя побѣда французскаго флота въ этой войнѣ. Съ половины 1692 г., послѣ страшнаго пораженія, испытаннаго французскимъ флотомъ при Лагогѣ, перевѣсъ морскихъ силъ былъ уже рѣшительно на сторонѣ морскихъ державъ; англійскій флотъ серьезно угрожалъ сѣверо-западнымъ берегамъ Франціи, и Людовику XIV пришлось уже съ самаго начала войны значительную часть своихъ силъ держать для защиты важнѣйшихъ береговыхъ пунктовъ, что̀ далеко не всегда удавалось (Дьеппъ и Гравелингенъ были обращены въ пепелъ, Гавръ де-Грасъ большею частію разрушенъ; Сенъ-Мало и Дюнкирхенъ подверглись бомбардировкѣ). На сушѣ арміи Людовика XIV, предводимыя такими талантливыми полководцами, какъ маршалы Люксамбуръ и Катина, одерживали еще въ первые годы войны блистательныя побѣды (при Флерюсѣ, при Стаффордѣ), но съ 1693 года Людовикъ встрѣчаетъ уже и на сушѣ неодолимыя противодѣйствія: армія, предводимая Вильгельмомъ Оранскимъ, заставляетъ Французовъ снять осаду съ Льежа и отступить; Людовикъ XIV начинаетъ обнаруживать не свойственную ему склонность къ уступкамъ: въ концѣ 1693 года онъ высказываетъ готовность отступиться отъ значительной части захваченныхъ у Германіи земель, возстановить герцога Лотарингскаго въ его владѣніяхъ, отказаться отъ своихъ притязаній на Пфальцъ, если только Страсбургъ навсегда останется за Франціей. Съ 1694 и до 1697 г. военныя дѣйствія Французовъ имѣютъ уже чисто оборонительный характеръ. Отправляя маршала Виллеруа съ стотысячною арміей въ Нидерланды, Людовикъ XIV даетъ ему инструкцію не испытывать счастья

и избѣгать генеральнаго сраженія; союзники, напротивъ, переходятъ въ наступленіе: Вильгельмъ Оранскій отвоевываетъ Намюръ.

Въ виду открывавшейся перспективы на испанское наслѣдство, Людовикъ XIV еще задолго до окончанія войны началъ хлопотать чрезъ своихъ дипломатическихъ агентовъ о посредничествѣ второстепенныхъ державъ (Швеціи, Польши, Даніи и др.) для скорѣйшаго заключенія мира. Послѣ взятія Вильгельмомъ Оранскимъ Намюра Людовикъ XIV пошелъ даже на громадныя уступки. Графъ д'Аво объявилъ Шведскому королю Карлу XI отъ имени Людовика, что если союзники желаютъ начать переговоры о мирѣ, то Людовикъ готовъ возвратить Испаніи Люксембургъ и всѣ завоеванія въ Каталоніи, а герцогу Савойскому Казале и Пиньероль; еще бо́льшія выгоды предлагалъ Людовикъ XIV Голландіи, понимая, что для заключенія мира было особенно важно склонить къ нему Генеральные Штаты Нидерландовъ, такъ какъ безъ ихъ денежной помощи Англія и особенно Германія оказались бы совершенно несостоятельными къ продолженію затянувшейся войны; выгодныя условія были предложены и Германіи; но самою чувствительною для Людовика XIV уступкою съ его принципіальной точки зрѣнія было согласіе его признать Вильгельма Оранскаго королемъ Англіи, относительно чего шли долгіе переговоры между маршаломъ Буффлеромъ и довѣреннымъ лицомъ Вильгельма Оранскаго, герцогомъ Портландомъ. Въ то же время Людовикъ XIV завязалъ переговоры объ отдѣльномъ мирѣ съ герцогомъ Савойскимъ. Но та же причина, которая главнымъ образомъ побуждала Людовика XIV желать ускоренія мира, именно собраться съ силами и приготовиться къ новой, очень вѣроятной войнѣ за испанское наслѣдство въ случаѣ смерти Карла II, та же причина заставляла Германскаго императора настаивать на продолженіи войны и на сохраненіи направленной противъ Людовика XIV Аугсбургской лиги. Уполномоченные императора въ Гагѣ настаивали на томъ, что Франція воспользуется заключеніемъ мира для завоеванія Испанской монархіи, и что, благодаря огромнымъ силамъ Франціи и сосѣдству ея съ Испаніей, это завоеваніе можетъ осуществиться прежде, чѣмъ успѣетъ образоваться новая лига противъ Франціи [1]). Разчитывая при помощи коалиціи осуществить по смерти Карла II свои притязанія на испанское наслѣдство, императоръ всѣми мѣрами старался удер-

---

[1]) *Rapin Thoyras*, XI, p. 291.

жать герцога Савойскаго отъ заключенія отдѣльнаго мира съ Франціей, что̀ дало бы послѣдней возможность добиться нейтралитета всей Италіи, направить дѣйствующую тамъ французскую армію во Фландрію и въ Германію и такимъ образомъ склонить и другихъ членовъ Аугсбургской лиги къ заключенію мира съ Франціей. Но всѣ усилія императора оказались тщетными. Когда заключенный между Людовикомъ XIV и герцогомъ Савойскимъ отдѣльный мирный договоръ сдѣлался извѣстенъ морскимъ державамъ, а успѣхи французскаго оружія одновременно съ блестящею экспедиціей французскаго флота, направленною противъ испанскихъ владѣній въ Америкѣ, напугали Испанію и заставили ее съ радостью ухватиться за выгодныя условія мира, предложенныя Франціей, то и морскія державы поспѣшили приступить къ переговорамъ съ Людовикомъ XIV. Изъ переписки Вильгельма III съ Гейнзіусомъ [1]) видно, что онъ считалъ необходимымъ воспользоваться, какъ можно скорѣе, миролюбивымъ расположеніемъ Франціи, и что онъ надѣялся склонить къ миру и Германію [2]). Трудно было, конечно, продолжать войну Франціи, истощеніе которой во время войны съ Аугсбургскою лигой потребовало даже такихъ чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ, какъ введеніе поразряднаго налога (capitation) [3]), но и истощеніе другихъ воюющихъ державъ и особенно вредъ, нанесенный торговлѣ Англіи и Голландіи продолжительною войной, заставилъ ихъ желать мира. Наконецъ миръ этотъ былъ заключенъ въ Рисвикѣ въ 1697 году.

По этому миру Франція удержала за собою всѣ прежнія завоеванія и владѣніе Страсбургомъ. При стремленіи Людовика XIV во что бы то ни стало заключить миръ съ Аугсбургскою лигой, эти условія могли бы даже считаться выгодными для Франціи, если бы ея судоходство и торговля не потеряли значительныхъ выгодъ отъ другаго одновременно заключеннаго съ Англіей и Голландіей коммерческаго трактата, по которому Голландія въ отношеніи рыбной торговли и ввоза во Францію своихъ мануфактуръ стала пользоваться новыми льготами, и голландскія суда были освобождены отъ пошлины

---

[1]) *Grimblot*, vol. I p. 39, 89, 97, 98, 103. 122—125.

[2]) Ibidem, p. 51, 71, 95, 99.

[3]) *Bailly*, Histoire financière de la France, vol. II, p. 13. Ср. также *Forbonnais*, Recherches et considerations sur les finances de France, t. II, p. 82—83.

въ 50 су съ тонна при входѣ въ гавани Франціи. Англійскія мануфактуры получили также болѣе свободный и выгодный доступъ въ порты Франціи, тогда какъ до того времени они были подчинены общимъ тарифамъ [1]).

Что же могло побудить Людовика XIV къ такимъ (съ меркантильной точки зрѣнія того времени) значительнымъ и унизительнымъ уступкамъ въ пользу Англіи и Голландіи, тогда какъ неблагопріятствовавшая ему во все время войны судьба именно подъ конецъ ея стала покровительствовать успѣхамъ его оружія? Что могло побудить Людовика XIV пойдти на уступки въ пользу Испаніи, не смотря на успѣхи его оружія въ Каталоніи и на предстоявшую капитуляцію Барцелоны?

Дѣло въ томъ, что Людовику XIV, не перестававшему мечтать о притязаніяхъ своихъ на испанское наслѣдство, необходимо было заручиться расположеніемъ Испанскаго короля и испанской націи, необходимо было показать себя великодушнымъ относительно ея, и это было ему тѣмъ легче, что онъ былъ увѣренъ, что за всѣ свои уступки онъ будетъ вознагражденъ сторицею, если только осуществится его давнишняя мечта о пріобрѣтеніи испанскаго наслѣдства. Съ этой точки зрѣнія заключеніе скорѣйшаго мира было для Людовика особенно желательно. Еслибъ Испанскій король Карлъ II умеръ до заключенія мира съ Аугсбургскою лигой, и война за испанское наслѣдство открылась бы при существованіи лиги въ полномъ ея составѣ, то морскія державы, опасаясь увеличенія могущества Франціи, постарались бы доставить корону сыну императора Леопольда, и Франція, поставленная въ необходимость обороняться со всѣхъ сторонъ, не въ состояніи была бы, пожалуй, какъ это и оказалось впослѣдствіи на дѣлѣ, осуществить свои притязанія на испанское наслѣдство силой оружія. Людовикъ XIV надѣялся добиться испанскаго наслѣдства путемъ дипломатическихъ уловокъ, хотя достиженіе этой цѣли не легко было въ виду враждебнаго настроенія всей почти Европы противъ Франціи. Если же Людовику XIV не удалось бы воспользоваться разстройствомъ Аугсбургской лиги, чтобы дипломатическимъ путемъ добыть себѣ испанское наслѣдство, то ему во всякомъ случаѣ необходимо было искать мира для того, чтобы

---

[1]) *Bailly*, Histoire financière de la France, p. 13 и 14.

приготовиться къ новой предстоявшей ему войнѣ чуть ли не со всею Европой за испанское наслѣдство [1]). Нужно было дать французскому народу хоть передохнуть и оправиться отъ страшнаго истощенія силъ [2]).

Я. Гуревичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Mémoires historiques concernant les négociations de la paix de Ryswick, p. 38—40: «Il fallait donc faire promptement la paix à quelque prix que ce fût, afin d'avoir les mains libres pour se jeter sur l'Espagne et s'en rendre le maitre dès que sa Majesté Catholique viendrait à rendre le dernier soupir» etc. См. также Supplement à l'histoire de la rivalité de la France et de l'Angleterre par *Gaillard*, IV, p. 218—221: «Il faut l'avouer, ce n'était point le pur amour de la paix qui avait arrachè à Louis XIV les sacrifices, dont son peuple s'etonnait; c'était par l'ambition, qu'il était moderé; c'était par interêt qu'il paraissait desinteressé; il songeait a recueillir du moins en partie la succession d'Espagne».

[2]) Говоря о мотивахъ, побудившихъ Людовика XIV желать скорѣйшаго заключенія мира, слѣдуетъ также имѣть въ виду одно обстоятельство, которое хотя и не имѣло никакого прямаго отношенія къ вопросу объ испанскомъ наслѣдствѣ, вліяло однако жь косвеннымъ образомъ на уступчивость Людовика XIV при заключеніи мира въ Рисвикѣ: это именно не удавшаяся попытка его доставить упразднившійся престолъ Польши принцу Конти, что̀, по разчету Людовика, должно было увеличить его силы въ борьбѣ съ коалиціей. Осуществленіе этой надежды Людовика XIV, уже казалось, было несомнѣнно и близко, когда курфюрстъ Саксонскій Августъ II принятіемъ католической вѣры и разными происками склонилъ на свою сторону примаса и аристократію Польши и, вступивъ на престолъ ея, отрѣзалъ династіи Бурбоновъ и французскому вліянію путь въ предѣлы Польши (*Sommerville*, The history of political transactions, p. 436).

ПРІЕМЪ ВЪ РОССІИ И ОТПУСКЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

По документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

«И пословъ частыхъ къ государю нашему присылаютъ съ великими поминки и почестливостью».
(*Изъ посольскихъ грамотъ*).

Съ построеніемъ Оренбурга дворъ нашъ избавился отъ пріема среднеазіатскихъ посланцевъ, такъ какъ всѣ дѣла по сношенію съ Хивою, Бухарою, Коканомъ и другими среднеазіатскими владѣніями сосредоточились съ тѣхъ поръ въ этомъ городѣ. И только въ исключительныхъ какихъ-нибудь случаяхъ посланцы препровождались въ С.-Петербургъ, обыкновенно же дальше Оренбурга ихъ не пускали. Но въ XVII столѣтіи и первой половинѣ XVIII между нашимъ высшимъ правительствомъ и ханами происходили самыя оживленныя, непосредственныя сношенія, для насъ довольно убыточныя. Впрочемъ, относительно оживленности надо замѣтить, что не столько мы сами были тому причиною, сколько среднеазіатскіе владѣльцы. У насъ же выдавались иногда періоды, хотя и незначительные, когда мы совершенно забывали и о существованіи самой Средней Азіи и о тѣхъ несчастныхъ нашихъ соотечественникахъ, которые томились тамъ въ рабствѣ. За то ханы насъ никогда не забывали и слали къ намъ пословъ за послами. Предложенія хановъ, въ сущности, были довольно однообразны и, можно сказать, довольно пусты. Обыкновенно они просили о торговыхъ сношеніяхъ, заявляли о необходимости возобновленія этихъ сношеній—не по нашей, однако, винѣ прерывавшихся—вызываясь, съ своей стороны, оказывать всякое содѣйствіе, покрови-

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ [1]).

V.

Положеніе Вильгельма III послѣ Рисвикскаго мира и опасенія его за политическое и коммерческое преобладаніе Франціи вслѣдствіе пріобрѣтенія ею испанскаго наслѣдства.

Преобладаніе Франціи и угрожающее ея положеніе относительно остальной западной Европы, дававшее пищу развитію и упроченію системы политическаго равновѣсія въ теченіе всей второй половины XVII вѣка, сохраняло еще свою силу и въ концѣ этого столѣтія передъ самымъ открытіемъ войны за испанское наслѣдство.

Внутреннее экономическое и финансовое состояніе Франціи, по заключеніи Рисвикскаго мира, было, правда, далеко не завидное, и въ этомъ отношеніи Франція сдѣлала шагъ назадъ, сравнительно съ эпохой Кольбера. Не стало у Людовика XIV его прежнихъ министровъ—Кольбера, де-Ліоння, Лувуа; не стало и прежнихъ знаменитыхъ полководцевъ—Конде, Тюреннія, Люксамбура; самъ король состарился и совершенно подпалъ вліянію г-жи Ментенонъ; уничтоженіе Нантскаго эдикта также сильно ослабило Францію, лишило ее огромной части промышленнаго и богатаго населенія; но при всемъ томъ Франція сохранила еще прежній блескъ и прежнее угрожающее положеніе

---

[1]) *Продолженіе.* См. іюльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

относительно сосѣднихъ государствъ. Франція все-таки имѣла еще наготовѣ двухсотъ-тысячную армію, въ то время какъ англійскій парламентъ, тотчасъ послѣ заключенія Рисвикскаго мира, заставилъ Вильгельма III распустить прежнюю армію и оставить изъ нея только отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ сухопутнаго войска, назначивъ Вильгельму III на содержаніе этого войска лишь 350,000 фунтовъ стерлинговъ. Какъ сильно озабочивало это Вильгельма III, видно лучше всего изъ переписки его съ Гейнзіусомъ въ 1697 г. Изъ всѣхъ державъ западной Европы въ концѣ XVII столѣтія одна Франція была готова къ войнѣ и имѣла несомнѣнное превосходство надъ каждымъ изъ своихъ противниковъ и даже надъ соединенными ихъ силами. Правда, истомленіе и финансовое истощеніе Франціи въ концѣ XVII вѣка заставляло ее избѣгать новыхъ войнъ, и почти нѣтъ сомнѣнія, что Людовикъ XIV искренно желалъ мира даже послѣ принятія завѣщанія Карла II для Филиппа V и все еще надѣялся склонить къ миру Англію и Голландію. Но то, что̀ можетъ казаться почти несомнѣннымъ для насъ при спокойномъ взвѣшиваніи общей массы данныхъ на разстояніи слишкомъ полутора вѣковъ, не могло казаться такимъ и современникамъ начала войны за испанское наслѣдство, особенно, если принять во вниманіе неоднократное нарушеніе трактатовъ Людовикомъ XIV, его дипломатическую увертливость и его, можно сказать, политическое вѣроломство, которое не мало смущало Вильгельма III и поддерживало въ немъ опасенія за новую войну. Правда, государственный долгъ Франціи былъ, по заключеніи Рисвикскаго мира, несравненно больше, чѣмъ въ Англіи и Голландіи, и вообще финансовая система хуже, чѣмъ въ обѣихъ этихъ морскихъ державахъ; но возможность начать и вести новую войну зависѣла вообще не только отъ общаго финансоваго положенія столкнувшихся державъ, отъ общей суммы государственныхъ доходовъ и отъ размѣровъ государственнаго долга, но еще и отъ положенія правительственной власти во Франціи, Англіи и Голландіи, отъ возможности для правительства каждаго изъ этихъ государствъ свободно располагать государственными доходами для цѣлей войны. Въ этомъ отношеніи Людовикъ XIV находился въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ Вильгельмъ III, вполнѣ зависѣвшій въ финансовомъ и военномъ отношеніи отъ парламента. По заключеніи Рисвикскаго мира, англійская нація, въ виду огромныхъ издержекъ только что оконченной войны и ослабленія внѣшней торговли, всего болѣе желала продолженія мира. Все это отлично зналъ Людовикъ XIV, и онъ

очень ясно высказалъ это въ инструкціи, данной имъ Таллару при отправленіи его въ Лондонъ для переговоровъ о раздѣлѣ Испанской монархіи. Вотъ что̀ говорится по этому поводу въ упомянутой инструкціи: „Мы будемъ имѣть возможность судить о власти, которою отнынѣ въ состояніи будетъ располагать король Англійскій въ своемъ королевствѣ по рѣшеніямъ собравшагося парламента въ отношеніи суммъ, которыми опредѣлятся въ будущемъ доходы этого государя. Онъ будетъ властелиномъ своего народа, если онъ въ состояніи будетъ обойдтись безъ дальнѣйшей помощи его; но наглость Англичанъ заходитъ очень далеко, когда ихъ король обязанъ созывать часто парламентъ съ цѣлью получить отъ нихъ разрѣшеніе необходимыхъ денежныхъ суммъ, и то, что мы видимъ теперь, не даетъ никакого основанія предполагать, что ему будетъ возможно дѣлать что-нибудь безъ нихъ“.

„Есть основаніе ожидать“, говорится въ той же инструкціи относительно Вильгельма III,—„что онъ встрѣтитъ большую оппозицію, какъ только не хватитъ первыхъ средствъ. Долгъ, накопленный въ продолженіе послѣдней войны, достигаетъ огромныхъ размѣровъ; король Англіи не можетъ уплатить его иначе, какъ при помощи субсидій, которыя будутъ ему разрѣшены, а ихъ можетъ онъ получить только чрезъ созванія парламента... Англійскій народъ“, говорится еще далѣе, „привыкъ заставлять своихъ королей дорого платить за такую помощь“. Какъ вѣрно понималъ Версальскій кабинетъ положеніе дѣлъ въ Англіи, зависимость короля отъ парламента, обнаруживается не разъ изъ переписки Вильгельма III съ Гейнзіусомъ и Портландомъ. Въ одномъ письмѣ къ Гейнзіусу Вильгельмъ III жалуется на то, что у него на 1698 годъ нѣтъ въ распоряженіи ни одного фартинга для оказанія поддержки какому-либо изъ иностранныхъ государей; въ другомъ письмѣ Вильгельмъ сѣтуетъ на рѣшительную невозможность расплатиться съ самыми настоятельными долгами вслѣдствіе страннаго недовѣрія къ нему со стороны парламента. Превосходство въ положеніи Людовика XIV сравнительно съ Вильгельмомъ III заключалось также въ слѣпой покорности и безграничной преданности всего французскаго народа своему королю, въ то время какъ власть Англійскаго короля ослаблялась борьбой парламентскихъ партій и зависѣла отъ преобладанія въ парламентѣ виговъ или торіевъ. Извѣстно, какъ расходились военные планы Вильгельма III съ миролюбиво настроеннымъ торійскимъ большинствомъ парламента предъ началомъ войны за испанское наслѣдство, и какъ

до самаго объявленія Людовикомъ XIV принца Уэльскаго королемъ Англіи, Вильгельмъ III долженъ былъ подавлять въ себѣ всякую мысль о возможности пріобрѣсти содѣйствіе англійской націи для осуществленія задуманной имъ коалиціи. Непопулярность Вильгельма III въ Англіи послѣ заключенія Рисвикскаго мира и значительное число приверженцевъ Іакова II, все еще чаявшихъ его возвращенія, также были очень выгодны для Людовика XIV и должны были, напротивъ, не мало безпокоить Вильгельма III. Изъ переговоровъ, веденныхъ непосредственно предъ заключеніемъ этого мира между графомъ Портландомъ и маршаломъ Буффлеромъ относительно удаленія Іакова II изъ Сенъ-Жермена, ясно видно, что Вильгельмъ III все еще не считалъ себя безопаснымъ на англійскомъ престолѣ, пока соперникъ его находилъ покровительство и поддержку въ лицѣ французскаго монарха. Извѣстно, что Вильгельмъ III считалъ удаленіе Іакова II изъ Сенъ-Жермена такимъ важнымъ пунктомъ, безъ улаженія котораго не возможно было разчитывать на поддержаніе мира. Да и послѣ заключенія Рисвикскаго мира не разъ еще и Портландъ, и даже самъ Вильгельмъ III поднимали снова вопросъ объ удаленіи Іакова II изъ Франціи; но все это было безполезно. Іаковъ II продолжалъ оставаться, подъ разными великодушными предлогами, орудіемъ въ рукахъ Людовика XIV противъ Вильгельма. Между тѣмъ заговоры на жизнь Вильгельма со стороны якобитовъ въ 1696 году и несомнѣнное существованіе весьма многочисленной партіи ихъ въ Англіи, особенно по смерти Маріи, даже въ парламентѣ, партіи, съ которою продолжали поддерживать дѣятельныя сношенія не только Сенъ-Жерменскій, но и Версальскій дворъ, все это, естественно должно было питать опасенія Вильгельма III, что при первой новой войнѣ съ Англіей Людовикъ XIV воспользуется этими выгодными комбинаціями для возстановленія Іакова II на англійскомъ престолѣ. Не въ правѣ ли былъ Вильгельмъ III дѣйствительно ожидать подобнаго шага со стороны Людовика XIV въ виду его всегдашняго вѣроломства и прежняго опыта? Не съ помощію ли французскаго оружія высадился въ 1689 году Іаковъ II въ Ирландіи? Не съ помощію ли французскаго флота и французскаго оружія ведена была вся ирландская война въ 1689 и 1690 годахъ? Развѣ не считалъ тогда Людовикъ XIV возстановленіе Іакова II на англійскомъ престолѣ какъ бы своимъ собственнымъ дѣломъ? Извѣстно было также, что въ Шотландіи всѣ приверженцы епископальной церкви ждали своего спасенія и счастья отъ возвращенія изгнаннаго короля. Между Шот-

ландіей и Сенъ-Жерменскимъ дворомъ безпрестанно происходили живѣйшіе переговоры, да и въ самой Англіи находились лорды, хвалившіеся, что они одни могутъ выставить по 10,000 человѣкъ въ пользу Стюартовъ. Въ виду всего этого становится понятнымъ, какъ опасно и страшно должно было казаться Вильгельму III могущество Людовика XIV, и какъ выгодно было положеніе послѣдняго въ сравненіи съ положеніемъ Англійскаго короля. Но не только въ Вильгельмѣ, но и въ массѣ англійскаго народа, образовалось мало по малу убѣжденіе въ возможности новаго нападенія Франціи на Англію и вторичной попытки возстановленія Стюартовъ на англійскомъ престолѣ съ цѣлью подчинить ее вліянію Франціи. Крестьяне въ Англіи выражали опасеніе, ужь не Французы ли, вторгшись въ Англію, пожнутъ ихъ посѣвы. Въ англійскихъ политическихъ брошюрахъ, появившихся въ 1701 году, не разъ высказывается искреннее опасеніе близкаго вторженія французской арміи.

Но Вильгельмъ III, будучи королемъ Англіи, былъ въ то же время штатгальтеромъ Голландіи, интересы которой были для него по крайней мѣрѣ на столько же дороги, какъ и интересы самой Англіи, если еще не дороже. По крайней мѣрѣ Портландъ въ переговорахъ объ испанскомъ наслѣдствѣ съ Торси и Помпонномъ высказалъ напрямикъ, что для Вильгельма III, хотя онъ король Англіи, интересы Голландцевъ на первомъ планѣ, а интересы Англичанъ — на второмъ. А кому же, какъ не лорду Портланду, какъ самому довѣренному лицу и другу Вильгельма, было знать его убѣжденія? Для Голландіи же могущество Франціи было особенно опасно въ случаѣ вступленія бурбонскаго принца на испанскій престолъ. Изъ опасенія чрезмѣрнаго могущества Франціи была пущена въ ходъ Вильгельмомъ III „система политическихъ барьеръ“, въ силу которой безопасность слабѣйшихъ государствъ должна была быть гарантирована или цѣлымъ рядомъ пограничныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, какъ было это сдѣлано по Рисвикскому миру относительно Голландіи уступкою ей семи крѣпостей въ Испанскихъ Нидерландахъ, или же образованіемъ изъ пограничныхъ промежуточныхъ провинцій новыхъ самостоятельныхъ владѣній, которыя могли служить оградой для слабѣйшаго государства противъ могущественнаго сосѣда; такъ, во время переговоровъ о раздѣлѣ испанской монархіи, предполагалось сдѣлать подобную барьеру изъ Испанскихъ Нидерландовъ, отдавъ ихъ курфюрсту Баварскому. Но, въ случаѣ вступленія на испанскій престолъ внука Людовика XIV, барьера, предоставленная Голландіи

по Рисвикскому миру, оказывалась недостаточною гарантіей ея безопасности; мало того, Голландія имѣла серьезное основаніе опасаться завладѣнія Испанскими Нидерландами со стороны Франціи, или даже просто присоединенія ихъ къ ней въ силу полюбовнаго соглашенія между Версальскимъ и Мадридскими дворами, при чемъ Голландія очутилась бы въ самомъ беззащитномъ положеніи.

Какъ сильно озабочивалъ Вильгельма III вопросъ о барьерѣ для Голландіи, видно изъ всего хода переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Расширеніе и обезпеченіе этой барьеры было исходнымъ пунктомъ всѣхъ многоразличныхъ комбинацій, испробованныхъ для улаженія перваго и втораго трактатовъ о раздѣлѣ испанской монархіи. Когда же Вильгельмъ III узналъ о нарушеніи Людовикомъ XIV раздѣльныхъ трактатовъ, то наиболѣе затрудненій видѣлъ онъ именно въ предупрежденіи захвата Испанскихъ Нидерландовъ Франціей. Что и общественное мнѣніе въ Англіи тѣснымъ образомъ связывало вопросъ о неприкосновенности Голландіи и ненарушимости ея барьеры съ безопасностью для самой Англіи, легко убѣдиться при болѣе близкомъ знакомствѣ съ англійскими политическими брошюрами, современными началу войны за испанское наслѣдство. И въ самой Франціи люди, стоявшіе во главѣ умственнаго движенія и близко знакомые съ вопросами политики, какъ Фенелонъ, также видѣли центръ тяжести всего вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ въ Испанскихъ Нидерландахъ. Фенелонъ съ этого и началъ свои мемуары о войнѣ за испанское наслѣдство, которые онъ писалъ съ цѣлью предупредить эту пагубную войну. „Большинство мыслящихъ людей“, говоритъ Фенелонъ,—„убѣждены въ томъ, что настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ представляетъ возможность только одного изъ исходовъ: первый возможный исходъ тотъ, что Франція поведетъ энергично войну и удержитъ за собою, какъ бы въ видѣ вознагражденія, Испанскіе Нидерланды; другой исходъ, что Франція, утомленная борьбою, заставитъ Испанію уступить Испанскіе Нидерланды эрцгерцогу“. Фенелонъ утверждаетъ также, что „Голландія не имѣетъ никакой прочной опоры противъ Франціи, si la barrière est enlevée, а паденіе самостоятельности Голландіи поставило бы всю Европу въ желѣзные тиски. Голландія есть центръ и источникъ свободы всей Европы: „Le coeur est attaqué, si la barrière est perdue“. Что политическій инстинктъ не обманывалъ Вильгельма III, показали лучше всего самые факты. Какъ только принялъ Людовикъ завѣщаніе Карла II для Филиппа Анжуйскаго, онъ ввелъ тотчасъ же, по соглашенію съ кур-

фюрстомъ Баварскимъ, войска свои въ вышеупомянутыя семь крѣпостей, составлявшихъ такъ-называемую барьеру Голландіи, и хотя голландскіе гарнизоны были отпущены на волю, крѣпости остались въ рукахъ Французскаго короля. Людовикъ XIV, желая избѣжать войны, обѣщалъ Голландіи въ отвѣтъ на ея жалобы, очистить эти крѣпости отъ своихъ войскъ, и даже вывести свои войска изъ Испанскихъ Нидерландовъ, какъ только Голландцы со своей стороны прекратятъ приготовленія къ войнѣ; однако отъ видовъ на самые Испанскіе Нидерланды Людовикъ XIV все-таки не отказывался. Это доказываетъ лучше всего планъ, сообщенный французскому послу въ Испаніи (въ письмѣ отъ 30-го октября 1701 г.) Марсену уступить Людовику XIV Испанскіе Нидерланды и возраженія на это Марсена въ отвѣтѣ его отъ 18-го ноября того же года. По мнѣнію Торси, было несправедливо требовать, чтобы Франція вела войну за испанскую монархію на свой счетъ безъ всякаго вознагражденія, и потому онъ находилъ весьма естественнымъ, чтобы Филиппъ V уступилъ Испанскіе Нидерланды Людовику XIV, а послѣдній за эту уступку взялъ бы на себя защиту остальной части испанской монархіи. Марсенъ же находилъ слишкомъ много невыгодъ въ такой комбинаціи: онъ находилъ, что неблагонамѣренные люди, недоброжелатели Франціи, обвинили бы ее въ стремленіи воспользоваться раздробленіемъ и слабостью Испаніи, что національная ревность и зависть пробудилась бы съ яростью, что враги Франціи имѣли бы благовидный предлогъ для нареканій на Францію, и что это повело бы къ еще болѣе упорной войнѣ Франціи съ враждебными ей державами, въ которой приняли бы навѣрное участіе и всѣ остальныя европейскія государства, не питавшія вражды къ Франціи. Этотъ отвѣтъ Марсена безъ-несравненно умнѣе, чѣмъ предложеніе Версальскаго кабинета, замѣчаетъ по этому поводу Флассанъ. По словамъ Лувилля, довѣреннаго агента Людовика XIV при Филиппѣ V, Версальскій кабинетъ не тотчасъ отступился отъ этого плана, а даже добился согласія государственнаго совѣта Испаніи (despacho), но опасеніе потерять союзника въ лицѣ курфюрста Баварскаго, который самъ претендовалъ на Испанскіе Нидерланды, заставило Людовика XIV отступиться отъ первоначальныхъ видовъ на эту провинцію.

Итакъ мы видимъ, что опасенія Голландіи и Вильгельма III относительно Испанскихъ Нидерландовъ были не напрасны. Съ полнымъ убѣжденіемъ и совершенною искренностью Вильгельмъ III писалъ Гейнзіусу, узнавъ о принятіи Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II,

что если только завѣщаніе это будетъ приведено въ исполненіе, то Англія и Голландская республика подвергнутся опасности быть совершенно погубленными или разоренными Франціей.

Говоря о Вильгельмѣ III и его политикѣ относительно Франціи, нельзя упустить изъ виду и того, что онъ былъ ревностный и искренній протестантъ и, считая себя какъ бы призваннымъ защитникомъ протестантизма вообще, естественно, долженъ былъ съ сильнымъ раздраженіемъ относиться къ Людовику, не задолго предъ вступленіемъ его на англійскій престолъ отмѣнившему Нантскій эдиктъ, фанатически преслѣдовавшему своихъ протестантскихъ подданныхъ и не обнаруживавшему должной вѣротерпимости и по отношенію къ проживавшимъ во Франціи англійскимъ подданнымъ протестантскаго вѣроисповѣданія. На это съ особенною досадою указалъ Вильгельмъ III въ своемъ объявленіи войны Людовику XIV, когда въ 1689 году Англія стала во главѣ образовавшейся противъ Франціи коалиціи. „То, что̀ насъ особенно сильно тревожитъ“, говоритъ Вильгельмъ,— „это недостойный христіанина образъ дѣйствія, которымъ Людовикъ XIV преслѣдовалъ многихъ изъ нашихъ протестантскихъ подданныхъ во Франціи единственно изъ-за религіи, вопреки международному праву и особеннымъ заключеннымъ между Англіею и Франціею договорамъ [1]).

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, которое высказалъ о Вильгельмѣ III Гримблотъ, почтенный издатель его переписки, говоря объ отношеніяхъ его къ Англіи и Голландіи: по его замѣчанію „Вильгельмъ III, какъ политикъ, не былъ человѣкомъ, принадлежавшимъ одной націи болѣе, чѣмъ другой, а былъ представителемъ извѣстнаго принципа“ [2]). Величіе Вильгельма III состоитъ именно въ той энергіи и преданности, съ которою онъ служилъ интересамъ обѣихъ націй, во главѣ которыхъ стоялъ онъ. Будучи королемъ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ штатгальтеромъ Голландіи, Вильгельмъ III обязанъ былъ заботиться равно объ интересахъ того и другаго государства: своею личностью онъ дѣйствительно объединилъ ихъ интересы, и этому способствовала болѣе всего извѣстная связь между религіозными и политическими интересами этихъ обоихъ государствъ.

---

[1]) *Dumont*, t. VII, partie II, p. 230—231. Declaration de guerre de Guillaume et de Marie contre le roi des Français.

[2]) *Grimblot*, Preface: «William III is not a man of one nation more, than of another: he is the representation of a principle».

Но не умаляя нисколько признаваемаго за Вильгельмомъ III величія, нельзя все-таки не признать, что поддержаніе политическаго равновѣсія Европы было только однимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ его къ войнѣ съ Франціей за испанское наслѣдство, и что цѣль эта совпадала вполнѣ съ національною политикой Англіи, которая въ сущности была тою же коммерческою политикою, какой держалась Англія еще при Елизаветѣ, и какой слѣдуетъ даже теперь.

Англія и Голландія суть единственныя государства Европы, все политическое могущество которыхъ зиждется на торговлѣ; отсюда вытекаетъ и та коммерческая политика, которой держались всегда эти морскія державы, и Вильгельмъ III, проводя эту политику, являлся только вѣрнымъ выраженіемъ ихъ исключительно національныхъ интересовъ.

Уже вскорѣ послѣ вступленія Вильгельма на англійскій престолъ обнаружилось, какъ близко къ сердцу принималъ онъ коммерческіе интересы Англіи и какъ ревниво относился къ усиленію морскаго могущества Франціи. Это показали именно тѣ мотивы, которыми обставилъ онъ объявленіе войны Людовику XIV въ 1689 году.

Указавъ на несправедливости и насилія Людовика XIV относительно Германскаго императора и другихъ союзниковъ Англіи, вызванныя лишь своекорыстными цѣлями и стремленіями Людовика XIV, и переходя затѣмъ къ разъясненію обидъ, причиненныхъ имъ интересамъ Англіи, Вильгельмъ III выдвигаетъ на первый планъ столкновеніе интересовъ Англіи и Франціи въ Америкѣ, именно въ земляхъ Гудзонова залива и на Караибскихъ островахъ, затѣмъ указываетъ на запрещеніе Людовикомъ XIV ввоза изъ Англіи нѣкоторыхъ мануфактуръ и на обложеніе чрезмѣрными пошлинами другихъ, допущенныхъ къ ввозу англійскихъ товаровъ. „Всѣ эти мѣры Людовика XIV служатъ очевиднымъ доказательствомъ того“, говорится далѣе въ декларації Вильгельма III,—„что Французскій король вознамѣрился совершенно разорить торговлю, а стало быть, и мореходство Англичанъ, отъ которыхъ зависитъ большею частію благосостояніе и безопасность этого народа“ [1]).

Послѣ Рисвикскаго мира, уже во время переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, Вильгельмъ III въ письмѣ къ Портланду отъ 21-го марта 1697 г. еще прямѣе высказывается относительно коммерческихъ интересовъ Англіи: „Наше величайшее затрудненіе

---

[1]) *Dumont*, t. VII, partie II, p. 230—231.

состоитъ въ томъ, какъ бы обезпечить нашу торговлю въ Средиземномъ морѣ, а также въ томъ, склонна ли Франція удѣлить намъ что-нибудь въ Западныхъ Индіяхъ или по крайней мѣрѣ позволить намъ продолжать тамъ торговлю“ [1]).

Опасеніе Вильгельма III за утвержденіе исключительнаго господства Франціи на Средиземномъ морѣ и въ Вестъ-Индіи было такъ велико въ ту пору, когда шли переговоры объ испанскомъ наслѣдствѣ, что одно время онъ предполагалъ даже для противовѣса французскому вліянію увеличить англійскую эскадру на Средиземномъ морѣ и въ Вестъ-Индіи и отправить на Ямайку четыре или пять полковъ, подъ предлогомъ защиты тамошнихъ англійскихъ колоній, полагая, что если эти войска будутъ уже тамъ, то въ случаѣ необходимости, они въ состояніи будутъ сдѣлаться господами испанскихъ владѣній въ Западныхъ Индіяхъ, въ чемъ Франція не въ состояніи будетъ помѣшать имъ [2]).

Что опасенія Вильгельма III относительно коммерческаго преобладанія Франціи вслѣдствіе пріобрѣтенія испанскаго наслѣдства раздѣляли въ это время и другіе государственные люди Англіи, легко убѣдиться изъ переписки англійскихъ полномочныхъ пословъ въ Мадридѣ и въ Парижѣ, Стэнгопа и Манчестера, которые почти съ самаго заключенія Рисвикскаго мира внимательно слѣдили за каждымъ шагомъ Людовика XIV, имѣвшимъ цѣлью пріобрѣсти какія-либо преимущества передъ Англичанами въ отношеніи торговли съ Испаніей, и особенно, съ западною Индіей. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вернону (отъ 15-го января 1701 г.) Манчестеръ говоритъ прямо, что „весь вопросъ въ томъ, будетъ ли въ состояніи Франція снабжать Индію всѣми необходимыми для нихъ товарами. Если да“, говоритъ онъ далѣе,—„то мы можемъ сильно пострадать“ [3]).

Въ письмѣ отъ 11-го августа 1701 г. Шоненбергъ, посланникъ Генеральныхъ Штатовъ въ Мадридѣ, пишетъ Манчестеру: „Французы работаютъ ночь и день, чтобы сдѣлаться полными господами торговли на испанскихъ островахъ, имѣя въ виду совершенно разрушить тамъ торговлю Англіи и Голландіи; но нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ державы сумѣютъ обезпечить себя отъ такихъ стремленій Франціи“.

---

[1]) *Grimblot*, I, p. 326.

[2]) *Grimblot*, I, p. 348—349.

[3]) *Cole*, p. 280; ср. p. 408; также *Stanhope*, p. 158, 187.

Но еще болѣе сильную поддержку находилъ въ этомъ отношеніи Вильгельмъ въ общественномъ мнѣніи англійской націи, которая, конечно, заинтересована была болѣе всего своими коммерческими выгодами, а вовсе не вопросомъ о политическомъ равновѣсіи Европы.

VI.

Преобладаніе меркантильныхъ интересовъ въ международныхъ отношеніяхъ западно-европейскихъ государствъ, во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка.

Вестфальскимъ миромъ закончился реформаціонный періодъ и характеризующій его длинный рядъ кровопролитныхъ религіозныхъ и политическихъ войнъ. Западно-европейскіе народы, словно утомленные нескончаемою церковно-догматическою полемикой и религіозными вопросами, которыми нерѣдко прикрывалась только борьба партій политическихъ, отвернулись отъ поглощавшихъ ихъ столько времени интересовъ религіи и церкви и отрезвились отъ увлекавшаго ихъ къ борьбѣ фанатизма [1]).

Доведенное до крайности, прежнее религіозно-политическое настроеніе и движеніе западно-европейскаго общества, по закону реакціи, вызвало къ жизни преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, экономическихъ, торгово-политическихъ.

Уже съ половины XVII вѣка въ западной Европѣ обнаруживается это особенное увлеченіе коммерческими интересами [2]), которое сооб-

---

[1]) Правда, что и во второй половинѣ XVII столѣтія продолжались еще религіозные споры между различными сектами, какъ напримѣръ, между молинистами и янсенистами во Франціи, между арминіанами и гамаристами и затѣмъ между воэціистами и кокцеистами въ Голландіи, но эта борьба изъ-за различныхъ догматовъ не захватывала такого обширнаго круга, какъ религіозныя войны XVI и первой половины XVII вѣка: въ основаніи эти споры примыкали къ различнымъ религіозно-философскимъ воззрѣніямъ и имѣли мало вліянія на общій ходъ политической и общественной жизни. Большее значеніе имѣла борьба пресвитеріанъ и епископаловъ въ Англіи и Шотландіи до революціи 1688 года. См. *Sirtema de Grovestins*, Guillaume III et Louis XIV, vol. VII, p. 88—92.

[2]) *Martens*, Corps diplomatique, vol. III, p. 8: „La fin de la guerre de trente ans fut l'époque du reveil général des puissances de l'Europe sur leurs intérets de commerce".

щилось въ концѣ XVII вѣка даже такимъ странамъ, какъ Шотландія, гдѣ до того времени преобладаніе исключительно религіознаго направленія общественной мысли было особенно сильно [1]).

Всюду, во всѣхъ почти странахъ Европы, даже въ такихъ второстепенныхъ пунктахъ, какими были въ то время Генуа, Женева, Гамбургъ [2]), закипѣла усиленная промышленная и торговая дѣятельность, и обнаружилось соревнованіе принять активное участіе во всемірной торговлѣ. Но съ особенною силой это направленіе сказалось прежде всего въ Голландіи, Англіи и Франціи, въ которыхъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ остальной Европѣ, промышленность и торговля сдѣлали огромные успѣхи, начиная со второй половины XVII вѣка. Значительное развитіе экономической литературы въ Голландіи уже въ первой половинѣ XVII вѣка [3]) и особенно въ Англіи со второй половины XVII вѣка [4]), сильный толчекъ, данный экономической литературѣ во Франціи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка сочиненіями Буагильбера и Вобана [5]), зарожденіе обширной политико-

---

[1]) *Ranke*, Englische Geschichte, VII, 217: Man sieht an einem Beispiel, wie der immer nach Neuem strebende Menschengeist sich auf einmal in ganz anderen Direktionen wirft, als die er bisher verfolgt hat. Die Schotten ergriffen die commerciellen Tendenzen mit einem ähnlichen Enthusiasmus, wie man ihn früher nur religiösen Angelegenheiten bei ihnen bemerkt hat. Ср. также *Buckle*, Einleitung, Uebersetzt von *Ritter*, B. II, Cap. XVIII, S. 35.

[2]) Охватившее западную Европу коммерческое движеніе отразилось и на Россіи, гдѣ Петръ, увлеченный господствовавшею въ то время меркантильною системою, стремился цѣлымъ рядомъ энергическихъ правительственныхъ мѣръ создать для своего государства самостоятельную, независимую отъ западной Европы, промышленность и активную торговлю. См. *Vorkerodt's*, Russland unter Peter dem Grossen въ изданіи *Германа*, стр. 73—77: „Unberhaupt nahm er sich bei seinen Commerzanstalten folgende Punkte zum Augenmerk: wie er die Quantität der ausländischen Waaren so nach Russland gebracht werden, vermindern, die Ausfuhr seiner Landeswaaren hingehen vergrössern“ и т. д. Тарифъ на чужеземныя мануфактуры, которыя Петръ стремился развить въ Россіи, былъ возвышенъ отъ 4% до 30,55 и даже 80% на сто.

[3]) Особенно проявилось это въ голландской періодической печати въ обширной массѣ политико-экономическихъ брошюръ, представляющей особенность голландской экономической литературы. См. *Laspeyres*, Geschichte der volkswirthschaftlichen Anschaungen der Niederlanden, passim.

[4]) См. *Roscher*, Zur Geschichte der englischen Volkswirthshaftslehre passim.

[5]) *Stein*, Lehrbuh der Finanzvissenshaft, S. 12; *Daire*, Economistes financiers du XVIII siècle, p. 18 и 153. „Le detail de la France“ Баугильбера было обнародовано еще въ 1695 году; сочиненіе же Вобана „La dîme royale“, хотя

экономической литературы въ началѣ XVIII вѣка въ Шотландіи также, какъ и важное мѣсто, удѣленное экономическимъ вопросамъ главнѣйшими представителями философіи въ XVII вѣкѣ—Бекономъ, Локкомъ, Вольфомъ, Лейбницемъ и отчасти Гоббесомъ и Спинозой [1]), все это служитъ характеристическимъ выраженіемъ того новаго фазиса европейской культуры, въ которомъ на первый планъ выступили политико-экономическіе и особенно торгово-политическіе интересы. Это-то преобладаніе коммерческихъ интересовъ въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ западно-европейскихъ народовъ во второй половинѣ XVII вѣка и особенно при переходѣ отъ XVII къ XVIII вѣку и составляетъ наиболѣе характеристическую черту этого времени [2]).

Если въ началѣ XVII вѣка важное и даже преобладающее значеніе земледѣлія, на ряду съ промышленностью и торговлей, признавалось еще въ теоріи и на практикѣ, и Сюлли съ полнымъ убѣжденіемъ утверждалъ, что „земледѣліе и скотоводство суть два сосца, питающіе Францію и замѣняющіе ей настоящіе рудники и сокровища Перу“ [3]), то во второй половинѣ XVII вѣка это воззрѣніе сдѣлалось уже какъ бы анахронизмомъ; въ торговомъ уставѣ Людовика XIV отъ 1673 года торговля одна выставляется источникомъ общественнаго благосостоянія и богатства частныхъ лицъ [4]). Въ виду того огромнаго значенія, которое со времени открытія Америки, получили драгоцѣнные металлы, не только какъ удобное

появилось въ печати въ первый разъ только въ 1707 году, было уже окончено и готово къ печати вскорѣ послѣ заключенія Рисвикскаго мира, слѣдовательно, также въ 1697 году.

[1]) Ср. *Roscher*, Zur Geschichte der englischen volkswirthschaftslehre, S. 36—44, 47—53, 93—106; *Laspeyres*, Geschichte der volkswirthschaftlihen Anshaungen der Niederlanden, S. 21—24; *Kautz*, Geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomik, B. II, S. 292.

[2]) *Ranke*, Englishe Geschichte im XVII jahrh., B. VII, S. 163, указываетъ, какъ на самое характеристическое стремленіе переходнаго времени конца XVII и начала XVIII столѣтія „die überviegende Rücksicht auf die commerciellen Interressen und ihre Förderung“.

[3]) *Kautz*, Geschichtliche Entwicklung, B. II, S. 323; *Blanqui*, Histoire de l'économie politique, I, p. 353: «Labourage et pâturage sont les deux mamelles de l'état» etc.

[4]) Code marchand 1702 г. стр. 1 и 2, Ordonnance de Louis XIV pour le commerce: «Comme le commerce est la source de l'abondance publique et de la richesse des particuliers» etc.

орудіе для обмѣна, но и какъ сильный рычагъ политическаго могущества [1]), западно-европейскіе народы стали смотрѣть на золото и на серебро, какъ на главные источники и истинное выраженіе народнаго богатства [2]). Но такъ какъ главнымъ и чуть ли не единственнымъ источникомъ для прилива драгоцѣнныхъ металловъ въ тѣ страны, которыя не могли, подобно Испаніи черпать ихъ изъ рудниковъ, считалась торговля [3]), то процвѣтаніе ея въ той или другой странѣ сдѣлалось мѣриломъ народнаго благосостоянія. Впрочемъ, согласно съ незрѣлыми экономическими понятіями, преобладавшими какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи меркантилизма, на внутреннюю торговлю обращали мало вниманія и придавали ей значеніе только въ той мѣрѣ, въ какой она содѣйствовала обращенію денегъ внутри государства и болѣе равномѣрному распредѣленію сырыхъ продуктовъ, необходимыхъ для мануфактурной промышленности. Кромѣ того, внутренняя торговля признавалась еще важною, какъ необходимое посредствующее звено между внутреннею промышленностью и внѣшнею торговлею. Въ англійской экономической литературѣ конца XVII вѣка обнаруживается не разъ такое одностороннее и неправильное пониманіе значенія внутренней торговли, высказывается даже прямо, что ею могутъ обогащаться, правда, отдѣльныя лица изъ торговаго класса, но что богатство всего народа не можетъ быть ею увеличено, и что слишкомъ большое развитіе внутренней торговли въ той или другой странѣ должно считать даже убыточнымъ для нея [4]). Быстрое же расширеніе внѣшней тор-

---

[1]) «Mémoires sur le commerce de France en 1701», рукопись Парижской національной библіотеки № 18997. Въ мемуарѣ руанскаго депутата Менаже говорится: «Que le commerce soit utile et même necessaire pour enrichir l'Etat, en rendre le prince plus puissant, plus riche et plus estimé de ses voisins, c'est un principe dont on ne doute point» etc.

[2]) Огромный переворотъ, произведенный быстрымъ увеличеніемъ массы звонкой монеты въ цѣнѣ товаровъ еще болѣе выдвинулъ значеніе денегъ, что особенно явственно отразилось въ преобладающемъ содержаніи всей почти экономической литературы XVI и начала XVII вѣк. особенно въ италіанской и нѣмецкой экономической литературѣ. См. *Held-Careys* Socialvissenschaft und das Mercantilsystem, отдѣлъ I.

[3]) Mémoire du deputé de Bordeaux sur le rétablissement du commerce en France. Manuscrit de la bibliothéque nationale à Paris и «Quoique le commerce soit la source de l'abondance, quoique ce soit par son moyen que les peuples s'enrichissent et l'unique canal, par oú l'or et l'argent coule en France» etc.

[4]) *D'Avenant*, Commercial and financial vorks edited by Vithvorth, London 1771. Vol I, p. 102. Впрочемъ, Давенантъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочи-

говли вслѣдствіе ускореннаго денежнаго обращенія, быстрое процвѣтаніе центровъ мануфактурной промышленности, политическое могущество, достигнутое Испаніей и Португаліей, вслѣдствіе развитія ихъ колоніальнаго могущества, и особенно Голландіи, благодаря единственно обширному развитію ея внѣшней торговли, также какъ и важное значеніе внѣшней торговли вообще, какъ одного изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, при возраставшихъ финансовыхъ потребностяхъ усложнившейся центральной администраціи и вслѣдствіе постоянныхъ войнъ второй половины XVII в., все это содѣйствовало къ выработкѣ одного изъ главныхъ основныхъ положеній меркантильнаго ученія, по которому источникъ богатства и благосостоянія народовъ заключается во внѣшней торговлѣ, какъ наиболѣе прибыльной, относительно увеличенія массы денегъ [1]). Изъ этого-то преувеличеннаго и неправильнаго понятія о внѣшней торговлѣ и произошло главнымъ образомъ одностороннее, но столь важное по своему вліянію ученіе о торговомъ балансѣ. Говоря о важности изслѣдованія торговаго баланса, Давенантъ, первый англійскій экономистъ и финансистъ конца XVII вѣка, сравниваетъ строеніе и отправленія политическаго и общественнаго организма (the Body-politick) съ анатомическимъ строеніемъ и физіологическими отправленіями человѣческаго тѣла, уподобляя при этомъ различные составные элементы народнаго богатства—мануфактурную промышленность, торговлю, текучую монету и пр., различ-

---

ненiй признаетъ значеніе и внутренней торговли какъ напримѣръ, VI, p. 99. Тотъ же взглядъ приводится и въ другомъ произведеніи экономической литературы конца XVII вѣка, авторомъ котораго Рошеръ считаетъ извѣстнаго экономиста Додлэя Норта, именно: „A discourse of trade, coin-and paper credit and of vays and means to gain and retain reaches“ London. 1697. Авторъ этой книги относитъ внутреннюю торговлю къ полезному, но непроизводительному труду, доказывая что, только „foreign markets can increese reaches“ См. *Roscher*, Zur Geschichte der Volksvirthschaftslehre, S. 140.

[1]) Хотя литературные представители меркантилистическаго ученія, вопреки распространенному прежде мнѣнію, и не раздѣляли вполнѣ всѣхъ заблужденій, обнаруженныхъ въ практическомъ приведеніи меркантильной системы (*Kautz* II, 262, *Held*, Das Mercantilsystem, S. 7, и *Biedermann*, Der Mercantilismus) все-таки остается несомнѣннымъ, что отъ односторонняго ложнаго взгляда на экономическое значеніе денегъ, теорія меркантилизма и по настоящее время не могла освободиться, доказательствомъ чему служатъ экономическія воззрѣнія Кэри.

нымъ составнымъ частямъ человѣческаго организма, нервамъ (sinewes) артеріямъ, венамъ и обращающейся крови (flowing blood [1]).

Подобный же взглядъ на важное значеніе торговли высказывался не разъ въ голландской экономической литературѣ XVII вѣка, изобилующей хвалебными выраженіями относительно торговли, какъ основы политической и общественной жизни Нидерландовъ. Торговля характеризуется часто какъ душа Нидерландовъ, какъ мать всякаго богатства [2]). Въ голландскихъ и французскихъ актахъ конца XVII и начала XVIII вѣка торговля характеризуется, какъ нервъ государства [3]). Хотя отдѣльныя проявленія меркантильной системы обнаружились въ большей части западно-европейскихъ государствъ уже съ конца среднихъ вѣковъ, [4]), но полнаго своего развитія меркантильная система достигла только во второй половинѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія [5]), въ то время, когда впервые выступили въ теоріи и на практикѣ важные вопросы общественнаго кредита и государственнаго долга, денежной и монетной системы, когда обнаружилось то огромное вліяніе, какое имѣли на внутреннюю и внѣшнюю политику государствъ то или другое направленіе ихъ торговой политики, большее или меньшее развитіе колоніальной системы, коммерческаго и военнаго судоходства и вообще морскаго могущества, распространеніе монополій и привилегированныхъ торговыхъ компаній, повышеніе или пониженіе тарифовъ, болѣе или менѣе выгодные ре-

---

[1]) *D'Avenant*, An essay upon the probable methods of making a people gainers in the balance of trade. Sect. I.

[2]) *Laspeyres*, p. 117—119. Въ донесеніи Гарраха Младшаго Германскому императору отъ 1696 г. о положеніи дѣлъ въ Испаніи говорится между прочимъ объ упадкѣ торговли въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Das Commercium, velches jedoch die Seele einer Regierung genannt zu verden pflegt, ist gänzlich destruirt» etc. См. *Historiche Zeitschrift* von *Sybel*, XV Jahrgang, 1873, I Heft: «Die Mission des Grafen Aloys v. Harrach an den spanishen Hof und seine Finalrelation an Kaiser Leopold (1696—1697)» von *Gaedecke*.

[3]) Такъ въ мемуарѣ одного изъ членовъ учрежденнаго во Франціи въ 1700 г. совѣта торговли (Conseil du commerce), а именно депутата изъ Байонны, говорится: «Le commerce est le nerf des états, qui ne sauraient subsister autrement avec splendeur etc (рукопись Парижской національной библіотеки). Точно также въ манифестѣ Голландской республики отъ 8-го мая 1702 года указывается на опасность, угрожающую со стороны Франціи торговлѣ Голландіи, qui en est le nerf. (*Dumont*, Corps diplomatique, t. VIII, partie I, p. 112—114).

[4]) *Kautz*, Gechichtliche Entwicklung der National-Oekonomik, II, 257—258.

[5]) Ibidem, II, 239, 259, 263.

зультаты торговаго баланса, болѣе или менѣе выгодныя условія международныхъ коммерческихъ трактатовъ. И такъ, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII вѣка экономическихъ воззрѣній первоклассные коммерческіе народы западной Европы, вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ выгоднымъ сосѣднимъ положеніемъ для взаимнаго сбыта и обмѣна своихъ сырыхъ и мануфактурныхъ продуктовъ, стремились каждый захватить цѣликомъ въ свои руки всѣ выгоды внѣшней торговли и ограничить свободный обмѣнъ продуктовъ съ сосѣдними народами, закрывая для нихъ совершенно свои рынки или по крайней мѣрѣ облагая ихъ продукты, и именно мануфактуры, все болѣе высокою пошлиною [1]). Начиная съ Вестфальскаго мира, при заключеніи союзовъ и нарушеній договоровъ, при объявленіи войнъ и заключеніи мира, это враждебное, наступательное направленіе тогдашней торговой политики не разъ обнаруживало свое вліяніе на дипломатію и политику западно-европейскихъ державъ. Во второй половинѣ XVII вѣка западно-европейскіе народы вели между собою почти постоянно, такъ-сказать, коммерческую войну; но только вмѣсто боевыхъ и осадныхъ орудій, война велась запретительными мѣрами, высокими тарифами, таможенными уставами. Съ одной стороны, всякое объявленіе войны сопровождалось прекращеніемъ или стѣсненіемъ торговли между столкнувшимися державами, а съ другой—всякое дружественное отношеніе или примиреніе ихъ тотчасъ выражалось во взаимныхъ коммерческихъ льготахъ, привилегіяхъ, трактатахъ [2]). Обыкновенно рельефнѣе высту-

---

[1]) Такъ напримѣръ, испанская таможня брала во второй половинѣ XVII вѣка около 15% съ французскихъ негоціантовъ. Но и Франція не осталась въ долгу у Англичанъ. Не говоря уже о противопоставленной еще министромъ Фуке навигаціонному акту Кромвеля пошлины въ 50 су съ каждаго тонна, привозимаго во французскіе порты на иностранныхъ корабляхъ, Франція по тарифамъ 1664 и 1667 гг. обложила англійскія мануфактуры такими высокими пошлинами, что относительно нѣкоторыхъ предметовъ ввоза, какъ напримѣръ, тонкихъ англійскихъ суконъ, высокая пошлина (80 ливровъ съ тонна) равнялась запрещенію. См. Memoirs of wool by *John Smith*, London 1747, p. 343: «In 1667 the duty on an english broad cloth imported into France was raised to about eighty livres... in the same proposition, which was equal to a probibition».

[2]) См. *Bancroft*, Geschichte der Vereinigten Staaten, B. III, S. 97. Особенно ясно выступаетъ это при обзорѣ дипломатическихъ отношеній между Франціей, Англіей и Голландіей во второй половинѣ XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ обзорѣ актовъ объявленія войны, мирныхъ и союзныхъ договоровъ. См. *Martens*, Guide diplomatique, I, 89—93 и 127—130. Ср. также *Du-*

пали на первый планъ вопросы международной торговли, какъ только шло дѣло объ измѣненіи географическихъ границъ какого-либо изъ государствъ западной Европы, объ уступкѣ или присоединеніи какихъ-либо провинцій [1]).

Но если вообще всякое измѣненіе европейской карты сильно возбуждало чувство коммерческой ревности, то особенно глубоко были затронуты интересы западной Европы и въ особенности морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, тѣмъ значительнымъ переворотомъ въ международныхъ политическихъ и торговыхъ отношеніяхъ западной Европы, который долженъ былъ наступить со смертію Карла II въ Испаніи.

Съ началомъ развитія морской торговли и колоніальной системы западно-европейскихъ государствъ (чему положено было основаніе открытіемъ Америки и новаго пути въ Остъ-Индію) международныя политическія отношенія западно-европейскихъ народовъ должны были значительно усложниться: къ прежнимъ причинамъ и поводамъ враждебныхъ столкновеній прибавилась новая причина для взаимной ревности и непріязни, вслѣдствіе соприкосновенія и столкновенія колоніальныхъ владѣній и интересовъ западно-европейскихъ народовъ въ Остъ-Индіи и особенно въ Америкѣ.

Само собою разумѣется, что всего рѣзче, ожесточеннѣе должны были сдѣлаться эти столкновенія между тѣми изъ западно-европейскихъ народовъ, которые наиболѣе способны были къ развитію обширной морской торговли и колоніальной системы. Въ XVI и въ началѣ XVII столѣтія, однакожь, морскія силы Англіи, Голландіи и Франціи были еще въ зародышѣ; подавляющее же могущество Испаніи на европейскомъ континентѣ, рядомъ съ внутренними междоусобіями въ Англіи и Франціи, не только не позволяло имъ думать о

---

mont et *Rousset*, Corps universel diplomatique du droit des gens, t. VII, partie II. Враждебное направленіе международныхъ торговыхъ отношеній выразилось, между прочимъ, и въ языкѣ англійской экономической и политической литературы и политическихъ брошюръ XVII вѣка: нѣкоторыя изъ весьма часто встрѣчающихся выраженій вполнѣ характеризуютъ ту узкую враждебную точку зрѣнія, съ которой международныя торговыя отношенія разсматривались такимъ же образомъ, какъ и частные интересы столкнувшихся между собою отдѣльныхъ личностей. Таковы, между прочимъ, слѣдующія выраженія: undersell; undermine the commerce; ruin our commerce; spoil our commerce, incroach the trade; ergross the trade; to command a trade; outwit one another in point of trade и т. п.

[1]) *Bancroft*, Geschichte der Vereinigten Staaten, B. III, s. 96.

распространеніи своего владычества въ Америкѣ, но заставляло нерѣдко трепетать за сохраненіе своей политической самостоятельности въ системѣ европейскихъ державъ; Голландія же въ это время, подъ гнетомъ испанской инквизиціи, боролась еще за достиженіе политической свободы и независимости.

Такимъ образомъ, въ продолженіе всего XVI вѣка, весь колоніальный міръ и все морское владычество оставались еще, по опредѣленію папы Александра V, исключительно католическими; въ Англіи утвердился протестантизмъ, и вслѣдствіе революціи, доставившей власть и первенство протестанской части населенія, политическая власть досталась цѣликомъ послѣдователямъ англиканской церкви; католики же были лишены всѣхъ политическихъ правъ, а въ Ирландіи они даже сдѣлались жертвою неограниченнаго деспотизма. Въ Англіи въ концѣ XVI столѣтія, вслѣдствіе торжества парламентаризма, установилась почти полная свобода мысли и печати; во Франціи свобода мысли и печати была совершенно подавлена крайнимъ развитіемъ абсолютизма. Ко всѣмъ этимъ причинамъ національной и политической вражды между Англіей и Франціей со второй половины XVII вѣка присоединилась еще борьба изъ-за колоніальныхъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ [1]).

Уже со времени Кромвеля и Мазарини вполнѣ понято и оцѣнено было огромное значеніе Америки для промышленности и торговли европейской вообще, и въ особенности для Англіи и Франціи. Съ тѣхъ поръ борьба не только изъ-за господства надъ Америкой, но даже изъ-за извѣстной доли владѣнія ея природными сокровищами не разъ служила настоящею причиной жаркихъ схватокъ и продолжительныхъ кровопролитныхъ войнъ между Англіей, Голландіей, Франціей и Испаніей. Война Англіи съ Испаніей при Кромвелѣ была въ сущности вызвана нападеніемъ Испанцевъ на англійскія поселенія въ Вестъ-Индіи и отказомъ испанскаго правительства открыть Англіи доступъ къ испанскимъ владѣніямъ въ Южной Америкѣ [2]).

---

[1]) *Weiss*, въ сочиненіи: L'Espagne depuis le règne de Philippe II, v. II, p. 127, цитируетъ найденный имъ въ Парижѣ, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ мемуаръ, обращенный къ кардиналу Мазарини въ 1648 г. подъ заглавіемъ: „Advis pour le commerce d'oultre mer".

[2]) *Ranke*, Englische Geschichte IV, 148 и сл. Ср. также *Villemain*, Histoire de Cromwell, II, p. 135 и слѣд.

Результатомъ этой войны для Англіи было пріобрѣтеніе Ямайки, и какъ важно было оно для контрабандной торговли Англіи съ испанскими владѣніями въ Америкѣ, показали послѣдствія.

Борьба, начавшаяся между Англіей и Франціей въ 1662 году, когда первая, по поводу столкновенія съ Голландіей, заявила свое притязаніе на господство своего флага на океанѣ, тотчасъ перенесена была на почву Америки. Здѣсь противники помѣрились своими морскими силами, вымещая каждый свое озлобленіе на неповинныхъ ни въ чемъ вестъ-индскихъ колоніяхъ враждебной стороны. Французы прогнали Англичанъ съ острововъ Сенъ-Кристофъ, Монсерра и другихъ, а Англичане захватили у Французовъ Акадію, удержанную ими по Бредскому миру (1667 г.) [1]). И не разъ еще послѣ того театръ войны между западно-европейскими народами переносился на почву Америки, гдѣ схватившіяся враждебныя стороны, надѣялись словно нанести другъ другу самые чувствительные удары [2]). Въ войнѣ первой коалиціи противъ Людовика XIV происходили жаркія схватки между французскимъ и голландскимъ флотами въ Америкѣ. Голландцы захватили французскую колонію Кайенну и опустошили французскія поселенія на Антильскихъ островахъ; французскій флотъ возвратилъ Кайенну и захватилъ принадлежавшій Голландцамъ въ Антиллахъ островъ Табаго. Да и самая война Аугсбургской лиги съ Людовикомъ XIV обусловливалась въ значительной степени столкновеніемъ коммерческихъ интересовъ Англіи и Франціи въ Сѣверной Америкѣ и рядомъ запретительныхъ мѣръ Людовика XIV относительно торговли съ Англіей [3]). Въ теченіе XVIII вѣка роль Аме-

---

[1]) „La guerre declarée à l'Angleterre", говоритъ по поводу этой войны Форбоннэ,—„avait couté plus de sang aux deux nations dans l'Amérique, qu'en Europe". *Forbonnais*, Recherches et considerations sur les finances de France, I, 399.

[2]) *Bancroft*, Geschichte der Vereinigten Staaten, III, 96.

[3]) Роль Америки и колоніальной политики въ международныхъ отношеніяхъ западно-европейскихъ народовъ въ XVIII вѣкѣ особенно ясно и рельефно очерчена въ сочиненіи Арну (Arnoult), изданномъ еще въ концѣ прошлаго вѣка подъ заглавіемъ: Systéme maritime politique des Européens pendant le XVIII siécle. Paris 1797. Совершенно противоположно Арну, де-Вобланъ, въ своемъ сочиненіи: Du commerce maritime consideré sous le rapport de la liberté entière du commerce et sous le rapport des colonies, Paris, 1828, p. 40—47, силился доказать, но крайне неудачно, что колоніальная политика не имѣла никакого вліянія на происхожденіе войнъ, веденныхъ Франціей съ различными государствами западной Европы.

рики въ международныхъ отношеніяхъ западной Европы получила еще гораздо большее значеніе и росла съ каждымъ десятилѣтіемъ. Международныя отношенія западно-европейскихъ государствъ на континентѣ стали въ прямую зависимость отъ ихъ колоніальной политики и даже нерѣдко совершенно подчинялись ей [1]). Въ войнѣ за испанское наслѣдство столкнулись политическіе интересы почти всѣхъ государствъ западной Европы. Война эта была, однако же, вызвана столько же, по крайней мѣрѣ, столкновеніемъ коммерческихъ интересовъ Англіи и Голландіи, съ одной стороны, и Франціи—съ другой, сколько столкновеніемъ внѣшнихъ политическихъ интересовъ западно-европейскихъ государствъ вообще.

VII.

Состояніе торговли и финансовъ Франціи въ концѣ XVII столѣтія и виды на улучшеніе ихъ при достиженіи испанскаго наслѣдства.

Если обратить вниманіе на состояніе торговли и финансовъ во Франціи въ концѣ XVII вѣка, то становится понятнымъ, какое громадное значеніе долженъ былъ придавать Людовикъ XIV тѣмъ выгодамъ, какія могла извлечь для себя Франція въ томъ и другомъ отношеніи отъ утвержденія своего исключительнаго вліянія и почти безграничнаго господства надъ обширными владѣніями испанской монархіи.

Извѣстно, что, благодаря энергической дѣятельности Кольбера, въ особенности благодаря разумно примѣненной имъ покровительственной системѣ, Франція въ сравнительно короткое время достигла въ отношеніи мануфактурной промышленности, а также и торговли, такихъ результатовъ, что скоро стала на ряду съ главнѣйшими коммерческими державами западной Европы, именно съ Англіей и Голландіей, и съ успѣхомъ могла выдерживать съ ними конкуренцію. При этомъ Кольберъ, какъ ревностный сторонникъ меркантильной системы, особенно покровительствовалъ внѣшней торговлѣ на счетъ внутренней, чтобы дать возможность зарождающейся

---

[1]) *Baneroft*, Geschichte der Vereinigten Staaten, III, 98.

французской промышленности конкурировать съ чужеземною, и съ этою цѣлью прибѣгалъ нерѣдко къ запретительнымъ мѣрамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ тарифы 1664 и 1667 годовъ. Но самъ Кольберъ понималъ слабыя стороны запретительной системы и признавалъ необходимость высокихъ тарифовъ, этихъ—по выраженію Кольбера—опоръ промышленности (les béquilles de l'industrie), только временною мѣрою. Преемники же Кольбера довели запретительную систему до послѣднихъ крайностей. Уже тарифъ 1687 года значительно возвысилъ пошлины на ввозныя шерстяныя матеріи. Война Франціи съ Аугсбургскою лигой также способствовала искусственному возвышенію французскихъ тарифовъ. Но такъ какъ мануфактуры Англіи и Голландіи встрѣчали слишкомъ большія затрудненія для сбыта во Францію, то и вывозъ ея въ эти страны значительно уменьшился, и торговля Франціи значительно пала. Крупная фабричная промышленность также не могла развиваться вслѣдствіе доведенной преемниками Кольбера до крайности покровительственной системы, искусственнаго регулированія фабрикаціи постояннымъ правительственнымъ контролемъ и многочисленными привилегіями и монополіями; ослабленіе же фабричной промышленности также, конечно, неблагопріятно повліяло на развитіе торговли. Къ довершенію зла, проистекавшаго изъ крайностей покровительственной системы, присоединилось еще запрещеніе вывоза хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Вслѣдствіе того земледѣліе, которое уже страдало отъ уменьшенія общаго сбыта, пришло въ совершенный упадокъ. Но самою пагубною мѣрою для экономическаго благосостоянія Франціи была, конечно, отмѣна Нантскаго эдикта въ 1685 году, на которую Людовикъ XIV не рѣшался, пока былъ живъ Кольберъ. Вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта и начавшагося систематическаго преслѣдованія гугенотовъ, Франція лишилась массы рабочихъ рукъ и огромныхъ капиталовъ, которыми воспользовались враги Людовика XIV.

И финансы Франціи, приведенные въ порядокъ Кольберомъ, уже тотчасъ послѣ его смерти стали приходить въ сильный упадокъ. Строгіе, послѣдовательно проведенные Кольберомъ, экономическіе и финансовые принципы, благодаря которымъ онъ возвысилъ доходы государственные и сумѣлъ уравновѣсить ихъ съ расходами, были словно забыты, какъ только его не стало. Преемники Кольбера въ управленіи финансами тотчасъ пустились на чрезвычайныя финансовыя мѣры, которыми можно было удовлетворить экстреннымъ расходамъ

данной минуты, не заботясь о вызываемомъ ими замѣшательствѣ въ финансахъ и объ увеличеніи бремени податнаго класса въ будущемъ. Продажа вновь придуманныхъ государственныхъ должностей, перепродажа прежнихъ, отчужденіе государственныхъ доменовъ, увеличеніе процентовъ на существовавшія уже ренты, созданіе новыхъ рентъ, перечеканка монетъ, введеніе новыхъ пошлинъ и налоговъ и увеличеніе прежнихъ, все было пущено въ ходъ, и все это вело къ обѣдненію народа и государства. Преслѣдованіе же гугенотовъ, такъ пагубно отразившееся на торговлѣ, не менѣе пагубно отозвалось и на финансовомъ положеніи Франціи. Тогда какъ вслѣдствіе выселенія промышленныхъ и богатыхъ гугенотовъ изъ Франціи, капиталы ихъ сразу увеличили приливъ звонкой монеты на амстердамской и лондонской биржахъ и денежные обороты, во Франціи деньги стали очень рѣдки, и правительство, съ случаѣ надобности, могло доставать деньги только за очень высокіе проценты. Война съ Аугсбургскою лигой, продолжавшаяся почти десять лѣтъ и требовавшая содержанія многочисленной арміи, была причиною все бо̀льшаго замѣшательства въ финансахъ Франціи, увеличенія ея государственнаго долга и новыхъ чрезвычайныхъ финансовыхъ мѣръ. Опять начались раздачи дворянскаго титула за деньги и наложеніе денежныхъ штрафовъ на лицъ, прежде незаконно присвоившихъ себѣ дворянскій титулъ; опять стали продаваться всевозможныя вновь придуманныя должности съ разными прерогативами и льготами относительно податей, такъ что, одновременно съ увеличеніемъ государственныхъ расходовъ и налоговъ съ податнаго класса, число податныхъ лицъ постоянно уменьшалось. Все чаще стало обращаться правительство за dons gratuits къ городамъ и къ сеймовымъ провинціямъ (pays d'état). Увеличивали налогъ на соль и другія пошлины, отдававшіяся на откупъ. Даже продажа снѣга и льда была превращена въ исключительную привилегію. Въ 1693 году французское правительство, по предложенію лангедокскаго сейма, прибѣгло къ введенію всеобщаго поразряднаго налога (capitation). Этотъ новый налогъ, въ которомъ и дворянство, и духовенство должно было участвовать наравнѣ съ простыми гражданами, доставилъ правительству слишкомъ 25 мил. ливровъ доходу. Этотъ налогъ, отмѣненный послѣ заключенія Рисвикскаго мира, былъ возстановленъ въ 1701 г. Не смотря на всѣ чрезвычайныя мѣры, въ 1700 г. общая сумма налоговъ простиралась только до 119 милл. изъ которыхъ на уплату жалованья безчисленнымъ чиновникамъ доходило до 50 милл. и на всѣ прочіе расходы оставалось только

69 милл., между тѣмъ какъ расходы превышали 116 милл. Вслѣдствіе уменьшившагося во всей странѣ потребленія, общая сумма всѣхъ косвенныхъ налоговъ также значительно сократилась противъ прежняго [1]).

Сохранилось множество вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ объ абсолютномъ упадкѣ и ужасающей нищетѣ, господствовавшей во Франціи въ послѣдніе годы XVII столѣтія, именно въ мемуарахъ, составленныхъ интендантами въ 1693 году по предложенію молодаго герцога Бургундскаго, пожелавшаго ознакомиться съ истиннымъ положеніемъ страны. По единогласному свидѣтельству очевидцевъ, Франція въ концѣ XVII столѣтія была до такой степени разорена, что становилось почти невозможнымъ собирать налоги. Между тѣмъ законъ, позволявшій сборщикамъ податей за недоимки крестьянъ отбирать у нихъ скотъ и орудія производства, только способствовалъ увеличенію нищеты въ народѣ и частому возобновленію голодовъ, отъ которыхъ народъ очень быстро таялъ, такъ что въ нѣкоторыхъ округахъ, напримѣръ, въ Ларошельскомъ, въ теченіе какихъ-нибудь 20 лѣтъ народонаселеніе уменьшилось почти на одну треть [2]).

Въ самомъ концѣ XVII вѣка правительство Людовика XIV обратило серьезное вниманіе на обнаружившійся упадокъ торговли и финансовъ, къ чему побуждали еще заботы о необходимости изыскать новые источники государственныхъ доходовъ и расширить финансовыя средства, въ виду возраставшаго государственнаго долга и особенно въ виду предстоявшей новой войны.

Заботы Людовика XIV о развитіи торговли выразились въ 1700 г. въ учрежденіи, по предложенію генеральнаго контролера финансовъ Шамилляра, генеральнаго совѣта торговли, въ составъ котораго должны были войдти, кромѣ самого Шамилляра, министра иностранныхъ дѣлъ Поншартрена и нѣкоторыхъ членовъ королевскаго совѣта, какъ Д'Агессо и Амело, двѣнадцать представителей отъ купечества, два отъ столицы и по одному отъ городовъ Руана, Бордо, Ліона, Марселя, Ларошелля, Нанта, Сентъ-Мало, Лилля, Байонны и Дюнкирхена. Представители отъ купечества должны были избираться изъ людей испытанной честности и наиболѣе опытныхъ

---

[1]) *Bailly*, Histoire financière de la France, t. II, p. 1—17; *Forbonnais*, Recherches et considerations sur les finances de France, t. IV, Années 1693—1700

[2]) *Bonnemère*, La France sous Louis XIV.

въ коммерческихъ дѣлахъ. Засѣданія совѣта торговли должны были происходить еженедѣльно; въ нихъ должны были обсуждаться и разсматриваться всѣ предложенія и указанія, которыя будутъ вносимы депутатами отъ вышеупомянутыхъ городовъ, или присылаемы изъ другихъ городовъ Франціи, должны были обсуждаться всѣ дѣла, имѣющія отношеніе къ торговлѣ сухопутной и морской, къ торговлѣ внутренней и внѣшней, къ фабричному и мануфактурному производствамъ. Протоколы этихъ засѣданій и ихъ постановленія должны были быть представлены на разсмотрѣніе и утвержденіе короля, такъ чтобы сообразно съ рѣшеніями совѣта торговли правительство могло принимать надлежащія мѣры для поднятія торговли [1]). Указъ объ образованіи генеральнаго совѣта торговли слѣдующимъ образомъ мотивируетъ соображенія, которыми вызвано учрежденіе этого совѣта: „Sa Majesté voulant plus que jamais accorder une protection particulière au commerce, marquer l'éstime, qu'elle fait de bons marchands et négociants de son royaume, leur faciliter les moyens de faire fleurir et d'etendre le commerce, sa Majesté a cru, que rien ne serait plus capable de produire cet effet que de former un conseil de commerce, uniquement attentif à connaître et à procurer tout ce qui pourrait être de plus avantageux au commerce et a ux manufactures du royaume“ [2]).

Купечество французское отозвалось на призывъ правительства съ большимъ сочувствіемъ и готовностью помочь дѣлу своею опытностью и совѣтами, какъ это видно изъ цѣлаго ряда записокъ относительно торговли Франціи, составленныхъ и внесенныхъ въ совѣтъ депутатами различныхъ провинцій въ 1701 году [3]). Изъ этихъ записокъ обращаетъ на себя вниманіе обширная и очень обстоятельная за-

---

[1]) *Forbonnais*, Recherches et considérations sur les finances de France, t . IV, p. 169—172.

[2]) Ibidem, p. 170.

[3]) Mémoires sur le commerce de France dressez et envoyez par les deputés des provinces de commerce en 1701. Bibl. impériale, fonds St.-Germain № 394. Извлеченіе, хотя къ сожалѣнію очень краткое, изъ этихъ мемуаровъ можно найдти у Клемана въ приложеніи къ его «Histoire du système protecteur en France».... «Ces négocians, qui sont très sensibles à l'honneur qu'on leur fait et les choisir pour un employ si distingué, ont abandonné avec autant de joye que d'empressement le. affe. (leurs affaires) et le(urs) familles po(ur) venir remplir le(ur) devoir. Il n'y en a aucun parmi eux qui n'applaudisse a l'etablissement de cette chambre, qui n'en croye la continuation nécessaire et qui n'en espère des effets avantageux au public».

писка депутата изъ Байонны „Reflexions générales sur le commerce presentées par le deputé de Bayonne“. Онъ начинаетъ свою записку небольшимъ вступленіемъ, въ которомъ говоритъ въ панегирическомъ тонѣ о громадномъ значеніи торговли, указываетъ на то вліяніе, которое имѣла торговля на обогащеніе и процвѣтаніе Голландской и Генуэзской республикъ, на чрезвычайное усиленіе коммерческой дѣятельности въ Англіи и Голландіи, на положеніе Франціи въ отношеніи торговли и промышленности до Кольбера, на результаты энергической дѣятельности послѣдняго и на упадокъ торговли и финансовъ послѣ Кольбера. „Les choses ont depuis changé de face, le commerce s'est anéanti insensiblement en France, les fermes du roi ont diminué au lieu, qu'auparavant elles ont augmenté considérablement et le mal est venu à une si haute periode, qu'on à cru devoir songer bon et bon à y apporter du remède“. „Какъ на средство для улучшенія торговли и финансовъ министры и другія выдающіяся по своему положенію просвѣщенныя и благонамѣренныя лица указали королю на учрежденіе совѣта торговли изъ извѣстнаго числа негоціантовъ изъ различныхъ городовъ его королевства, „pour être écoutés et donner leurs avis sur une matière si importante de laquelle on ose dire que depende la grandeur, la réputation et la richesse du royaume“. Затѣмъ авторъ разсматриваемой записки переходитъ къ выясненію причинъ уменьшенія торговли во Франціи со смерти Кольбера и указываетъ, со своей стороны, на цѣлый рядъ мѣръ, которыя могли бы, по его убѣжденію, значительно способствовать улучшенію торговли Франціи. Разсмотрѣніе всего содержанія этой въ высшей степени важной и интересной записки не входитъ въ цѣль нашего изслѣдованія; мы остановимся лишь на одной части ея, трактующей о выгодахъ, которыя могла извлечь и извлекала Франція въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія изъ торговли съ Испаніей и съ Западною Индіей. „Торговля съ Испаніей“, говоритъ депутатъ изъ Байонны,—„слишкомъ важна для того, чтобы можно было обойдти ее молчаніемъ: извѣстно, что это самая выгодная и драгоцѣнная торговля, по сравненію со всѣми торговыми сношеніями, какія Франція ведетъ со всѣми чужеземными народами и, слѣдовательно, заслуживающая наибольшаго поощренія отъ правительства [1]). И въ самомъ дѣлѣ,

---

[1]) «Le commerce avec l'Espagne est trop considérable pour le passer sous silence, il est certain que c'est le plus avantageux et le plus précieux de tous

Испанія, которая сама производитъ очень мало мануфактуръ, пріобрѣтаетъ ихъ отъ насъ громадными количествами какъ для собственнаго потребленія, такъ и для Индіи“ (tant pour sa propre consommation, que pour celles des Indes [1]).

Затѣмъ записка перечисляетъ всѣ тѣ мануфактуры, которыми Франція снабжаетъ Испанію и ея американскія колоніи, на поразительное количество полотенъ изъ Руана (la quantité prodigieuse de toilles), Марля, Сенъ-Кантена и др., на громадное количество шелковыхъ матерій и всякаго рода кружевъ, парижскихъ, лніоскихъ и турскихъ фабрикъ, всякихъ шерстяныхъ матерій изъ Пуату, Монтобана и другихъ мѣстъ и всякаго рода мелкаго галантерейнаго товара, мелочныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ товаровъ (mercerie et quincaillerie). Всѣ эти товары отправлялись изъ Франціи въ различные порты Испаніи, главнымъ же образомъ въ Кадиксъ, именно къ тому времени, когда галіоны должны были отправляться съ товарами въ Западную Индію, откуда корабли, отправляемые съ французскими товарами, возвращались обыкновенно нагруженными слитками золота и серебра и испанскими піастрами, полученными чрезъ Индію [2]).

Далѣе записка перечисляетъ тѣ продукты, которые Франція извлекаетъ изъ Испаніи, именно шерсть, шелкъ, желѣзо. Особенное значеніе депутатъ изъ Байонны придаетъ испанской шерсти, которая въ огромномъ количествѣ перерабатывалась на фабрикахъ Каркасона, Эльбефа, Аббевиля, Седана и др. Испанія доставляла Франціи также много шелку изъ Гренады, Мурсіи, Валенсіи и особенно Аррагоніи. Депутатъ изъ Байонны, какъ города очень близкаго къ испанской границѣ и потому особенно заинтересованнаго въ болѣе широкой и выгодной торговлѣ съ Испаніей, указалъ на необходимость, для увеличенія торговаго значенія Байонны, parce que cette ville est le véritable magasin de l'Espagne, освободить ввозимыя въ этотъ

---

ceux que la France fait avec les nations étrangères et par conséquent celui qui mérite le plus d'être favorisé».

[1]) Громадныя выгоды, которыя извлекала Франція изъ торговли съ Испаніей, ясно сознавалъ уже и Кольберъ, какъ это видно изъ инструкціи, данной въ сентябрѣ 1681 г. графу Вогіану, полномочному послу Людовика XIV въ Испаніи. Инструкція эта помѣщена у Клемана въ приложеніи къ его сочиненію: *Pierre Clément,* Histoire de la vie et de l'administration de Colbert. Paris. 1846, p. 464—467.

[2]) Le retour de ces marchandises se fait ordinairement en barres et lingots d'or et d'argent, en piastres d'Espagne par le moyen de ses Indes.

городъ мануфактуры, предназначаемыя для Испаніи, отъ всѣхъ тѣхъ пошлинъ, какія взимались въ силу тарифовъ 1664, 1667, 1669 годовъ, что̀ дало бы Франціи возможность конкурировать съ Англичанами и Голландцами, доставляющими свои мануфактуры въ испанскіе порты (Бильбао и Санъ-Себастіанъ). Вообще, какъ депутатъ изъ Байонны, такъ и всѣ другіе депутаты, призванные въ совѣтъ торговли, высказались самымъ положительнымъ образомъ противъ господствовавшей во Франціи запретительной системы и за расширеніе свободы торговли. Но начавшаяся вскорѣ война за испанское наслѣдство только способствовала усиленію запретительной системы [1]).

Останавливаясь болѣе обстоятельно на выгодахъ для Франціи отъ торговли съ Америкою, депутатъ изъ Байонны указываетъ на значительное развитіе этой отрасли французской торговли и на тѣ виды, которые можетъ имѣть Франція на дальнѣйшее развитіе чрезвычайно выгодной эксплуатаціи не только испанскихъ владѣній, но и собственныхъ колоній въ Америкѣ. „La navigation, qui s'y fait actuellement, est trés considérable, nos navires y vont en grand nombre de Rouan, Bordeaux, Nantes, La—Rochelle et autres villes maritimes, ils y portent beaucoup de nos denrées superflus aussi bien que plusieurs espèces de nos manufactures. Ils en rapportent des sucres, du tabac, de l'indigo, du coton etc., qui produisent au Roi des sommes considérables pour les droits d'entrée. Nous ne sommes plus obligé de prendre ces marchandises des étrangers, au contraire nous leurs fournissons à present des sucres crus quand nous en avons de reste pour nos rafineries, et nous serons en état de leur en fournir davantage dans les suites puisque la paix que le Roi vient de donner à l'Europe va engager ses sujets à cultiver de nouvelles terres et de nouvelles plantations dans les îles de l'Amérique". Для успѣшной эксплуатаціи французскихъ колоній въ Америкѣ нужно только позаботиться о болѣе широкомъ развитіи свободной торговли Неграми, недостатокъ въ которыхъ былъ единственною причиной чрезвычайно высокой цѣны на сахаръ и недостаточнаго производства табаку и хлопчатника. „Si chacun a la liberté de faire la traite des negres, nos îles nous seront toujours bien pourvues, les sucres, les tabacs, les cotons si nécessaires à la consommation et aux fabriques du Roi même y croissent abondamment et nous pourrons dans la suite des temps avoir dans l'Amèrique d'aussi beaux

---

[1]) *Bailly*, Histoire financière de la France, t. II.

établissements que les anglais à la faveur de la liberté y ont formé des colonies florissantes ou ils font des commerces prodigieux".

Въ заключеніе депутатъ изъ Байонны указываетъ въ своей запискѣ на то радостное настроеніе и розовыя надежды, которыя вызываетъ въ купечествѣ города Байонны великое событіе (le grand événement), которое, вслѣдствіе вступленія на престолъ испанскій принца французской крови (d'un prince de sang de France), привело къ соединенію интересовъ двухъ могущественныхъ европейскихъ монархій и обезпечиваетъ продолжительный миръ между обоими государствами: „Les négocians de France, qui ne craignent plus que d'autrefois les ruptures soudaines qui interrompaient le commerce, sont dans les plus belles dispositions du monde pour pousser fortement leurs affaires d'Espagne à l'exclusion des anglais et des hollandais" etc.

Депутатъ изъ города Руана Менаже въ своей запискѣ, подобно депутату изъ Байонны, указываетъ на необходимость для Франціи увеличить производство тѣхъ мануфактуръ, которыя отправляются въ Испанію, а изъ Испаніи въ Индію, „такъ какъ эти мануфактуры, подобно магниту притягиваютъ къ намъ новое серебро и золото". Въ другомъ мѣстѣ Менаже указываетъ на то, что уже въ теченіе 15-ти лѣтъ прибывающее во Францію серебро почти все привозится изъ испанской Индіи, а потомъ уже расходится изъ Франціи опять въ Кадиксъ [1]).

Депутатъ изъ города Бордо указываетъ на чрезвычайную важность для Франціи испанской шерсти и на невыгодный балансъ торговли Франціи съ Испаніей, между прочимъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, которыми обставлена тамъ шерстяная торговля. Такъ какъ продукты, доставляемые Франціей въ Испанію, гораздо ниже той массы продуктовъ, которые Франція вывозитъ изъ Испаніи, то первой постоянно приходится переплачивать послѣдней громадныя суммы золотомъ и серебромъ, такъ что то золото и серебро, которое доставляется во Францію съ прибывающихъ изъ испанской Америки галіоновъ, остается собственно въ Испаніи [2]).

Учрежденіе совѣта торговли не прошло безслѣдно для дальнѣйшаго развитія торговли Франціи, что̀ явствуетъ ужь изъ того, что съ 1701 г. покровительство торговлѣ продолжалось очень замѣтнымъ образомъ. Было снова подтверждено, что высшее дворянство можетъ

---

[1]) Page 110—111.
[2]) Page 131—133.

свободно заниматься оптовою торговлею безъ малѣйшаго ущерба для своихъ дворянскихъ правъ и привилегій (sans déroger à leur noblesse); [1]) съ цѣлью усиленія внѣшней торговли уничтожены были вывозныя пошлины на многіе предметы вывоза, а на другіе на половину уменьшены [2]); завязанныя впервые въ 1698 г., торговыя сношенія съ Китаемъ встрѣтили поощреніе со стороны правительства [3]); стали учреждаться компаніи для торговли съ Испаніей и ея американскими колоніями [4]). Франція стала обнаруживать явно все больше жадности къ исключительному захвату всей испанской торговли и къ золоту ея американскихъ рудниковъ. Франція стремилась не только къ увеличенію собственныхъ торговыхъ выгодъ въ Испаніи и ея американскихъ колоніяхъ, но и къ совершенному устраненію опасной для нея конкуренціи со стороны Англіи и Голландіи, для которыхъ торговля была ихъ жизненнымъ нервомъ.

Когда задаешься вопросомъ, что̀ собственно, при крайне плачевномъ состояніи Испаніи во всѣхъ отношеніяхъ въ концѣ XVII вѣка, могло такъ соблазнять Людовика XIV въ испанскомъ наслѣдствѣ, что̀ давало ему надежду найдти въ этой разстроенной монархіи средства для веденія войны изъ-за нея съ Германскимъ императоромъ и его союзниками, то находишь на это слѣдующій короткій и ясный отвѣтъ у Торси, которому, какъ министру иностранныхъ дѣлъ Людовика XIV, конечно, было извѣстно что̀ именно руководило имъ въ его внѣшней политикѣ, особенно въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ испанское наслѣдство. „Было основаніе думать“, говоритъ Торси,— „что, не смотря на безпорядокъ въ финансахъ Испаніи, эта монархія будетъ еще въ силахъ помочь Франціи оказать противодѣйствіе ея раздробленію. Испанія представляла для защиты ея укрѣпленные пункты, порты, которыми можно было воспользоваться для облегченія торговли Франціи и для уничтоженія торговли враговъ ея. Можно было также льстить себя надеждою на то, что и испанская Индія доставитъ не маловажную поддержку“ [5]). И самъ Людовикъ XIV въ

---

[1]) *Forbonnais*, IV, 176—180.

[2]) Ibidem, p. 181—182.

[3]) Ibidem, p. 180.

[4]) *Cole*, Memoires of affairs of state, p. 399 и 416; *Coxe*, Memoires of affairs of Spain, t. I, 211—215.

[5]) Mémoires de Torcy pour servir à l'histoire des négociations. A la Haye 1707. I, p. 156—57. „L'Espagne livrait pour sa défense de fortes places, des ports

своей отъ 31-го октября 1701 г. депешѣ къ графу Марсену, назначенному посломъ при дворѣ Филиппа V, говоритъ по поводу постигшаго его разочарованія относительно денежной помощи отъ Испаніи: „Я имѣлъ основаніе надѣяться, что денежная поддержка со стороны Испаніи поставитъ меня въ возможность сдѣлать послѣднія усилія для защиты ея владѣній“ [1]). Не даромъ же Людовикъ XIV въ одной изъ первыхъ инструкцій, которыми онъ снабдилъ своего внука при отправленіи его въ Испанію, говоритъ о томъ, что „le bien de son royaume (то-есть, Испаніи) demandera un jour, qu'il prenne des mésures pour exclure les Anglais et les Hollandais du commerce des Indes“ [2]).

VIII.

Политическое, финансовое и экономическое состояніе Испаніи въ концѣ XVII вѣка.

Мемуары Лувилля, Ноайля, Кокса, корреспонденція Стенгопа и Гаркура и дневникъ Гарраха даютъ достаточный матеріалъ для полнаго и всесторонняго изображенія страшнаго упадка Испаніи и господствовавшей въ ней совершенной анархіи во всѣхъ отношеніяхъ, въ концѣ XVII вѣка. Мы укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя выдающіяся черты этого положенія вещей. Стоявшій въ главѣ нѣкогда столь могущественной Испанской монархіи, слабый, болѣзненный тѣломъ и духомъ Карлъ II совершенно не подготовленный и неспособный къ управленію дѣлами государства, притомъ крайне суевѣрный, находился въ полной власти окружавшихъ его лицъ—то духовника своего, то архіепископа Толедскаго, кардинала Портокареро, котораго король любилъ, какъ отца [3]), болѣе же всего второй своей супруги, королевы Маріи-Анны, принцессы Пфальцъ-Нейбургской. Властолюбивая, про-

---

dont la situation facilitait le commerce de la France et pouvait ruiner celui de ses ennemis. On pouvait se flatter, que les Indes ne seraient pas d'un médiocre secours.

[1]) Mémoires de Noailles, I, 412—415.

[2]) Oeuvres de Louis XIV, t. II. Mémoire remis par Louis XIV à son petit fils.

[3]) *Louville*, I, 85: „Le roi l'aimait comme un père“.

никнутая гордостію и самомнѣніемъ, Марія-Анна, совершенно подчинившая своему вліянію слабаго короля, сама не отличалась самостоятельнымъ умомъ или независимымъ характеромъ; она, напротивъ, была женщиной непостоянною, раздражительною, тщеславною и чрезвычайно склонною къ интригамъ; къ тому же она высокомѣрно смотрѣла на испанскую націю и была вполнѣ проникнута симпатіей ко всему нѣмецкому, почему она и была очень не любима въ Испаніи.

Претендуя на руководящую роль въ испанской монархіи и опираясь на свое неограниченное вліяніе на короля, она раздавала мѣста преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя лестью и угодничествомъ умѣли пріобрѣсти ея расположеніе, или же тѣмъ, кто посредствомъ подкупа заручался содѣйствіемъ ея любимой фрейлины, графини Берлепшъ, беззастѣнчиво торговавшей государственными должностями, или патера Хіузы, безъ совѣта котораго королева обыкновенно ничего не предпринимала, такъ что всѣ нуждавшіеся въ ней старались заручиться его ходатайствомъ [1]). Къ нѣмецкой же партіи примкнули и поддерживали королеву нѣкоторые изъ самыхъ вліятельныхъ испанскихъ вельможъ, какъ графъ Мельгардъ, адмиралъ Кастиліи, и графъ д'Агиларъ и нѣкоторые другіе; но почти вся остальная знать, все еще сохранившая свойственную ей гордость, хотя и сильно обѣднѣвшая, возмущенная явнымъ предпочтеніемъ, оказываемымъ королевою всему нѣмецкому, старалась всячески противодѣйствовать ей и преданнымъ ей сторонникамъ изъ испанскихъ вельможъ и составляла національную или патріотическую партію, главою которой былъ архіепископъ Толедскій, кардиналъ Портокареро. Располагая неограниченною по принципу властію, король въ сущности ничего не предпринималъ и не рѣшался предпринять безъ государственнаго совѣта, рѣшеніе котораго нерѣдко, впрочемъ, измѣнялось подъ вліяніемъ королевы или другихъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ ней лицъ. Въ государственномъ совѣтѣ засѣдали архіепископъ Толедскій, какъ глава церковныхъ дѣлъ, министры финансовъ и военный, а также предсѣдатели пяти провинціальныхъ правительственныхъ совѣтовъ (consejo) съ коллегіальнымъ устройствомъ, именно президенты совѣтовъ Кастиліи, Аррагоніи, Италіи, Индіи и Фландріи. Изъ восьми членовъ государственнаго совѣта большинство были люди очень дряхлые, ограниченные, по выраженію Лувилля—„соединенные

---

[1]) Stanhope to Vernon 10 apr. 1697: Correspondence, p. 86.

гордостію, раздѣленные честолюбіемъ и усыпленные лѣнью“ [1]), люди, вовсе не понимавшіе отчаяннаго положенія испанской монархіи и не думавшіе о мѣрахъ къ улучшенію ея состоянія, проникнутые болѣе всего заботами о своихъ личныхъ интересахъ; почтенный кардиналъ Портокареро, имѣвшій такое сильное вліяніе на Карла II и несомнѣнно выдававшійся своею честностію, безкорыстіемъ [2]) и патріотизмомъ, не отличался ни самостоятельностію, ни государственнымъ умомъ, какъ это обнаружилось особенно ясно уже послѣ вступленія на престолъ испанскій Филиппа V [3]), когда Портокареро игралъ роль перваго министра; извѣстный своею опытностью въ государственныхъ дѣлахъ и своимъ умомъ, маркизъ Мансера по своей дряхлости мало могъ входить въ дѣла государственныя, хотя его голосъ еще иногда оказывался очень вліятельнымъ, какъ это было во время обсужденія въ государственномъ совѣтѣ вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ [4]); самымъ способнымъ, самымъ тонкимъ человѣкомъ изъ членовъ государственнаго совѣта, хотя и не отличавшимся широтою своихъ воззрѣній, былъ адмиралъ Кастиліи графъ Мельгардъ [5]), но то былъ человѣкъ, хотя и умный, но малообразованный, тщеславный, заботившійся только о своихъ собственныхъ интересахъ [6]), поддерживавшій изъ честолюбивыхъ видовъ королеву и ея нѣмецкую партію. Изъ всѣхъ государственныхъ людей Испаніи въ это время одинъ только графъ Оропеза, бывшій недолгое время первымъ министромъ, понималъ необходимость серьезныхъ реформъ, но онъ встрѣтилъ такое сильное противодѣйствіе со стороны властолюбивой королевы и завистливыхъ вельможъ, что послѣ народнаго возмущенія, происшедшаго въ Мадридѣ въ 1699 году, долженъ былъ покинуть столицу и лишился вмѣстѣ съ своимъ высокимъ положеніемъ и всякаго вліянія. Вообще, по словамъ Стэнгопа, взаимная зависть и ненависть испанскихъ вельможъ была такова, что если кто-либо изъ нихъ задумывалъ сдѣлать что-либо для общаго

---

[1]) *Louville*, I, 69.

[2]) *Louville*, I, 85.

[3]) *Louville*, I, p. 179—181 „Jamais fardeau plus lourd ne fut confié à une tête moins capable de le porter“.

[4]) *Louville*, I, 91—92.

[5]) *Hippeau*, I, p. 55.

[6]) *Hippeau*, I, p. 211: L'amiraute a beaucoup d'esprit... Il a cependant nulle étude. Il passe pour être avare et veut paraître magnifique...; il n'a jamais songé, qu'à ses propres intérêts etc.

блага, то тотчасъ подвергался яростнымъ нападкамъ со стороны всѣхъ остальныхъ, такъ что никакъ не могъ добиться согласія короля на задуманное дѣло [1]). Но этотъ недостатокъ единства въ образѣ мыслей и въ дѣйствіяхъ вельможъ имѣлъ очень мало значенія сравнительно съ отсутствіемъ единства государственнаго. Въ то время какъ Франція страдала отъ развитой до крайности централизаціи, въ Испаніи давало себя чувствовать противоположное зло—крайняя децентрализація. Не говоримъ уже объ Испанскихъ Нидерландахъ, объ испанскихъ владѣніяхъ въ Италіи или въ Америкѣ, которыя только въ силу давности испанскаго господства въ этихъ земляхъ и въ силу привычки продолжали сохранять связь съ своею метрополіей, но и въ самой Испаніи связь между различными провинціями была очень слаба; старинная рознь, обособленность, даже вражда между различными провинціями, особенно между Кастиліей и Арагоніей, не смотря на два слишкомъ вѣка общей политической жизни, еще не прекращались; каждая провинція ревниво оберегала и отстаивала уцѣлѣвшія еще отъ старины особенности и привилегіи; такъ, въ Кастиліи кортесы уже не созывались болѣе, со времени вступленія на престолъ Карла II, да и при Филиппѣ IV они врядъ ли заслуживали это названіе, будучи созываемы по милости короля лишь для обсужденія текущихъ дѣлъ или для утвержденія заранѣе уже опредѣленной суммы податей, такъ что созваніе кортесовъ стало какъ бы дѣломъ пустой формальности [2]); въ Аррагоніи же, имѣвшей свое особое устройство и самостоятельное управленіе, кортесы, приниженные и почти со всѣмъ уничтоженные Филиппомъ II, послѣ смерти его возвратили себѣ свое прежнее значеніе и по собственному усмотрѣнію соглашались или отвергали требованія короля, касалось ли дѣло податей, или введенія новаго закона. Да и самая тягость податей падала на Кастилію въ несоизмѣримо большей степени, чѣмъ на Аррагонію. То же самое было и въ Каталоніи, и въ Баскскихъ провинціяхъ.

Маркизъ Мансера въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ Стенгопомъ откровенно высказалъ ему, что въ Аррагоніи и въ другихъ связанныхъ съ нею владѣніяхъ король Испанскій только по имени признается королемъ: „Король имѣетъ въ этихъ провинціяхъ“, сказалъ Мансера Стенгопу,—такую же власть, какъ вы и я; эти провинціи

---

[1]) *Alex. Stanhope*, Spain under Charles the Second, passim.

[2]) *Havemann*, Darstellungen aus der inneren Geschichte Spaniens. S. 345.

дѣйствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ хотятъ, не справляясь съ тѣмъ, нравится ли это королю, или нѣтъ“ [1]). По словамъ Лувилля, провинціальные совѣты различныхъ провинцій испанской монархіи:— Кастиліи, Аррагоніи, Фландріи, Индіи, хотя давно уже мотивировали передъ народомъ всѣ свои постановленія стереотипною фразою: „El rey asi lo quere!“, на самомъ дѣлѣ, при слабомъ Карлѣ II, дѣлали, что хотѣли, и нерѣдко говаривали королю: „Ваши указы получаются, но не исполняются“ [2]). Внутреннее управленіе, особенно же администрація и полиція, находились въ такомъ безпорядкѣ, что въ самой столицѣ Испаніи общественная и личная безопасность нисколько не были гарантированы: на каждой улицѣ, въ каждомъ общественномъ саду шатались многочисленные вооруженные бродяги и оставшіеся безъ мѣста слуги. На стопятидесяти-тысячное населеніе Мадрида Лувилль насчитываетъ 60,000 бродягъ, промышлявшихъ грабежомъ и разбоемъ, отъ которыхъ болѣе выдающимся богачамъ Мадрида приходилось для безопасности своего имущества просто откупаться деньгами, содержа большее или меньшее число ихъ на жалованьѣ [3]) дворцы многихъ изъ вельможъ и даже церкви сдѣлались убѣжищемъ для преступниковъ [4]). Административная власть была такъ безсильна что каждое малѣйшее возвышеніе цѣны на предметы первой необходимости вызывало страшную тревогу и заставляло опасаться народнаго возмущенія. При возмущеніи, происшедшемъ вслѣдствіе дороговизны хлѣба 28-го апрѣля 1699 года, мятежники навели такой страхъ, что всѣ требованія ихъ были исполняемы, чего бы мятежная чернь ни пожелала. По словамъ Лувилля, ни одно праздничное зрѣлище боя быковъ, ни одно театральное представленіе не обходилось безъ кровавыхъ столкновеній [5]). И при такомъ положе-

---

[1]) *Stanhope*, Spain under Charles the second, письмо Стенгопа къ графу Ноттингаму отъ 20 мая 1693 г.: ..... „the king has only the name of Aragon and the dominions that depend on it, but said he to me he has no more power there, how you have, and they will do what they list, whether the king be pleased or displeased“.

[2]) *Louville*, I, p. 69 „ ..... Emancipés par un long usage des usurpations, ils disaient souvent au roi: se obedece la orden, y no se cumple“.

[3]) *Louville*, I, p. 72.

[4]) Ibidem. См. также *Coxe*, Memoirs of the kings of Spain, Ed. II, 1815, p. 118: „Even in the very capital the palaces of the grandees and even the churches were become the asylum of crimes“.

[5]) *Louville*, I, p. 71: „de l'aveu de tout le monde il ne se passait aucune fête de taureau, il ne se donnait aucune comédie, qu'on ne mit l'épée à la main».

ніи дѣлъ, общественная безопасность въ столицѣ была предоставлена на произволъ судьбы, такъ какъ кавалерійскій полкъ, въ которомъ насчитывалось всего 700 человѣкъ, и на который было возложено поддержаніе порядка въ столицѣ, былъ удаленъ изъ нея въ 1700 году, по предложенію кардинала Портокареро, опасавшагося, чтобъ адмиралъ Кастиліи, бывшій тогда въ силѣ у королевы, не вздумалъ, опираясь на этотъ полкъ, забрать слишкомъ много власти [1]). Даже король и королева при выѣздахъ подвергались не разъ жестокимъ оскорбленіямъ [2]).

Если такъ было въ столицѣ Испаніи, то конечно, не лучше было положеніе дѣлъ въ провинціяхъ и особенно въ болѣе отдаленныхъ; намѣстники и вицекороли обнаруживали страшный произволъ, тѣмъ болѣе, что, покидая свою должность послѣ того, какъ нажились хищеніемъ казны и обираніемъ народа, имѣли полную возможность безнаказанно наслаждаться награбленнымъ добромъ, плодами ихъ взяточничества и продажности [3]). Безнаказанность преступленій лишала законы всякой силы. Судебныя власти, хотя и были несмѣняемы, не могли пользоваться большимъ авторитетомъ въ странѣ, гдѣ всякое дѣло, по усмотрѣнію высшихъ властей, могло быть поведено или путемъ судебнымъ (via de justizia), или путемъ административнымъ (via de governo) [4]).

Какъ безсиліе административной и полицейской власти обусловливало отсутствіе личной и имущественной безопасности въ самой Испаніи, такъ чрезвычайная слабость испанской монархіи въ отношеніи военныхъ силъ дѣлала ее беззащитною отъ внѣшнихъ враговъ. Какъ сухопутныя, такъ и морскія силы Испаніи были въ самомъ плачевномъ состояніи. Границы королевства со всѣхъ сторонъ были открыты для враговъ: по крайней мѣрѣ ничего не дѣлалось для укрѣпленія и защиты границъ Андалузіи, Валенсіи и Каталоніи, хотя онѣ считались, какъ бы ключами къ овладѣнію Испаніей; крѣпости были безъ пушекъ и гарнизоновъ, и многія изъ нихъ приходили въ совершенное разрушеніе; запасные магазины и арсеналы были пусты; на всемъ протяженіи отъ Пиринеевъ до Кадикса одна только крѣпость и была снабжена гарнизономъ и ар-

---

[1]) *Louville*, I, p. 70—71.
[2]) *Louville*, I, p. 72.
[3]) Spain under Charles the II, p. 136: письмо Стенгопа отъ 29-го іюня 1698 г.
[4]) *Louville*, I, p. 78—79.

тиллеріей; армія была плохо обучена и совсѣмъ не дисциплинирована; не получая иногда по цѣлымъ годамъ жалованья, войска сами расходились; дезертирство было самымъ обычнымъ явленіемъ, и нерѣдко случалось, что изъ отряда войска, набраннаго съ большимъ трудомъ, по крайней мѣрѣ половина дезертировала и даже не безъ вѣдома офицеровъ [1]).

Да и самая численность арміи была ничтожна. Лувилль увѣряетъ, что настоящаго годнаго для дѣла войска въ самой Испаніи можно было насчитать въ 1700 году только 6,000 человѣкъ [2]), а всего на всего не болѣе 20,000 человѣкъ. И отдаленныя провинціи Испаніи были также беззащитны, какъ и она сама: въ Испанскихъ Нидерландахъ насчитывалось 8,000 солдатъ, въ области Милана не болѣе 6,000, въ Неаполѣ всего 600 человѣкъ; на островѣ Сициліи 500 человѣкъ, а на островѣ Сардиніи 300 человѣкъ [3]), и эта немногочисленная армія голодала и ходила оборванною; даже королевской гвардіи приходилось часто, вслѣдствіе неисправнаго полученія жалованья, побираться и перебиваться, словно нищимъ, подачками отъ монастырей и богадѣленъ.

Также ничтожны были и морскія силы Испаніи; въ общей сложности онѣ едва равнялись десятой части той могущественной армады, которая во времена Филиппа II господствовала на водахъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, наводя страхъ на всѣхъ, противъ кого была направляема. Между тѣмъ какъ для Лепантской битвы снаряжено было сто кораблей, теперь военный флотъ Испаніи состоялъ едва изъ 20-ти кораблей [4]), а по указаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ даже изъ тринадцати [5]).

Гавани Испаніи, коихъ прекрасное природное положеніе давало возможность сдѣлать ихъ совершенно недоступными для непріятель-

---

[1]) *Stanhope*, Spain under Charles the Second, pp. 41, 43, 46, 69 и 77.

[2]) *Louville*, I, p. 70. Ср. *Havemann*, p. 360. По словамъ Гавеманна, вся боевая сила Испаніи, расположенная въ 1699 г. вдоль Пиринеевъ, состояла изъ 8,000 чел., изъ которыхъ половина была набрана во Фландріи и Германіи.

[3]) *Coxe*, Memoirs of the kings of Spain Ed. II, 1815 T. I, p. 118—124. Ср. также *Stanhope*, Spain under Charles the Second, p. 152; *Coxe*, Memoirs of the kings of Spain, Ed. II, p. 120—122.

[4]) Das Tagebuch des Grafen Harrach, herausgegeben von *Haedeke*, P. 53, 28 Sept. 1697. Zu Meer könnte der koenig auch nit leucht aufriechten denn meinem Vernehmen nach vären der Galeonen 8, die armada de Barlevento 6, 3 Kriegsschiffe bei der Flotte und dier in der puerto zu Cadix.

[5]) *Louville*, I, 70; ср. также *Havemann*, 353.

скихъ кораблей, были совершенно открыты для нихъ; самое искусство кораблестроенія пришло въ совершенный упадокъ: уже со времени Филиппа IV не было въ Испаніи ни одного корабельнаго инженера не изъ иностранцевъ [1]).

Въ половинѣ XVI вѣка (въ 1548 г.) въ Испаніи насчитывалось болѣе 400 большихъ кораблей торговаго флота [2]), между тѣмъ какъ при Карлѣ II Испанія вынуждена была прибѣгать къ содѣйствію Англичанъ для перевозки гаванскаго табаку и для поддержанія сообщенія съ Канарскими островами и нанимать въ Генуѣ матросовъ и корабли для службы въ Новомъ Свѣтѣ [3]). Не удивительно поэтому, что берега Испаніи оставались беззащитными противъ набѣговъ Мавровъ сѣвернаго побережья Африки, которые, подымаясь на своихъ легкихъ судахъ по теченію рѣкъ, нападали не рѣдко безнаказанно на села и на замки вельможъ и уводили съ собою и добычу, и плѣнныхъ, обращенныхъ въ рабство. На Мексиканскомъ заливѣ долгое время господствовали смѣлые Буконнійцы, принадлежавшіе большею частію къ французской или англійской національности. Въ 1670 году шайка Буконнійцевъ напала на Портоболло и ограбила Панаму, служившую складочнымъ мѣстомъ серебра и золота Мексики и Перу [4]). Испанія даже и не попыталась отомстить за эту обиду. До чего дошло безсиліе Испаніи въ отношеніи, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ въ концѣ XVII вѣка, видно ужь изъ того, что когда въ 1698 году африканскіе Мавры осадили Сеуту и угрожали даже Орану, испанское правительство не только затруднилось выставить необходимое количество войска противъ нихъ, но даже не могло найдти необходимаго числа судовъ для перевозки немногочисленнаго отряда, собраннаго для отраженія этого нападенія [5]).

Для содержанія многочисленной арміи и для поддержанія флота необходимы были прежде всего деньги, а казна Испаніи въ царствованіе Карла II была пуста. Финансы испанской монархіи находились, дѣйствительно, въ концѣ XVII вѣка въ страшномъ разстройствѣ, не смотря на то, что народъ былъ сильно обремененъ податями и налогами. Уже при вступленіи на престолъ Карла II про-

---

[1]) *Havemann*, V. 386.

[2]) *Havemann*, V. 394.

[3]) *Weiss*, L'Espagne depuis le règne de Philippe II jusqu'à l'avénément des Bourbons, t. I; ср. также *Havemann*, 353.

[4]) *Havemann*, 401.

[5]) Mémoires de Torcy, I, p. 46.

центы по государственному долгу поглощали больше третьей части всѣхъ доходовъ государства [1]). Очень значительная часть доходовъ шла на содержаніе громаднаго числа чиновниковъ или въ карманы откупщиковъ податей и налоговъ, снабжавшихъ правительство единовременными крупными взносами для удовлетворенія самыхъ безотлагательныхъ расходовъ. Если и считать вѣрнымъ тотъ фактъ, что въ теченіе первыхъ десятилѣтій правленія Карла II валовой доходъ Испанской монархіи простирался почти до 28-ми милліоновъ дукатовъ, или, что̀ то же, до 70-ти милліоновъ ливровъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что большая часть этихъ сборовъ была уже заранѣе назначена въ обезпеченіе государственнымъ кредиторамъ, такъ что едва третья часть вышеозначенной суммы могла поступить въ казну въ видѣ прихода [2]). Но если вычесть изъ этой суммы ту долю, которая шла на щедрые подарки отъ короля его приближеннымъ (такъ-называемые merced de corte) [3]) и на тѣ громадныя награды, которыя выпрашивали себѣ наиболѣе вліятельные любимцы короля, то финансовыя средства, которыя могли идти на содержаніе двора и затѣмъ уже на всѣ другія потребности государства, должны быть признаны очень незначительными [4]).

Отъ громадныхъ сокровищъ Новаго Свѣта казна получала лишь незначительную долю, такъ какъ управленіе громадными доходами отъ рудниковъ Мексики и Перу было такъ дурно поставлено, что обогащались всего болѣе вице-короли и намѣстники испанскихъ владѣній въ Америкѣ [5]).

При скудости государственныхъ доходовъ дефицитъ былъ неизбѣженъ. Въ 1697 году, какъ пишетъ графъ Гаррахъ въ своемъ дневникѣ, расходы короля превышали доходы на пять милліоновъ піа-

---

[1]) *Havemann*, 353.

[2]) Ibidem.

[3]) *Louville*, I, 78, приводитъ нѣкоторыя цифры, дающія понятія о громадныхъ размѣрахъ этихъ merced de corte или bienfaits du roi.

[4]) *Havemann*, I, 353.

[5]) Mémoires politiques et militaires de Noailles, t. I, p. 326: „Les vicerois du Mexique et du Pérou s'enrichissaient par toutes sortes de moyens, en trafiquant des droits du monarque". Ср. также Tagebuch des Grafen Harrach, S. 51—94, Sept. 1697 и *Stanhope*. Correspondence, p. 7.

стровъ [1]). Кредита правительство имѣло такъ мало, что самый ничтожный заемъ представлялъ крайнія затрудненія [2]). Нужда въ деньгахъ доходила до того, что въ 1680 году Карлъ II долженъ былъ отказаться отъ обычной поѣздки, которую Испанскіе короли предпринимали ежегодно въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Эскуріалъ, хотя это и было существеннымъ нарушеніемъ не только давно установившагося этикета, но даже религіознаго обычая, такъ какъ пребываніе въ Эскуріалѣ завершалось обыкновенно поклоненіемъ гробницамъ предковъ [3]). Не хватало необходимыхъ средствъ даже для уплаты жалованья низшей придворной прислугѣ.

Для поправленія финансовъ правительство прибѣгало не рѣдко къ чрезвычайнымъ и крайнимъ мѣрамъ, къ перечеканкѣ звонкой монеты, къ продажѣ титуловъ и высшихъ государственныхъ должностей, не исключая и самыхъ почетныхъ, какъ должность вице-короля Индіи [4]). Но само собою разумѣется, перечеканка звонкой монеты роняла цѣнность ея и давала поводъ къ мошенническимъ продѣлкамъ съ золотою и серебряною монетою, что̀ отзывалось очень пагубно на торговлѣ и даже угрожало полнымъ ея разореніемъ [5]). Чтобы найдти деньги, испанское правительство не рѣдко прибѣгало также къ продажѣ титула гранда иностранцамъ; такъ въ 1680 году одному генуэзскому банкиру, по фамиліи Грилло, былъ проданъ титулъ гранда за почтенную сумму; случилось даже, что одинъ Еврей пріобрѣлъ себѣ въ царствованіе Карла II за 50,000 талеровъ титулъ маркиза, не смотря на то, что при Карлѣ II, именно въ 1680 году, по случаю празднованія бракосочетанія его съ принцессою Луизою Орлеанскою, устроено было въ самой столицѣ ауто-да-фе, на которомъ преданы были сожженію 18 португальскихъ Евреевъ, мужчинъ и женщинъ [6]). Прогрессивное уменьшеніе въ XVII вѣкѣ валоваго дохода Испанской монархіи, простиравшагося въ цвѣтущее время ея до 500 милліоновъ дукатовъ, при постоянно возрастающей тягости податей и введеніи новыхъ налоговъ [7]) и правительственныхъ монополій, находитъ

---

[1]) Tagebuch des Grafen Harrach, S. 92: „Der Koenig habe mehr Ausgaben, als Einkommen umb. 5 Millionen, alles sei verkauft und versetzt» etc.

[2]) Ibidem: „Was das uebelste ist, der Credit verloren".

[3]) *Havemann*, 354.

[4]) *Louville*, I, 76—77.

[5]) *Louville*, I, 74.

[6]) *Havemann*, 365.

[7]) *Havemann*, 347—348.

себѣ объясненіе въ цѣломъ рядѣ такихъ явленій, каковы неудовлетворительная система распредѣленія и сбора податей, дурное управленіе финансами, хищничество казны, сильный упадокъ земледѣлія, мануфактурной промышленности и торговли; главная же причина печальнаго состоянія финансовъ заключалась въ постоянномъ и прогрессивномъ уменьшеніи народонаселенія Испаніи, какъ вслѣдствіе изгнанія Мавровъ и Евреевъ, безпрерывныхъ почти войнъ, выселенія цѣлыми массами въ Америку и увеличенія числа монастырей, такъ и вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій. Въ то время, какъ въ царствованіе Карла I населеніе Испаніи достигало почти до 30 милліоновъ человѣкъ, при Карлѣ II насчитывалось всего 5.700,000 душъ [1]).

Въ Каталоніи три четверти всѣхъ селъ были оставлены ихъ прежними трудолюбивыми обитателями. Недалеко отъ Сеговіи образовалась огромная пустынная мѣстность, на 24 часа пути въ окружности, совершенно покинутая прежними жителями и потому получившая названіе „el Despoblado“ [2]). Такимъ образомъ, хотя налоги съ 1630 г. были увеличены втрое, сборъ податей съ Севильи доставленъ при Карлѣ II на двѣ трети менѣе, чѣмъ въ прежнее время, такъ какъ едва двадцатая часть всего пространства, находившагося въ чертѣ города, была заселена [3]). И въ то время, какъ общее число народонаселенія постоянно уменьшалось, число духовныхъ лицъ и особенно монашествующихъ постоянно возростало, увеличивая такимъ образомъ непроизводительные классы населенія. О громадномъ числѣ духовныхъ и монашествующихъ лицъ можно составить себѣ понятіе по слѣдующимъ даннымъ: при Филиппѣ III на пять слишкомъ милліоновъ населенія насчитывалось слишкомъ 9,000 мужскихъ монастырей съ 60,000 монахами и около 1,000 (988) женскихъ монастырей. Въ 1675 году въ Мадридѣ, при шестидесяти-тысячномъ населеніи, было 30 мужскихъ и 26 женскихъ монастырей [4]). Что касается до бѣлаго духовенства, то извѣстно, что при Фи-

---

[1]) *Havemann*, 375. Ср. *Weiss*, L'Espagne depuis le regne de Philippe II, t. II, p. 44 и 45, а также *Mignet*, Négociations, Introduction, p. 31.

[2]) Ibidem. Пустынныхъ мѣстностей (lugares despoblados), образовавшихся вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, было уже очень много въ Испаніи въ первой четверти XVII в. (*Havemann*, 331), но въ прежнее время онѣ не достигали такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ въ концѣ XVII в.

[3]) *Havemann*, 353,

[4]) *Havemann*, 376.

липпѣ II насчитывалось его слишкомъ 300,000 лицъ (312,000 чел. [1]). Знатокъ Испаніи времени Филиппа III, Монкада, утверждаетъ даже, что въ то время цѣлая треть населенія Испаніи состояла изъ служителей церкви, что̀ можетъ быть признано вѣрнымъ, если въ этомъ числѣ считать и всѣхъ тѣхъ, которые, живя на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, находились въ зависимости отъ церквей и монастырей [2]). Въ рукахъ же духовенства находилась пятая часть всей поземельной собственности Испаніи [3]).

Постоянное возростаніе численности монастырей и особенно нищенствующихъ монаховъ обратило на себя вниманіе самаго духовенства: въ 1603 году, въ началѣ царствованія Филиппа III, нѣкоторыя изъ высшихъ духовныхъ лицъ, и въ числѣ ихъ даже генералъ монастырей францисканскаго ордена, обратились къ королю съ просьбою принять необходимыя мѣры къ ограниченію числа новыхъ монастырей, въ виду того, что основаніе ихъ особенно для нищенствующихъ монаховъ на земляхъ, получаемыхъ въ даръ отъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, ложится тяжелымъ бременемъ на живущихъ на этихъ земляхъ крестьянъ, изъ которыхъ монахи, не получая никакой поддержки отъ земли владѣльцевъ, высасываютъ послѣдніе соки [4]). На собраніи кортесовъ, созванныхъ въ 1626 г. въ Мадридѣ, заявленіе о необходимости противодѣйствовать дальнѣйшему переходу земель отъ свѣтскихъ лицъ въ руки духовенства было высказано еще въ болѣе настойчивой и рѣзкой формѣ. „Если это несчастіе еще продолжится“ заявляли кортесы,—„то въ Испаніи вскорѣ некому будетъ ни землю пахать, ни править рулемъ; не возможно, чтобы государство устояло еще хоть годъ, если не будетъ на то воли Божьей“ [5]).

Рядомъ съ возростаніемъ числа монастырей и громадныхъ богатствъ духовенства возростаетъ число праздныхъ людей и нищенство въ массѣ, ибо если, съ одной стороны, монахи, въ особенности нищенствующіе, питались послѣдними крохами крестьянъ, то съ другой стороны, въ свою очередь поощряли развитіе нищенства въ самомъ народѣ: тысячи и десятки тысячъ людей находили себѣ

---

[1]) *Haedeke*, Die Politik Oesterreichs in der Spanishen Erbfolgetrage, I, 69.
[2]) *Haedeke*, I, 70.
[3]) *Havemann*, 376.
[4]) *Havemann*, 334.
[5]) *Havemann*, 347.

ежедневное пропитаніе въ монастыряхъ за монашескою трапезой; тысячи другихъ, соблазняемые спокойною и вполнѣ обезпеченною жизнію духовенства, поступали въ ряды его, бросая свое прежнее дѣло. Такимъ образомъ все болѣе уменьшалась численность трудящагося класса.

Увеличеніе числа монастырей и переходъ массы земель въ руки духовенства имѣли пагубное вліяніе на всѣ отрасли промышленности, но ближайшимъ образомъ отражались на земледѣліи, упадокъ котораго, не говоря уже о постепенномъ уменьшеніи народонаселенія, обусловливался въ XVII вѣкѣ и многими другими причинами, каковы право неотчуждаемости церковныхъ и монастырскихъ земель, постоянное увеличеніе числа маіоратовъ, въ связи съ привилегіями дворянства, существованіе внутреннихъ заставъ, мѣшавшихъ свободной торговлѣ хлѣбомъ, высокихъ вывозныхъ пошлинъ на сырые продукты вообще и тяжелое положеніе податнаго класса, особенно низшаго, относительно податей и налоговъ. Кромѣ всѣхъ указанныхъ причинъ, пагубное вліяніе на земледѣліе имѣло также сохраненіе за землевладѣльцами изъ дворянъ совершенно устарѣвшей привилегіи, такъ-называемой mesta, въ силу которой землевладѣльцы сѣверной Испаніи, содержавшіе большія стада овецъ, имѣли право, съ наступленіемъ зимы, безпрепятственно перегонять свои стада въ южныя области Испаніи, не стѣсняясь нарушеніемъ права собственности тѣхъ владѣльцевъ, черезъ земли которыхъ имъ приходилось проводить стада [1]). Не удивительно поэтому, что Старая Кастилія, служившая въ XVI вѣкѣ житницею для Испаніи, производила въ концѣ XVII вѣка только не большое количество хлѣба, вина и марены, и что въ Новой Кастиліи огромныя равнины оставались вовсе не обработанными. Андалузія, Эстремадура и Гренада походили на пустыню: цѣлыя селенія лежали въ развалинахъ; въ Аррагоніи также сотни деревень сдѣлались не обитаемыми [2]). Не только земледѣліе и вообще сельское хозяйство пришло въ Испаніи въ упадокъ въ концѣ XVII вѣка, но и всѣ отрасли промышленности. Само собою разумѣется, что и мануфактурная промышленность страдала отъ уменьшенія народонаселенія, увеличенія монастырей, подавляющихъ пошлинъ и налоговъ, особенно такъ-называемой алкабалы (alcabala), взимавшейся

---

[1]) *Havemann*, 379.

[2]) *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II, t. II, p. 44—45.

съ каждаго продукта при каждомъ актѣ купли и продажи [1]). Но особенно пагубнымъ для мануфактурной промышленности было то презрѣніе ко всякому ремеслу, промыслу и торговлѣ, которое развилось въ Испаніи подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ причинъ, именно вслѣдствіе многовѣковой борьбы съ Маврами, занимавшимися преимущественно ремеслами и торговлей, и развращающаго вліянія американскаго золота, развивавшаго отвращеніе къ труду и страсть къ легкой наживѣ.

Не только званіе ремесленниковъ (los oficios) и податныхъ лицъ (los pecheros), но и званіе купца (mercador), считалось чрезвычайно унизительнымъ. Особенно презиралось Испанцами занятіе кожевничествомъ, которое такъ процвѣтало во время господства Мавровъ. Ремесленникъ, впрочемъ, стыдился своего ремесла еще и потому, что оно лишало его нѣкоторыхъ политическихъ правъ, какъ напримѣръ, права занимать какую-либо правительственную или выборную должность. И не только простое ремесло, но даже всякое механическое искусство было въ Испаніи въ страшномъ презрѣніи, такъ что въ Валенсіи, напримѣръ, званіе инженера и механика (artesano) считалось столь же унизительнымъ, какъ званіе ремесленника (oficial). Только въ Каталоніи ремесла пользовались уваженіемъ, такъ какъ въ ней число Морисковъ было всегда очень незначительно [2]). Испанское же правительство своими законами поддерживало старинные и вредные предразсудки, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать имъ: по испанскимъ законамъ, дворяне, занимавшіеся промышленнымъ дѣломъ, лишались своего герба [3]). Всѣмъ этимъ объясняется погоня лицъ средняго состоянія, занимавшихся ремеслами, за дворянскими титулами, подражаніе знати въ роскоши и расточительности, стремленіе перейдти въ военное сословіе или въ духовенство. Такимъ образомъ произошелъ тотъ страшный упадокъ фабричной и заводской промышленности, который такъ рѣзко обнаружился въ концѣ XVII вѣка и заставилъ Испанію, столь щедро одаренную отъ природы произведеніями и умѣреннаго и тропическаго пояса, снабжавшую въ половинѣ XVI вѣка и Старый, и Новый Свѣтъ своими фабрикатами, пользоваться большею частію привозными мануфактурными продуктами изъ Голландіи, Англіи, Франціи, Германіи и Италіи.

---

[1]) *Havemann*, 388 и 391.

[2]) *Havemann*, 384; ср. *Weiss*, II, p. 69—76.

[3]) Ibidem.

Суконныя фабрики, которыми въ XVI вѣкѣ такъ славилась Сеговія, на которыхъ 34,000 работниковъ заняты были производствомъ суконъ и выдѣлывали ежегодно по 24,000 кусковъ, пришли въ концѣ XVII вѣка въ такой упадокъ, что на нихъ выдѣлывалось уже не болѣе 400 кусковъ сукна въ годъ, и то очень посредственнаго [1]). Въ Севильѣ, этомъ первоклассномъ промышленномъ и торговомъ центрѣ Испаніи, славившейся въ XVI вѣкѣ своими шелковыми, золотыми и серебряными тканями, гдѣ при Филиппѣ II было 3,600 фабрикъ, занимавшихъ руки 130,000 рабочихъ, при Карлѣ II было уже только 60 фабрикъ [2]). Шерсть и особенно шелкъ шли изъ Испаніи за границу большею частію въ сыромъ видѣ [3]).

При такомъ упадкѣ туземной мануфактурной промышленности, не удивительно, что Испаніи, славившейся своею шерстью, а въ прежнее время и шелководствомъ, приходилось выписывать шерстяныя и шелковыя матеріи изъ Англіи, Голландіи и Франціи. Какъ много приходилось переплачивать этимъ государствамъ за ввозимыя изъ нихъ мануфактуры, можно видѣть ужь изъ того, что по вычисленіямъ, сдѣланнымъ на основаніи современныхъ испанскихъ источниковъ, въ царствованіе Карла II изъ 5.700,000 человѣкъ три милліона носили одежду изъ матерій заграничныхъ фабрикъ [4]). Девять десятыхъ всѣхъ фабрикатовъ изъ льна и конопли, въ которыхъ нуждалась Испанія, получала она изъ-за границы: рынки Кастиліи были переполнены заграничными фабрикатами.

Изъ-за границы знать получала почти всѣ предметы, необходимые для одежды: изъ Англіи — верхнее платье, изъ Германіи — обувь, изъ Голландіи — полотно, изъ Флоренціи и Милана — шелковыя матеріи. Изъ Испаніи вывозилось за границу на пять милліоновъ шерсти, шелку, вина и плодовъ; но эту сумму Испанія получала за свои продукты не звонкою монетой, а товаромъ по преимуществу мануфактурнымъ [5]).

Вслѣдствіе презрѣнія къ промышленной дѣятельности большая часть природныхъ богатствъ Испаніи пропадала втунѣ или же эксплуатировалась чужеземцами. Такъ, не смотря на то, что Бискайя изобиловала желѣзомъ превосходнаго качества, Испанія получала сталь изъ Милана; изъ

---

[1]) *Weiss*, I, p. 15.
[2]) *Gaedeke*, I, 69—70.
[3]) *Havemann*, 392.
[4]) *Havemann*, 383.
[5]) *Havemann*, 392—393.

Америки Испанія получала цѣлую массу мѣди въ видѣ балласта на возвращавшихся оттуда корабляхъ, но мѣдь эта шла только на выдѣлку орудій; всю же мѣдную посуду Испанія получала изъ Голландіи и Германіи. На горныхъ хребтахъ Испаніи, покрытыхъ лѣсами, водилось множество дикихъ пчелъ, а между тѣмъ воскъ, требовавшійся въ громадномъ количествѣ для безчисленныхъ церквей, получался изъ Франціи, Англіи и Голландіи. Эксплуатація кобальтовыхъ рудниковъ Наварры перешла при Филиппѣ IV въ руки одной нѣмецкой компаніи. Малу по малу почти всѣ ремесла и промыслы въ Испаніи сдѣлались достояніемъ чужеземцевъ, которыхъ привлекали туда сравнительно очень высокая заработная плата и нѣкоторыя льготы въ отношеніи податей и налоговъ [1]). Такихъ чужеземцевъ, занимавшихся ремесломъ или розничною торговлею, уже въ концѣ XVI столѣтія насчитывали въ одномъ Мадридѣ не менѣе 40,000 человѣкъ, а во всей Испаніи около 150,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 10,000 Генуэзцевъ. Въ XVII вѣкѣ въ Бургосѣ и Саламанкѣ поселилось очень много ремесленниковъ изъ Гасконцевъ, Нѣмцевъ, Ломбардцевъ, Валлоновъ и Англичанъ. Въ Севильѣ и Кордовѣ всѣ ремесла, особенно тѣ, которыя требовали большаго труда, сосредоточивались въ рукахъ чужеземцевъ. Въ виду тѣхъ льготъ, которыми въ царствованіе Филиппа IV пользовались чужеземные ремесленники католическаго вѣроисповѣданія относительно пошлины alcabala, масса рабочихъ переселялась въ Испанію изъ сосѣднихъ провинцій Франціи, особенно изъ Гаскони, Лимузена и Лангедока, такъ что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ Людовику XIV въ 1680 году французскими консулами въ Испаніи, оказывалось, что въ различныхъ городахъ ея было въ общей сложности не менѣе 60,000 ремесленниковъ и 7,000 купцовъ французскаго происхожденія и изъ нихъ въ одной Аррагоніи 20,000 чел., 18,000 ремесленниковъ и 2,000 купцовъ, а въ обѣихъ Кастиліяхъ 16,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 3,600 купцовъ [2]).

Въ концѣ XVII столѣтія пять шестыхъ всего количества потреблявшихся въ Испаніи мануфактурныхъ продуктовъ привозились иностранцами, въ ихъ же рукахъ было девять десятыхъ всей торговли съ испанскими владѣніями въ Америкѣ, хотя Испанія и стремилась было оставить за собою монополію важной прибыльной торговли [3]).

---

[1]) *Havemann*, 385 и 386.
[2]) *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II, t. II, p. 81—82.
[3]) *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II, t. II, p. 111.

При крайнемъ упадкѣ торговли и промышленности въ Испаніи, послѣдняя не въ состояніи была удовлетворить и собственнымъ нуждамъ въ отношеніи мануфактурныхъ продуктовъ; тѣмъ менѣе могла она снабжать свои американскія владѣнія всѣми товарами и продуктами, на которые былъ тамъ запросъ. Изъ всѣхъ продуктовъ и товаровъ, сбываемыхъ въ концѣ XVII вѣка изъ Испаніи въ Мексику и Перу, и стоимость которыхъ простиралась ежегодно на громадную сумму въ 54 милліона ливровъ, иностранцы доставляли всѣхъ товаровъ на 50 милліоновъ, а сами Испанцы только на четыре милліона [1]). Понятно такимъ образомъ, что почти всѣ выгоды отъ торговли съ испанскою Индіей выпадали на долю тѣхъ западно-европейскихъ народовъ, которые принимали наиболѣе дѣятельное участіе въ торговлѣ съ нею, въ снабженіи Вестъ-Индіи всѣми необходимыми товарами, а не на долю Испаніи. Упадокъ промышленности и торговли Испаніи совершенно парализировалъ всю строгость ея колоніальной политики, которая при сильномъ развитіи торговли и промышленности въ самомъ количествѣ могла бы подавить конкуренцію западно-европейскихъ народовъ въ испанской Индіи и доставить неисчислимыя выгоды ихъ метрополіи.

Я. Гуревичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) *Mignet*, Négociations, relatives à la succession d'Espagne, Introduction p. 30; ср. также *Weiss*, II, p. 137.

ЗНАЧЕНІЕ РУМЫНОВѢДѢНІЯ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ НАУКИ [1]).

Мм. гг.! Предметомъ моихъ чтеній будутъ румынскій языкъ и румынская литература. Спрашивается: для чего эти предметы нужны славянскому филологу и историку, и какое значеніе они могутъ имѣть для русскаго слависта—историка и литератора? Не допускаются ли они въ русскомъ университетѣ только потому, что съ университетской каѳедры можно учить съ благою цѣлью обо всемъ, что̀ есть въ видимой природѣ и мірѣ сверхчувственномъ? Или, можетъ быть, румынскій языкъ и литература заслуживаютъ вниманія на столько же, на сколько и языки китайскій и японскій съ ихъ литературами? Конечно, и съ этой точки зрѣнія изученіе румынскаго языка и литературы въ Россіи можетъ имѣть значеніе или, вѣрнѣе, можетъ быть цѣлесообразно. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, румынскій языкъ дѣйствительно читался въ здѣшнемъ университетѣ для практическихъ цѣлей Гинкуловымъ, который составилъ грамматику румынскаго языка, чуть ли не лучшую со стороны матеріала даже и для настоящаго времени (Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики. С.-Пб. 1840), и приложилъ къ ней хрестоматію изъ лучшихъ въ то время образцовъ новѣйшей румынской литературы, словарь и собраніе славянскихъ первообразныхъ словъ, употребляемыхъ въ языкѣ валахо-молдавскомъ (Собраніе сочиненій и переводовъ, въ прозѣ и стихахъ, для упражненія въ валахо-молдавскомъ языкѣ. С.-Пб. 1840).

Чтобъ отвѣтить на поставленные мною вопросы, нужно указать хотя бы вкратцѣ на мѣстности, занимаемыя румынскою народностью, и

---

[1]) Вступительная лекція по румынскому языку и литературѣ, читанная 12-го января 1884 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ [1]).

IX.

Колоніальная политика Испаніи.

Ревнивое, враждебное отношеніе въ сферѣ торговли проявлялось со времени открытія Америки и до конца XVIII вѣка не только въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ различныхъ государствъ, но и въ отношеніи метрополій къ ихъ колоніямъ. Древнія финикійскія и греческія колоніи имѣли по преимуществу характеръ торговый и сдѣлались центрами и передовыми постами промышленности и культуры своихъ метрополій, особенно греческія колоніи. Завоеваніе же Америки, по словамъ Рейналя, дало Европейцамъ представленіе о новомъ родѣ колоній, въ основаніе которыхъ положено было земледѣліе, добываніе свойственныхъ имъ сырыхъ продуктовъ; на обработку же ихъ имѣла право только метрополія. Правительства, основавшія эти колоніи, ставили непремѣннымъ условіемъ для переселенцевъ, чтобъ они продавали свои сырые продукты только метрополіи и не потребляли другихъ продуктовъ и мануфактуръ, кромѣ тѣхъ, которыми могла снабжать ихъ метрополія. Это двойное обстоятельство казалось всѣмъ націямъ естественнымъ, какъ бы прирожденнымъ правомъ, не зависящимъ ни отъ какого договора,

---

[1]) *Продолженіе.* См. августовскую книжку *Ж. М. Нар. Пр.* за текущій годъ.

и такова была всегда (то-есть, собственно до конца XVIII вѣка) система дѣйствій Европы относительно Америки [1]). Такъ, напримѣръ, французскія колоніи въ Новомъ Свѣтѣ могли получать только изъ метрополіи всѣ предметы первой необходимости, какъ муку, вино, полотно, разныя матеріи и т. д. Что положеніе Рейналя справедливо и относительно англійскихъ колоній въ Америкѣ и въ Вестъ-Индіи, хотя и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, свидѣтельствуетъ очень ясно Макъ-Кэллохъ [2]).

Но особенную жадность и ревность относительно своихъ колоній проявила Испанія. „Auri rabida sitis a cultura hispanos divertit“, говоритъ одинъ писатель XVI вѣка [3]), и дѣйствительно, со времени открытія Америки всѣ усилія Испанцевъ были обращены только на добываніе оттуда золота и серебра. Мудрая политика Изабеллы относительно испанскихъ владѣній въ Америкѣ скоро смѣнилась пагубною политикой Карла V, и испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ было запрещено не только всякое мануфактурное производство, но даже производство сырыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, льна, конопли и т. п., потому только, что производство этихъ продуктовъ въ испанскихъ колоніяхъ могло уменьшить цѣну ихъ въ самой метрополіи [4]). Метрополія оставила за собою монополію продажи соли, табаку, ружейнаго пороха и пр. Всѣ предметы ввоза и вывоза въ колоніяхъ облагались высокими пошлинами.

Но, не будучи въ состояніи, вслѣдствіе упадка собственной промышленности, удовлетворять нуждамъ самой метрополіи, Испанія не могла даже, подобно Франціи и Англіи, снабжать свои колоніи всѣми необходимыми для нихъ продуктами; мало того: чтобы, вслѣдствіе вывоза нѣкоторыхъ фабричныхъ произведеній въ колоніи, цѣны на нихъ не поднялись въ самой метрополіи, испанское правительство разрѣшало вывозъ ихъ въ колоніи только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ [5]).

Всякое торговое сообщеніе колоній между собою и съ чужеземными колоніями въ Америкѣ было запрещено, подъ страхомъ самыхъ

---

[1]) *Raynal*, Histoire philosophique et politique des isles françaises dans les Indes occidentales, T. I, p. 292—300: «Tel a toujours été le systême de l'Europe à l'égard de l'Amérique».

[2]) *Mac Culloch*, Dictionnary of commerce, p. 336.

[3]) *Petrus Martyrus*, De insulis nuper repertis въ «Novus orbis».

[4]) *Mac Culloch*, Dictionnary of commerce, p. 336.

[5]) Ibidem.

строгихъ взысканій. Само собою разумѣется, что испанское правительство закрыло непосредственный доступъ продуктовъ всѣхъ чужеземныхъ государствъ во всѣ гавани своихъ владѣній въ Америкѣ. Уже со времени Филиппа II всякое сношеніе съ чужеземцами безъ предварительнаго разрѣшенія правительства влекло за собою смертную казнь и конфискацію имущества [1]). Указъ Филиппа III (отъ 1614 г.) грозитъ чужеземцамъ за не дозволенный ввозъ своихъ товаровъ въ гавани испанскихъ владѣній смертною казнью [2]).

Въ самой Испаніи Аррагонія и Каталонія были исключены изъ торговли съ Индіями [3]). Это право было предоставлено только подданнымъ Кастиліи [4]). Роширъ объясняетъ эту монополію Кастильцевъ въ отношеніи торговли съ испанскими владѣніями въ Америкѣ тѣмъ, что всѣ опасности и издержки, сопряженныя съ открытіемъ Америки, выпали на долю однихъ Кастильцевъ, и потому имъ, какъ бы по праву, принадлежали и всѣ выгоды этой торговли съ Америкой [5]).

Но и въ самой Кастиліи сначала только Севилья съ 1529 года, а потомъ еще Кадиксъ, пользовались исключительнымъ правомъ снаряжать и отправлять купеческіе корабли въ Америку. Севилья, кромѣ Кадикса, была почти единственнымъ коммерческимъ портомъ во всей Кастиліи, для котораго доступно было также и значительное рѣчное судоходство по Гвадалквивиру. Еще Карлъ V издалъ законъ [6]), въ силу котораго всякій Испанецъ, откуда бы онъ ни направился въ американскія владѣнія Испаніи, даже не могъ, подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества, вернуться въ Испанію иначе, какъ чрезъ Севилью.

Въ особенности все золото и серебро и драгоцѣнные камни, вывозившіеся изъ Америки, могли быть доставляемы въ Испанію только чрезъ Севилью. Значеніе Севильи, впрочемъ, постепенно переходило къ Кадиксу, и окончательно перешло къ нему въ началѣ XVIII вѣка [7]), когда Севилья много потеряла въ своемъ торговомъ значеніи вслѣд-

---

[1]) *Roseher*, Colonien, S. 179.

[2]) *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II; Recopilacion, IX, 27.

[3]) Ibidem. Ср. также *Dumont*, t. VIII, p. 150.

[4]) *Dumont*, VIII, 150: «Le commerce des Indes qui n'est pas permis même à tous les vassaux de la monarchie d'Espagne, mais seulement à ceux de la couronne de Castille etc. etc.»

[5]) *Roscher*, Colonien, S. 184.

[6]) Recopilacion, IX, I, 56.

[7]) *Roscher*, Colonien, S. 184: Seit 1720 trat Cadix an die Stelle Sevillas.

ствіе измельчанія русла Гвадалквивира, сдѣлавшагося негоднымъ для плаванія большихъ судовъ. Мало по малу вся торговля съ испанскими владѣніями въ Америкѣ сосредоточилась въ рукахъ ограниченнаго числа коммерческихъ домовъ Севильи, а потомъ Кадикса. При такой узкой и строгой монополіи торговли съ Америкой въ самой Испаніи, иностранцамъ, конечно, нечего было и думать о полученіи права доступа къ торговлѣ съ Испанскими Индіями.

Для поддержанія во всей строгости законовъ объ исключительной торговлѣ съ испанскими владѣніями въ Америкѣ были приняты уже съ начала XVI вѣка испанскимъ правительствомъ мѣры касательно постояннаго надзора и охраны этой отрасли торговли. Контроль надъ нею ввѣренъ былъ особому учрежденію, Casa de la contratacion [1]), основанному въ Севильѣ съ административною и судебною властію; впослѣдствіи оно въ свою очередь было подчинено верховному совѣту Индіи. Casa de la contratacion опредѣляла ежегодно свойство и качество товаровъ, предназначаемыхъ для колоній [2]).

Съ цѣлью поддержанія контроля и для конвоированія торговыхъ судовъ на случай какой-либо опасности, какъ нападенія корсаровъ, или непріятельскихъ судовъ, вся торговля съ испанскими владѣніями въ Америкѣ производилась только посредствомъ двухъ военно-купеческихъ флотилій, отправлявшихся ежегодно сначала изъ Севильи, потомъ изъ Кадикса. Купеческія суда, предназначавшіяся для южно-американскихъ владѣній Испаніи (Перу, Чили) сопровождаемы были галлеонами, то-есть, военными кораблями числомъ до десяти, изъ которыхъ наибольшіе снабжены были слишкомъ ста орудіями. Но галлеоны, на которыхъ также нагружались товары, направлялись не въ Тихій океанъ, а въ Картагену и оттуда въ Портобелло, куда уже доставлялись произведенія Перу и Чили сначала моремъ, а потомъ черезъ Панаму и Панамскій перешеекъ. Тогда открывалась въ Портобелло ярмарка на 40 дней, на которой всѣ торговыя сдѣлки производились по заранѣе уже опредѣленнымъ цѣнамъ [3]). Торговля съ Мексикой и другими испанскими владѣніями центральной Америки производилась посредствомъ другой военно-купеческой эскадры, то-есть, посредствомъ купеческихъ судовъ, конвоируемыхъ такъ-называемымъ флотомъ, то-есть, нѣсколькими вооруженными военными кораблями.

---

[1]) *Roscher*, Colonien, S. 183; Recopilacion IX, 1.
[2]) *Weiss*, II, p. 113.
[3]) *Roscher*, Colonien, p. 183; Recopilacion IX.

Этотъ флотъ направлялся изъ Испаніи въ Вера-Круцъ, куда стекались купцы изъ всей центральной части испанской Америки съ ихъ произведеніями. Рынокъ открывался по близости Вера-Круца въ Ялаппѣ, и торгъ производился подобно тому, какъ въ Портобеллѣ [1]). Уже при Филиппѣ II вся торговля съ прибывавшимъ въ Вера-Круцъ флотомъ была предоставлена въ исключительное пользованіе купечеству города Мексики, и вся эта отрасль торговли составила скоро монополію восьми или десяти купеческихъ домовъ Мексики [2]). Сначала при Карлѣ V и при Филиппѣ II, испанскія эскадры военно-купеческой флотиліи возвращались изъ Америки, нагруженныя не однимъ только золотомъ и серебромъ, но и богатыми растительными произведеніями Америки, каковы: индиго, кошениль, сахаръ, ваниль, какао, гаванскій табакъ и проч. [3]), но впослѣдствіи Испанцы стали все болѣе и болѣе пренебрегать всѣми этими продуктами, и суда возвращались, нагруженныя только золотомъ и серебромъ, да драгоцѣнными каменьями.

Въ свою очередь Испанія снабжала свои американскія владѣнія сукнами, холстами, земледѣльческими орудіями, виномъ, масломъ и нѣкоторыми другими предметами. При этомъ прибыль испанскихъ купцовъ простиралась до 100 и даже до 300% на проданный товаръ [4]). Казалось бы, огромный рынокъ, представлявшійся для сбыта продуктовъ испанской промышленности въ обширныхъ и богатыхъ колоніяхъ Испаніи, долженъ былъ вызвать къ дѣятельности всѣ ея промышленныя силы; но вмѣсто того, при крайнемъ стѣсненіи свободы торговли, постоянный приливъ сокровищъ Америки вызывалъ только большее усыпленіе промышленныхъ силъ метрополіи. Уже въ половинѣ XVI вѣка, когда еще фабрики Испаніи были довольно многочисленны, и торговля Севильи находилась въ цвѣтущемъ состояніи, Испанія не въ состояніи была удовлетворять запросу на рынкахъ американскихъ ея колоній. Въ половинѣ XVII

---

[1]) *Weiss*, II, p. 113. Такъ было до 1740 года, когда галлеоны были наконецъ уничтожены, и торговля съ испанскими владѣніями въ Америкѣ разрѣшена всѣмъ испанскимъ портамъ (*Roscher*, Colonien, S. 192). Быстрый упадокъ торговли Кадикса и многочисленныя банкротства заставили однакожь испанское правительство взять эту полезную мѣру назадъ и опять стѣснить свободу торговли, возстановленную окончательно указомъ 1765 г. (*Roscher*, S. 193).

[2]) *Humboldt*, Essai politique sur la Nouvelle Espagne, IV, p. 352.

[3]) *Robertson*, Hist. de l'Amérique, III, p. 290.

[4]) *Roscher*, Colonien. S. 186.

вѣка всѣ галлеоны и флотъ не могли обыкновенно доставлять на рынки Америки болѣе 27,000 тонновъ различнаго рода продуктовъ [1]), а потомъ и того меньше, такъ что наконецъ, испанскія фабрики оказались въ силахъ удовлетворить только 10% или даже 5% всего запроса мануфактурныхъ товаровъ на американскихъ рынкахъ [2]).

А между тѣмъ, населеніе американскихъ колоній возрастало, и по мѣрѣ того, какъ оно выходило изъ прежняго состоянія дикости, росла и потребность его въ продуктахъ европейской промышленности. Такимъ образомъ сама необходимость заставила испанское купечество или, вѣрнѣе сказать, купцовъ Кадикса поступиться de facto своею монополіей и прибѣгнуть къ помощи чужеземной промышленности и подъ своимъ именемъ провозить товары французскихъ, англійскихъ и голландскихъ фабрикъ въ американскія колоніи, куда доступъ былъ имъ закрытъ строгостью исключительныхъ законовъ. Такимъ образомъ открылось для контрабанды широкое поле; контрабанда мало по малу какъ бы узаконилась, встрѣчая явное сочувствіе со стороны народа и тайное одобреніе правительства. Оно не хотѣло открыто поступиться строгостью своихъ запретительныхъ законовъ относительно чужеземцевъ, но сознавало свое безсиліе поддержать ихъ силой оружія, которое уже во второй половинѣ XVII вѣка не сохраняло и тѣни своего прежняго грознаго величія; при безсиліи, ничтожности испанскаго флота оказалось невозможнымъ оградить отъ контрабанды обширныя владѣнія Испанскаго короля, пограничная и береговая линіи которыхъ въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ простирались на 700 миль [3]).

Но для испанскаго правительства было весьма выгодно, допуская подъ рукой контрабанду, сохранять оффиціально во всей силѣ строгость запретительной системы: такимъ образомъ, оно оставляло за собою возможность устранять всякую враждебную ей страну отъ участія въ торговлѣ съ Испанскою Америкой или вымещать нанесенную ей обиду на купечествѣ враждебной страны.

Такъ, когда Филиппъ III узналъ о настоящемъ назначеніи флота, отправленнаго Кромвелемъ въ Восточную Индію, онъ тотчасъ ве-

---

[1]) *Weiss*, II, 117; *Roscher*, Colonien, S. 188; *Robertson*, Histoire de l'Amérique, III, p. 260.

[2]) *Roscher*, Colonien, S. 190.

[3]) *Weiss*, II, p. 118—127. Въ правленіе Карла II Испанія имѣла на Тихомъ океанѣ только три военные корабля, сооруженные въ 1690 году.

лѣлъ арестовать англійскихъ купцовъ, находившихся въ Севильѣ и въ Кадиксѣ и конфисковать ихъ имущество. Испанскому правительству было извѣстно, что Испанія сама далеко не въ силахъ была удовлетворить возраставшимъ требованіямъ ея обширныхъ колоній, и не желая обнаруживать передъ ними несостоятельности метрополіи, оно допускало контрабанду тѣмъ охотнѣе, что само извлекало изъ нея огромныя денежныя выгоды и пріобщало къ выгодамъ чужеземныхъ купцовъ купечество Кадикса. Страшная подкупность испанскихъ чиновниковъ, высшихъ и низшихъ таможенныхъ властей также не мало благопріятствовала усиленію контрабанды. Собственно говоря, по закону всѣ товары, нагруженные въ Кадиксѣ для испанскихъ колоній въ Америкѣ и обратно для отправленія въ Кадиксъ, должны были быть заносимы въ списки или реэстры, выданные изъ Casa de la contratacion, и реэстры эти должны были пересылаться въ Америку и обратно для провѣрки прибывшихъ товаровъ. Сначала законъ этотъ соблюдался въ полной строгости, и всякій не реэстрованный товаръ тотчасъ подвергался конфискаціи; но мало по малу это сдѣлалось пустою формальностью и, наконецъ, вовсе перестало соблюдаться, и англійскіе, голландскіе и французскіе купцы нагружали свои товары прямо на галлеоны, уже не думая заносить ихъ въ реэстры.

Когда въ гавань Кадикса прибывало купеческое судно изъ Америки, таможенныя власти нарочно медлили осмотромъ прибывшихъ товаровъ, чтобы дать этимъ время заинтересованнымъ въ нихъ купцамъ выгрузить запрещенные товары; наконецъ, купцы вступали въ прямую сдѣлку съ высшими таможенными властями и условливались въ количествѣ тюковъ съ товаромъ, которые желали они предъявить въ таможнѣ. Тогда таможня составляла оптовый счетъ, не разсматривая въ частности ни количества, ни качества нагруженнаго товара по его спеціальностямъ, и этотъ счетъ, который иногда не представлялъ и двадцатой части дѣйствительнаго количества товаровъ, представлялся въ таможню, и по немъ взимались узаконенныя пошлины; тогда только выгружались тюки для провѣрки, и если открывалось большее количество товаровъ, чѣмъ было предъявлено въ таможнѣ, то вмѣсто конфискаціи ихъ, довольствовались прибавленіемъ пошлины за не предъявленный товаръ, при чемъ нерѣдко и самый осмотръ тюковъ вовсе не производился.

Чтобы вознаградить себя за допущеніе de facto несомнѣнно существовавшей контрабанды, испанское правительство, въ лицѣ консульства Кадикса, облагало каждый разъ галлеоны и флотъ, при отпра-

вленіи ихъ съ товарами изъ Кадикса, особенною пошлиной подъ именемъ indulto въ пользу королевской казны, при чемъ купцы открыто сообщали консульству свои конторскія книги и вносили налогъ соразмѣрно съ ожидаемою прибылью. Оплата пошлиной оптоваго количества товаровъ, уплата такъ-называемаго индульта освобождала отъ уплаты пошлинъ съ каждаго спеціальнаго рода товаровъ. Конечно, въ дѣйствительности купцы Кадикса платили этотъ налогъ не изъ своихъ кармановъ, а на счетъ чужеземныхъ купцовъ, торговавшихъ подъ ихъ фирмами. Въ концѣ XVII вѣка индульто составляло въ общей сложности сумму отъ 600—700 тысячъ экю; но это только та сумма, которая поступала въ королевскую казну; въ дѣйствительности же она доходила до милліона экю, и даже болѣе; но весь этотъ излишекъ поступалъ къ высшимъ таможеннымъ властямъ, къ различнымъ членамъ консульства, которые въ свою очередь должны были богатыми подарками ублажать министровъ и покупать ихъ молчаливое согласіе на все. Мало по малу чужеземцы стали вовсе обходить посредничество купцовъ Кадикса и непосредственно сбывать свои товары въ испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ. Это началось еще въ царствованіе Филиппа III. Всего легче это было, конечно, для Португальцевъ, которые легко могли провезти товары другихъ западноевропейскихъ рынковъ въ Перу черезъ Бразилію и по Ріо-де-ла-Платѣ.

Принадлежавшее Португальцамъ въ концѣ XVII вѣка право на ассіенто еще болѣе облегчало имъ контрабанду и въ остальныхъ испанскихъ колоніяхъ Америки. Но страшная подкупность испанскихъ властей во всѣхъ портахъ Америки значительно облегчала и контрабанду для всѣхъ чужеземныхъ купцовъ. Такъ какъ губернаторы портовъ, также какъ и вообще всѣ должностныя лица, кромѣ вице-королей Перу и Мексики, пріобрѣтали свои должности посредствомъ купли, то они и старались выручить съ лихвою сумму, уплаченную ими совѣту Индіи [1]). Въ каждомъ портѣ находились спеці-

---

[1]) Подобный взглядъ на губернаторовъ высказанъ, между прочимъ, въ письмѣ директора компаніи торговли Неграми къ канцлеру Поншартрену: „On peut dire avec assurance, que les gouverneurs qui succèdent les uns aux autres au gouvernement des Indes d'Espagne, y ammassent des richesses immenses pendant les cinq années de leur gouvernement par toutes sortes et de concussions envers les peuples et par les dissipations des fonds du roi, qu'ils tournent en entier à leur profit". *Louville*, Mémoires, t. I. Pièces diverses recueuillies par marquis de Louville. Lettre du directeur de l'assiento de Negros à M. le chancelier de Pontchartrain. Paris, 18 oct. 1710.

ально для контроля надъ контрабандой три коррежидора или королевскіе судьи; они присылались обыкновенно изъ Испаніи и, по истеченіи пяти лѣтъ, должны были оставлять свою должность. Не смотря на то, они успѣвали страшно обогащаться, дѣйствуя заодно съ губернаторами и не упуская случая самимъ покупать и перепродавать контрабандный товаръ. Губернаторы наживали по нѣскольку сотъ тысячъ экю, а вице-короли выручали изъ контрабанды цѣлые милліоны [1]), хотя они одного жалованья получали по 60.000 піастровъ въ годъ [2]). Во время морскихъ войнъ вице-короли Мексики и Перу, ссылаясь на печальную необходимость и заботясь болѣе объ интересахъ подчиненныхъ имъ владѣній, чѣмъ ихъ метрополіи, прямо разрѣшали своимъ подданнымъ вести открыто торговлю съ нейтральными европейскими державами на все время, по крайней мѣрѣ, на которое прерывались непосредственныя сношенія съ метрополіей.

Но особенно сильную поддержку для контрабанды составили для западно-европейскихъ народовъ тѣ завоеванія въ Восточной Индіи, которыя во второй половинѣ XVII вѣка сдѣланы были Франціей, Англіей и Голландіей. Франція еще въ началѣ правленія Людовика XIV пріобрѣла Мартинику, Гваделупу и западную часть Гаити. Голландцы основали свои поселенія на островахъ св. Евстафія и Курасао; для Англичанъ же важными передовыми постами контрабанды сдѣлались острова Барбадосъ, Сентъ-Кристофъ, Антигоа и въ особенности Ямайка, пріобрѣтенная въ правленіе Кромвеля [3]). Отсюда отправляли Англичане къ берегамъ Мексики небольшія суда (chalandres) съ товаромъ, и если случалось, что испанскія суда начинали ихъ преслѣдовать, то маленькія флотиліи силою отражали нападенія Испанцевъ и не разъ заставляли ихъ удаляться. Направляясь медленно вдоль береговъ, небольшія суда съ контрабандой останавливались въ извѣстномъ разстояніи отъ берега, и по данному знаку являлись туземные жители и тутъ поспѣшно покупали необходимые товары и тайно возвращались во свояси. Особенно много сбывали Англичане суконныхъ мануфактуръ чрезъ Ямайку. Съ каждымъ годомъ контрабанда

---

[1]) *Weiss* II, p. 126.

[2]) *Roscher*, Colonien, S. 195.

[3]) *Taube*, Geschichte der englischen Handelsschaft, S. 71, auch S. 59. „Seit Karl's II Regierung war Iamaica Barbados, Antigua und die uebrigen Antilischen Inseln der Engländer eine Hauptquelle ihres Reichthumsevesen“. *Raynal*, t. VII, p. 265.

принимала все болѣе широкіе размѣры. Изъ одной Ямайки такъ много доставлялось товаровъ въ Америку, что обратный вывозъ изъ Ямайки въ Англію сталъ простираться до 6-ти милліоновъ піастровъ (31.200,000 франковъ) въ годъ. Мало того: утвердившись на Ямайкѣ, откуда они пріобрѣтали господство надъ всѣмъ Мексиканскимъ заливомъ, и мимо которой проходили всѣ испанскія суда, отправлявшіяся изъ Перу или изъ Мексики въ Испанію, Англичане подстерегали ежегодно возвращавшіяся галлеоны, чтобы захватывать ихъ богатую добычу или хоть погубить испанскій флотъ. Такія нападенія на испанскіе галлеоны не разъ были предпринимаемы англійскимъ флотомъ. Такъ было во время войны Англіи съ Испаніей при Кромвелѣ. Первое нападеніе на галлеоны, отправлявшіеся изъ Лимы въ Испанію, доставило англійскому флоту добычу въ два милліона фунтовъ стерлинговъ слитками золота. Второе нападеніе въ 1657 году кончилось тѣмъ, что адмиралы Блэкъ и Штейнеръ сожгли испанскій флотъ, стоявшій на якорѣ въ гавани Тенерифа [1]). Но хотя Англія не надолго сохранила это временное господство на Атлантическомъ океанѣ, тѣмъ не менѣе контрабандная торговля съ Испанскою Америкой не уменьшалась, а росла также, какъ и торговля Голландіи и Франціи съ ними. Снабжаемыя вдоволь всѣми необходимыми товарами путемъ контрабанды, стало быть, наиболѣе дешевымъ способомъ, испанскія колоніи въ Америкѣ перестали покупать товары, привозимые испанскими галлеонами и флотомъ; прежнія ежегодныя ярмарки въ Вера-Круцѣ и Портобелло опустѣли, и уже въ концѣ правленія Филиппа IV галлеоны должны были по нѣскольку лѣтъ выжидать прибытія американскихъ кораблей.

Во избѣжаніе томительнаго выжиданія, галлеоны стали отправляться въ Америку изъ Кадикса уже не ежегодно, какъ то бывало прежде, а разъ въ пять или шесть лѣтъ, а англійскіе, голландскіе и французскіе купцы пользовались этими долгими промежутками и переполняли американскіе рынки своими товарами. Контрабандѣ открылось такимъ образомъ еще болѣе широкое поле, особенно для Англіи.

---

[1]) *Villemain*, Hist. de Cromvell, II, p. 135 etc.

X.

Переговоры Людовика XIV съ Вильгельмомъ III о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства.

Людовикъ XIV до той минуты, когда онъ получилъ несомнѣнное извѣстіе о завѣщаніи Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго, не былъ и не могъ быть увѣренъ въ благопріятномъ для него разрѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ.

Напротивъ того, ему было извѣстно, что Карлъ II лично симпатизировалъ курфюрсту Баварскому, и что онъ или назначитъ своимъ наслѣдникомъ, слѣдуя личному своему желанію, сына курфюрста Баварскаго, или, уступая вліянію королевы, невѣстки императора Леопольда, втораго сына его, эрцгерцога Карла. Поэтому, не смотря на существовавшій уже вышеизложенный договоръ о раздѣлѣ съ Германскимъ императоромъ, Людовикъ XIV, тотчасъ послѣ заключенія Рисвикскаго мира, вступилъ съ Вильгельмомъ III Оранскимъ въ переговоры о новомъ проектѣ раздѣленія Испанской монархіи.

Давно уже заключенный съ императоромъ договоръ о раздѣлѣ потерялъ свой смыслъ: въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могъ имѣть договоръ послѣ Рисвикскаго мира, когда, вопреки различнымъ статьямъ его, Людовикъ XIV систематически нарушалъ права императора и даже въ мирное время захватывалъ у Германіи различные города, опираясь лишь на беззаконные приговоры учрежденныхъ имъ воссоединительныхъ палатъ?

Не говоря уже о глубокой враждѣ, которую продолжительныя войны породили между Людовикомъ XIV и Леопольдомъ за 30 лѣтъ, протекшихъ со времени заключенія между ними договора о раздѣлѣ, положеніе Европы, а также претендентовъ на испанское наслѣдство, существенно измѣнилось. Франція лишилась всѣхъ своихъ прежнихъ союзниковъ и друзей и очутилась въ совершенно изолированномъ положеніи: на англійскомъ престолѣ мѣсто заискивавшихъ у Людовика XIV Стюартовъ занялъ заклятый врагъ его Вильгельмъ Оранскій; старинная дружба Голландіи перешла въ ненависть; постоянная союзница Франціи—Швеція была занята собственными дѣлами; Рейнскій союзъ, во главѣ котораго стояла Франція, распался, и Германія, изъ страха передъ Франціей, тѣснѣе примкнула къ Австріи. При такомъ положеніи Франціи въ средѣ европейскихъ государствъ, Леопольдъ

могъ разчитывать, по видимому, на сильную поддержку своихъ притязаній въ спорѣ за испанское наслѣдство съ Людовикомъ XIV. Но и число кандидатовъ на наслѣдство увеличилось съ рожденіемъ принца Баварскаго, внука императрицы Маргариты (сестры Французской королевы Маріи Терезіи), отъ которой, при ея вступленіи въ бракъ, не было потребовано отреченія отъ наслѣдства. Измѣнились также и намѣренія императора Леопольда. Когда онъ въ 1668 году согласился на предложенный ему Людовикомъ XIV договоръ о раздѣлѣ, у него не было дѣтей. Съ тѣхъ поръ у него родилась дочь Марія-Антуанетта, которая въ 1685 году вышла замужъ за курфюрста Баварскаго, а отъ втораго брака—два сына, Іосифъ и Карлъ.

Леопольдъ считалъ себя единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Испанской монархіи и это наслѣдство желалъ передать своему второму сыну Карлу. Для осуществленія этой цѣли онъ готовъ былъ начать борьбу съ оружіемъ въ рукахъ.

Убѣдившись въ безсиліи императора, Людовикъ XIV не придавалъ уже большаго значенія противодѣйствію его въ рѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, хотя онъ и былъ самымъ важнымъ соперникомъ Французскаго короля при дѣлежѣ этого наслѣдства. Людовикъ XIV зналъ, что наиболѣе энергичный отпоръ своимъ притязаніямъ на это наслѣдство встрѣтитъ онъ со стороны морскихъ державъ, во главѣ которыхъ стоялъ Вильгельмъ III, и потому съ нимъ-то и считалъ онъ нужнымъ вступить въ переговоры, его желалъ онъ привлечь на свою сторону, чтобы, заручившись его согласіемъ на раздѣлъ испанскаго наслѣдства, получить хотя бы часть Испанской монархіи, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ, что ему удастся получить все наслѣдство путемъ дипломатическихъ интригъ или оружіемъ. Но если, съ одной стороны, для Людовика XIV, не считавшаго Францію подготовленною уже для новой войны съ обширною коалиціей, важно было предупредить эту войну переговорами съ Вильгельмомъ III о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, то, съ другой стороны, понятно, что такой проницательный и искусный политикъ, какъ Вильгельмъ III, не могъ не предвидѣть того страшнаго переворота, который долженъ былъ произойдти въ политическомъ мірѣ Европы вслѣдствіе такого важнаго событія, какъ смерть послѣдняго короля Испаніи изъ дома Габсбурговъ.

Между тѣмъ, въ началѣ 1698 года болѣзненное состояніе Карла II, слабость его на столько увеличилась, что смерть его казалась ужь

очень близкою. Поэтому Вильгельмъ III считалъ полезнымъ принять заблаговременно необходимыя мѣры для предупрежденія новой всеобщей войны. Противопоставить силу силѣ, то-есть, противодѣйствовать завоевательнымъ или честолюбивымъ стремленіямъ Людовика XIV съ оружіемъ въ рукахъ, Вильгельмъ III въ это время не имѣлъ ни малѣйшей возможности, вслѣдствіе систематической оппозиціи торійскаго парламента, относившагося къ Вильгельму крайне недовѣрчиво. Такимъ образомъ, отчаяваясь въ возможности найдти поддержку въ парламентѣ для вооруженнаго сопротивленія Людовику XIV, Вильгельмъ III обратился къ дипломатіи, въ которой онъ могъ смѣло потягаться съ Людовикомъ XIV. Вильгельму III въ его трудномъ положеніи казалось какъ нельзя болѣе умѣстнымъ начать по поводу испанскаго наслѣдства переговоры съ Людовикомъ XIV, согласиться съ нимъ на счетъ предстоящаго образа дѣйствія и, пользуясь благопріятными обстоятельствами, выговорить извѣстныя выгоды въ пользу Англіи и Голландіи [1]).

Чрезъ Портланда, чрезвычайнаго посла своего во Франціи, Вильгельмъ III сталъ зондировать дипломатическую почву. Портландъ сталъ завѣрять Версальскій дворъ, что государь его желалъ, искалъ случая заслужить дружбу короля Франціи. И такъ какъ этотъ посолъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Вильгельма III, то нечего было и сомнѣваться, что онъ былъ посланъ съ какимъ-либо важнымъ порученіемъ.

Эти обстоятельства, при искреннемъ желаніи поддержать миръ, побудили Людовика XIV рѣшиться предложить Вильгельму III раздѣлъ Испанской монархіи въ томъ же духѣ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ было это сдѣлано въ 1668 году съ императоромъ Леопольдомъ [2]).

Веденіе переговоровъ объ упомянутомъ раздѣлѣ съ полномочнымъ посломъ Англійскаго короля было возложено Людовикомъ XIV на

---

[1]) Mémoires du marquis de *Torcy*, t. I, p. 41—42. По вопросу о томъ, кому принадлежала иниціатива въ переговорахъ о раздѣлѣ Испанской монархіи, ср. также *Saint-Simon*, Mémoires, II, 442—445.

[2]) Въ изложеніи переговоровъ о раздѣлѣ мы слѣдовали, главнымъ образомъ, мемуарамъ Торси, разказъ котораго, какъ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ рѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, заслуживаетъ большаго довѣрія и оправдывается почти во всѣхъ подробностяхъ свидѣтельствами другихъ современниковъ.

его двухъ министровъ, Помпонна и Торси. Это было въ мартѣ 1698 года.

Графъ Талларъ, маршалъ, а потомъ и пэръ Франціи, назначенный Людовикомъ XIV въ качествѣ чрезвычайнаго посла его въ Англіи при Вильгельмѣ III, былъ отправленъ въ Лондонъ съ инструкціей узнать мнѣніе Англійскаго короля по поводу тайнаго предложенія, сдѣланнаго послу его Портланду. Отвѣтъ, полученный отъ Вильгельма III чрезъ посла его, гласилъ, что онъ не ожидалъ такого предложенія, какое сдѣлано было послу его, но что онъ все-таки можетъ увѣрить короля Франціи, что онъ, Вильгельмъ III, всѣми силами готовъ содѣйствовать къ поддержанію мира; онъ-де вѣритъ также искреннему горячему желанію мира со стороны Людовика XIV и подобно королю Франціи, желалъ бы найдти мѣры, могущія предупредить послѣдствія предстоящей смерти испанскаго короля, но впрочемъ самъ не можетъ предложить никакой соотвѣтствующей мѣры, не зная ни того, что̀ думаетъ Людовикъ XIV, ни того, что̀ кажется ему наиболѣе подходящимъ средствомъ при данномъ положеніи вещей; поэтому Вильгельмъ III желалъ прежде всего получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія отъ самаго Людовика XIV относительно его предположеній. Портландъ, сообщая Людовику XIV отчетъ о полученныхъ имъ отъ Вильгельма III приказаніяхъ, увѣрилъ Людовика XIV, что король Англіи будетъ хранить въ глубокой тайнѣ то предложеніе, которое его величество, король Франціи, довѣритъ ему, Портланду, и что онъ надѣется болѣе, чѣмъ кто-либо, успѣть въ этихъ переговорахъ, такъ какъ ему особенно хорошо извѣстны мысли его государя относительно вопроса, подавшаго поводъ къ переговорамъ. Черезъ нѣсколько времени министры Людовика XIV сообщили Портланду, что его величество, обсудивъ хорошо положеніе Европы, и самъ находитъ, что присоединеніе Испаніи и зависящихъ отъ нея владѣній къ Франціи ли, или къ Австріи подъ владычествомъ императора, во всякомъ случаѣ возмутило бы всѣ государства Европы, что его величество, впрочемъ, и не имѣлъ въ виду вовсе такого соединенія Испаніи и Франціи, при которомъ онѣ составляли бы отнынѣ какъ бы единую монархію; но такъ какъ справедливость требовала, чтобы дофину сохранены были его законныя права на испанское наслѣдство, то онъ довольствовался бы только признаніемъ его права, а затѣмъ отказался бы отъ него тотчасъ въ пользу младшаго изъ своихъ сыновей. Такимъ образомъ, монархіи Французская

и Испанская остались бы навсегда различными и раздѣльными [1]). Для успокоенія же Англіи и Голландіи относительно Испанскихъ Нидерландовъ на тотъ случай, еслибъ они перешли подъ власть государя изъ фамиліи Бурбоновъ, Людовикъ XIV предложилъ уступить Нидерланды курфюрсту Баварскому, сосѣдство котораго не могло внушить опасеній ни Голландіи, ни Англіи.

Портландъ, выслушавъ эти предложенія, просилъ, чтобъ они были сообщены ему письменно для отправленія ихъ въ Лондонъ, хотя его личное убѣжденіе было таково, что ни король Англіи, да и ни одно изъ государствъ Европы не согласятся допустить правъ французскаго принца на испанское наслѣдство, что соединеніе обѣихъ монархій всегда будетъ въ глазахъ Европы предметомъ, возбуждающимъ ужасъ (un objet formidable), и что никакая предосторожность не успокоитъ этого справедливаго страха, какія бы условія ни предлагалъ Людовикъ XIV Европѣ, чтобы разсѣять ужасъ, который несомнѣнно вызоветъ тѣсное соединеніе Франціи и Испаніи. Портландъ заявлялъ впрочемъ, что это только его личное мнѣніе, и что истинныя намѣренія его государя ему неизвѣстны. Наконецъ, Вильгельмъ III самъ далъ отвѣтъ французскому посланнику Таллару. Онъ сказалъ, что, по общему мнѣнію, отказъ покойной королевы Маріи-Терезіи отъ правъ своихъ на испанское наслѣдство считается имѣющимъ законную силу, но, прибавилъ Вильгельмъ,—такой вопросъ будутъ рѣшать не адвокаты и законовѣды, и есть основаніе опасаться, чтобы необходимость не заставила прибѣгнуть къ оружію. Онъ увѣрялъ, что желалъ поддержать миръ, что самыя лѣта его заставляютъ уже его желать мира, но что при этомъ онъ долженъ интересы Англіи и Голландской республики ставить выше всякаго другаго соображенія. Онъ не отрицалъ того, что въ началѣ послѣдней войны съ Франціей онъ вступилъ было въ нѣкоторые переговоры съ императоромъ относительно испанскаго наслѣдства, но, не пускаясь въ подробности, онъ сказалъ, что считаетъ очень умѣстнымъ уступить курфюрсту Баварскому Испанскіе Нидерланды, вмѣстѣ еще съ нѣкоторыми пунктами, которыми Людовикъ XIV долженъ былъ бы пожертвовать для упроченія „барьера“, что такимъ образомъ можно было бы успокоить Соединенные Штаты Нидерландовъ. По мысли Вильгельма III можно было дать

---

[1]) Mémoires du marquis de *Torcy*, Collection *Petitot*, I, p. 41—42: „Ainsi la monarchie de France et d'Espagne demeureraient toujours distinctes et separées“.

Испанію съ Индіями одному изъ сыновей дофина, Италію же—эрцгерцогу Карлу, затѣмъ условиться относительно торговаго договора съ Англіей и Голландіей и уступить той и другой пункты, которые могли бы обезпечить имъ торговлю въ Средиземномъ морѣ, также какъ и въ западныхъ Индіяхъ [1]).

Талларъ далъ отчетъ Людовику XIV объ отвѣтѣ Англійскаго короля, и Людовикъ XIV поручилъ своему послу продолжать въ Лондонѣ и окончить начатые по вопросу о раздѣлѣ Испанской монархіи переговоры. Но успѣхъ этихъ переговоровъ зависѣлъ еще отъ того, какъ посмотрятъ на нихъ Генеральные Штаты Нидерландовъ.

Вильгельмъ III, увѣренный въ своемъ авторитетѣ въ Соединенныхъ Штатахъ Нидерландовъ, взялся побудить ихъ примкнуть къ договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, и когда Вильгельмъ III отправился въ Голландію, Талларъ послѣдовалъ за нимъ [2]). Тамъ переговоры продолжались довольно успѣшно, хотя и на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, которые были допущены Вильгельмомъ Ш. Наконецъ, результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ явился первый договоръ о раздѣлѣ Испанской монархіи между внукомъ Людовика XIV Филиппомъ Анжуйскимъ, принцемъ Баварскимъ и эрцгерцогомъ Карломъ, сыномъ Леопольда. 11-го октября 1698 года договоръ этотъ былъ подписанъ въ Гагѣ.

Договоръ о раздѣлѣ [3]) состоитъ изъ 15 статей, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь только главныя. Въ силу первой статьи, договаривающіяся державы обѣщаются поддерживать прочность Рисвикскаго мира и дѣлать всегда другъ для друга все то, что они только въ состояніи будутъ, для содѣйствія взаимнымъ выгодамъ. Вторая статья гласитъ, что главная цѣль договаривающихся державъ есть поддержаніе спокойствія Европы. Предвидя близкую смерть короля Испаніи, они считаютъ необходимымъ предупредить ея послѣдствія,

---

[1]) *Torcy*, Mémoires, t. I, p. 43 и 44: «On pouvait, selon sa pensée, donner l'Espagne et les Indes à l'un des princes fils de M. le dauphin, les états d'Italie à l'archiduc, convenir enfin du traité de commerce avec l'Angleterre et la Hollande, et donner à l'une et à l'autre des places de sureté pour négocier dans la Mediterannée, ainsi qu'aux Indes occidentales. Ср. *Grimblot*, I, 365 и 369. Письмо Таллара къ Людовику XIV отъ 11-го апрѣля 1698 г.

[2]) Ibidem, p. 47.

[3]) *Dumont*. Corps universel diplomatique, t. III, partie II, p. 442—444... Premier traité de partage pour la succession d'Espagne, fait et conclu à la Haye le 11 octobre 1698 avec les articles secrets etc.

такъ какъ отсутствіе прямыхъ наслѣдниковъ у короля Испанскаго должно неизбѣжно вызвать новую войну, если Людовикъ XIV, императоръ Германскій и курфюрстъ Баварскій будутъ каждый поддерживать свои права и притязанія на все испанское наслѣдство. Итакъ, желая болѣе всего сохранить общественное спокойствіе и воспрепятствовать новой европейской войнѣ улаженіемъ споровъ и недоразумѣній, могущихъ возникнуть изъ-за испанскаго наслѣдства и изъ опасенія видѣть столь великія и обширныя владѣнія соединенными подъ властію одного государя, договаривающіяся державы нашли умѣстнымъ въ силу третьей статьи принять справедливыя и разумныя мѣры для предупрежденія тѣхъ несчастій, которыя могли бы произвести смерть короля Испанскаго, еслибъ онъ умеръ бездѣтнымъ. Вотъ почему — говорится въ слѣдующей статьѣ — было опредѣлено, чтобы въ случаѣ смерти Карла II, Людовикъ XIV, какъ отъ своего имени, такъ и за дофина и за все свое потомство, считалъ себя удовлетвореннымъ слѣдующими владѣніями, предоставленными ему данною статьей о раздѣлѣ, а именно: a) королевство Неаполь и Сицилія; b) пункты, зависимые въ то время отъ Испанской монархіи, расположенные на берегу Тосканы также, какъ и близлежащіе острова (Сентъ-Этьенъ, Орбителло и др.); c) городъ и маркизатство Финалъ; d) провинція Гвипускоа, преимущественно же города Фантарабія и Санъ-Себастіанъ и проч. За все это Людовикъ XIV, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени дофина и всего своего настоящаго и даже будущаго потомства, обѣщаетъ и обязывается отказаться навсегда отъ всѣхъ правъ и притязаній на испанскую корону и всѣ зависимыя отъ нея владѣнія. Въ силу пятой статьи, старшій сынъ Баварскаго курфюрста Іосифъ-Фердинандъ объявляется наслѣдникомъ всей остальной части Испанской монархіи, за исключеніемъ Милана, предоставленнаго, согласно шестой статьѣ договора, въ пользу эрцгерцога Карла. По смыслу девятой статьи, если бы Германскій императоръ или герцогъ Баварскій отказались примкнуть къ соглашенію о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, то они теряютъ право на выговоренныя въ ихъ пользу земли, которыя будутъ въ такомъ случаѣ управляться вице-королями, губернаторами или намѣстниками, назначаемыми со стороны короля Испаніи; а еслибъ устраненные такимъ образомъ отъ участія въ дѣлежѣ императоръ Германскій или герцогъ Баварскій вздумали силою овладѣть тѣмъ, что̀ выговорено было на ихъ долю или чужою долею, то короли Франціи и Англіи, совмѣстно съ

Генеральными Штатами Нидерландовъ, воспрепятствуютъ этому всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами.

Къ этому первому договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства присоединены были еще двѣ секретныя статьи слѣдующаго содержанія: 1) Въ случаѣ смерти короля Испаніи, курфюрстъ Баварскій дѣлается опекуномъ и попечителемъ (tuteur et curateur) своего сына до достиженія послѣднимъ совершеннолѣтія, и въ продолженіе этого времени курфюрсту будетъ предоставлено управленіе всѣми владѣніями Испанской монархіи, уступленными по договору въ пользу его сына. 2) Въ случаѣ смерти принца Баварскаго безъ наслѣдниковъ, его курфюршеское высочество будетъ ему наслѣдовать въ обладаніи и пользованіи всѣми тѣми королевствами и землями, которыя даны были его сыну, и онъ, курфюрстъ, будетъ имѣть полное право передать ихъ потомъ своимъ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. Договаривающіяся державы обязываются къ тому же поддержать всѣми своими сухопутными и морскими силами порядокъ, устанавливаемый этою статьею относительно Испанской монархіи, порядокъ, относительно котораго договаривающіяся державы пришли къ единодушному соглашенію.

Но принцъ Баварскій, который по договору о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, долженъ былъ получить бо́льшую часть Испанской монархіи, а по желанію самаго Карла II и всю его монархію [1]), не воспользовался ничѣмъ: онъ умеръ четыре мѣсяца спустя послѣ заключенія перваго договора о раздѣлѣ (8-го февраля 1699 года). Теперь необходима была новая политическая комбинація, и Людовикъ XIV съ Вильгельмомъ III принялись за составленіе новаго договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Послѣ долгихъ переговоровъ между ними, 13-го марта 1700 года былъ подписанъ въ Гагѣ второй договоръ о раздѣлѣ [2]). Договоръ этотъ состоитъ изъ 16 статей. Большинство изъ нихъ буквально сходны съ соотвѣтствующими статьями

---

[1]) Извѣстно, что 14-го ноября 1698 г. Карлъ II явился неожиданно въ государственный совѣтъ и съ твердостію, которая ему обыкновенно вовсе не была свойственна, заявилъ, что онъ рѣшился провозгласить своимъ наслѣдникомъ принца Баварскаго, и затѣмъ заставилъ своего секретаря по тайнымъ дѣламъ донъ Антоніо Убиллу прочесть завѣщаніе. Никто не возражалъ. См. *Hippeau*, Avénement des Bourbons au trône d'Espagne. I, p. 258 и 259. Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 20 и 29 novembre 1699.

[2]) *Dumont*, Corps universel diplomatique, VII, p. 477—479. Second traité de partage pour la succession d'Espagne etc.

перваго договора о раздѣлѣ. Изъ статей, прибавленныхъ вновь и вызванныхъ перемѣной обстоятельствъ вслѣдствіе смерти принца Баварскаго, важны особенно слѣдующія: Въ силу шестой статьи испанскую корону вмѣстѣ съ Индіями и Испанскими Нидерландами долженъ былъ получить эрцгерцогъ Карлъ, а герцогство Миланъ предполагалось уступить герцогу Лотарингскому въ замѣнъ его владѣній, которыя были назначены, въ силу четвертой статьи договора, дофину Франціи вмѣстѣ съ королевствами Неаполемъ и Сициліей, съ пунктами, расположенными на берегу Тосканы, съ маркизатомъ Финалъ и провинціей Гвипускоа. Въ седьмой статьѣ говорится слѣдующее: „Непосредственно послѣ обмѣна ратификацій даннаго договора будетъ сдѣлано о немъ сообщеніе императору, который будетъ приглашенъ присоединиться къ договору. Но если въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, считая со дня опубликованія договора, императоръ будетъ отказываться примкнуть къ договору и не согласится довольствоваться долею, выдѣленною въ пользу эрцгерцога по договору, то договаривающіяся державы сами между собою согласятся относительно того, какому государю отдать долю эрцгерцога. Въ случаѣ же, если послѣдній, помимо предлагаемаго соглашенія, захотѣлъ бы овладѣть выпавшею на его долю частью Испанской монархіи, прежде чѣмъ онъ примкнетъ къ этому договору, или тою частью, которая была назначена дофину или герцогу Лотарингскому, то договаривающіяся державы воспрепятствуютъ этому всѣми ихъ силами. Но особенно важное значеніе въ этомъ второмъ договорѣ о раздѣлѣ имѣетъ статья девятая: Еслибъ эрцгерцогъ Карлъ умеръ бездѣтнымъ до или послѣ смерти католическаго короля (то-есть, Карла II), то назначенная ему этимъ договоромъ доля переходитъ къ одному изъ остальныхъ дѣтей Германскаго императора, все равно мужскаго или женскаго пола, по назначенію самого императора. Въ случаѣ же, если бы самъ императоръ умеръ, то назначеніе должно быть сдѣлано его преемникомъ, но все это съ условіемъ, что упомянутая часть раздѣла не перейдетъ къ лицу, которое будетъ въ то же время Австрійскимъ государемъ или королемъ Священной Римской имперіи, и что точно также никогда доля свѣтлѣйшаго эрцгерцога не достанется лицу, которое будетъ королемъ Франціи или дофиномъ, все равно по наслѣдству ли, по завѣщанію ли, по брачному ли договору, или какимъ бы то ни было другимъ путемъ [1]).

Не смотря на таинственность, съ которою ведены были переговоры

---

[1]) Ibidem, статья IX втораго договора о раздѣлѣ.

о раздѣлѣ между Людовикомъ XIV и морскими державами, сущность этихъ переговоровъ сдѣлалась скоро извѣстною, какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Мадридѣ. Понятно, что императоръ, считавшій еще со времени образованія Аугсбургской лиги Англію и Голландію своими союзницами, былъ очень возмущенъ ихъ соглашеніемъ съ Людовикомъ XIV объ испанскомъ наслѣдствѣ, право на которое было признано ими исключительно за императоромъ въ тайной статьѣ договора отъ 12-го мая 1689 г. [1]). Не довѣряя болѣе морскимъ державамъ, императоръ рѣшился ужь обратиться непосредственно къ Людовику XIV, хотя также не имѣлъ основанія питать къ нему довѣріе. Леопольдъ чрезъ Виллара, французскаго посла въ Вѣнѣ, а также чрезъ собственнаго посла въ Парижѣ, графа Цинцендорфа, предложилъ Людовику XIV помимо втораго договора о раздѣлѣ, имѣющаго быть обнародованнымъ, заключить съ нимъ другой тайный договоръ, въ силу котораго Миланская область была бы предоставлена Австрійскому дому, въ замѣнъ обѣихъ Индій и Нидерландовъ, которыя Вѣнскій дворъ охотно уступалъ Франціи, лишь бы пріобрѣсть столь желанную и важную для Австріи Миланскую область.

Но Людовикъ XIV, видя въ этомъ предложеніи Леопольда лишь тонкій маневръ, направленный къ тому, чтобы поссорить Францію съ Англіей и Голландіей или по крайней мѣрѣ дискредитировать Французскаго короля въ глазахъ морскихъ державъ, отказался вступить съ императоромъ въ какія-либо особыя тайныя сношенія и объявилъ, что не считаетъ возможнымъ сдѣлать хоть какое-либо измѣненіе въ послѣднемъ раздѣльномъ трактатѣ иначе, какъ съ согласія морскихъ державъ. Такимъ образомъ предложеніе императора ничего не измѣнило въ общемъ положеніи дѣла.

XI.

Побѣда французской дипломатіи при Мадридскомъ дворѣ и завѣщаніе испанскаго наслѣдства въ пользу Филиппа Анжуйскаго.

Если уже императоръ имѣлъ основанія быть недовольнымъ тайными переговорами Людовика XIV съ морскими державами о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, то можно себѣ представить, что̀ долженъ

---

[1]) *Dumont,* Corps universel diplomatique, VII, partie II, p. 241 и слѣд.

былъ испытывать несчастный, близкій къ могилѣ Карлъ II, когда онъ узналъ, что при его жизни и безъ его вѣдома другія державы уже успѣли распорядиться его добромъ! Уже узнавъ о первомъ раздѣлѣ, онъ былъ изумленъ и возмущенъ до глубины души, и тогда же, въ досадѣ на всѣхъ и въ особенности на Людовика XIV, окончательно рѣшилъ сдѣлать своимъ единственнымъ наслѣдникомъ Баварскаго принца. Когда-же затѣмъ, послѣ внезапной смерти послѣдняго, морскія державы, совмѣстно съ Людовикомъ XIV, не задумались снова раздѣлить, по собственному усмотрѣнію своему, роковое испанское наслѣдство, и когда извѣстіе объ этомъ второмъ раздѣльномъ трактатѣ пришло въ Мадридъ [1]), то оно вызвало порывъ негодованія даже въ изнемогающей душѣ Карла II и, правда на минуту, возбудило въ немъ энергію. Не только, впрочемъ, для короля, но и для всей испанской націи такое безцеремонное отношеніе къ испанскому наслѣдству было очень оскорбительно. Между тѣмъ Людовикъ XIV, со свойственными ему двуличіемъ и ловкостью, сумѣлъ отклонить отъ себя весь гнѣвъ Карла II и испанскаго народа и обратить все негодованіе ихъ противъ морскихъ державъ [2]). Посланники Англіи и Голландіи получили приказаніе выѣхать изъ Мадрида, а маркизъ Гаркуръ, посланникъ Людовика XIV, принимавшаго наиболѣе дѣятельное участіе въ составленіи договоровъ о раздѣлѣ или по крайней мѣрѣ не меньшее участіе, чѣмъ Вильгельмъ III и Гейнзіусъ, продолжалъ энергично свои происки при испанскомъ дворѣ, стараясь вліять на короля чрезъ наиболѣе приближеннаго къ нему архіепископа Толледскаго, кардинала Портокареро, котораго король, по словамъ маркиза Лувилля, любилъ какъ роднаго отца [3]). Съ другой стороны, Испанская королева, какъ невѣстка императора Леопольда, опираясь на свое личное значеніе въ глазахъ короля и поддержи-

---

[1]) Mémoires secrets du marquis de *Louville*. I, 88. По словамъ Лувилля, извѣстіе о заключеніи втораго раздѣльнаго трактата пришло въ Испанію сначала конфиденціально изъ Гаги, чрезъ посредство испанскаго резидента Квироса, а затѣмъ, оффиціально, изъ Версаля, чрезъ посланника Кастель досъ Ріосъ. Ср. *Torcy*, Mémoires pour servir à l'histoire des négociations, I, 93.

[2]) О раздраженіи въ Испаніи противъ Англіи уже по полученіи извѣстія о первомъ договорѣ о раздѣлѣ, см. Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 15 avril 1699. *Hippeau*, Avénement des Bourbons au trône d'Espagne, II, 63. Ср. также *Hippeau*, II, 22: Lettre du marquis d'Harcourt au roi 11 août 1699 «On a résolu de se plaindre hautement des Anglais et des Hollandais» etc.

[3]) Mémoires du marquis de *Louville*, I, 85.

ваемая преданнымъ ей духовникомъ набожнаго Карла II, старалась убѣдить послѣдняго въ необходимости составить скорѣе завѣщаніе въ пользу втораго сына императора, эрцгерцога Карла. Наконецъ, вліяніе королевы и пристрастіе самого Карла II къ родственному Австрійскому дому побудили его въ іюнѣ 1700 года подписать завѣщаніе всецѣло въ пользу эрцгерцога Карла. Такимъ образомъ, посолъ императора при Мадридскомъ дворѣ Гаррахъ старшій, высокомѣрный, мрачный, скупой Нѣмецъ, крайне непопулярный, не заботившійся ни о какой другой поддержкѣ, кромѣ содѣйствія королевы, могъ, по видимому, съ полнымъ основаніемъ считать дѣло императора Леопольда окончательно выграннымъ. Но теперь, когда, казалось, все было безповоротно рѣшено въ пользу сына Леопольда, между Мадридскимъ и Вѣнскимъ дворами началась длинная переписка, выдвинувшая много щекотливыхъ вопросовъ и непредвидѣнныхъ затрудненій, которые могли только окончательно уронить въ глазахъ Мадридскаго двора авторитетъ Германскаго императора и обнаружить все его безсиліе въ сравненіи съ Франціей.

Дѣло въ томъ, что, въ виду сосредоточенія французской пятидесятитысячной арміи на сѣверной границѣ Испаніи, а также въ виду приготовленія эскадры во французскихъ портахъ Средиземнаго моря, Карлъ II обратился съ просьбою къ императору, чтобъ онъ отправилъ въ Испанію вспомогательный десятитысячный корпусъ войскъ съ эрцгерцогомъ Карломъ во главѣ [1]). Между тѣмъ, императоръ боялся дать поводъ къ войнѣ, которая, по его убѣжденію, непремѣнно бы вспыхнула, еслибъ онъ согласился двинуть войско въ Испанію; поэтому онъ на отрѣзъ отказалъ испанскому королю въ военной помощи. Но, не полагаясь, кромѣ того, на совѣтъ Испанскаго короля, императоръ отказался также прислать и своего сына ко двору Мадридскому. Само собою разумѣется, подобный образъ дѣйствія со стороны императора долженъ былъ произвести на Мадридскій дворъ впечатлѣніе крайняго малодушія и уронить шансы эрцгерцога Карла. Не смотря на то, дѣло, надъ которымъ трудилась французская дипломатія, все-таки должно было считаться въ это время безвозвратно проиграннымъ, и требовалось много энергіи и дипломатическаго искусства для того, чтобы разрушить существующее уже завѣщаніе въ пользу эрцгерцога Карла, мало того—заставить слабаго, правда болѣзненнаго, но все-таки пассивно упорнаго Карла II самого отмѣ-

---

[1]) *Sirtema de Grovestins*, Guillaume III et Louis XIV, t. VII, p. 360 и слѣд.

нить, уничтожить свое прежнее рѣшеніе и составить новое завѣщаніе въ пользу принца изъ дома Бурбоновъ, на который онъ уже давно привыкъ смотрѣть самымъ враждебнымъ образомъ. Оказалось однако, что искусство французской дипломатіи и собственный интересъ испанскихъ грандовъ, особенно же опасенія за раздробленіе Испанской монархіи, въ случаѣ, если она достанется по завѣщанію эрцгерцогу Карлу, дали возможность окончательно восторжествовать при Мадридскомъ дворѣ сторонникамъ французскаго принца, именно Филиппа Анжуйскаго.

Зная честность и безкорыстіе почтеннаго старца Портокареро, рѣзко отличавшагося своимъ благороднымъ характеромъ отъ большинства испанскихъ грандовъ, ловкій Гаркуръ сумѣлъ привлечь его къ дѣлу Бурбоновъ, выставляя ему на видъ интересы самой Испаніи и то вліяніе, которое могло имѣть на цѣлость Испанской монархіи признаніе со стороны Карла II своимъ наслѣдникомъ внука Людовика XIV [1]). Гаркуръ старался ослѣпить Испанцевъ блескомъ и пышностью своей обстановки, старался внушить любовь къ французской націи и снискать расположеніе вельможъ своею щедростью [2]), обходительностью и очаровательною любезностью. Интриги маркиза Гаркура направлены были также къ тому, чтобъ ослабить, а если возможно, и совсѣмъ разстроить австрійскую партію, ратовавшую за эрцгерцога Карла, партію, во главѣ которой стояла слабая, безхарактерная королева. Преданныхъ королевѣ испанскихъ вельможъ, какими были, напримѣръ, Виллафранка и Медина Сидонія, Гаркуръ старался привлечь на свою сторону; другихъ, какъ Оропезу и великаго адмирала, натравить другъ на друга; имѣвшую громадное вліяніе на королеву фаворитку ея Берлепшъ, ненасытная жадность которой къ деньгамъ была хорошо извѣстна Гаркуру, удалось ему отвлечь щедрыми обѣщаніями баснословныхъ наградъ; наконецъ, даже самую королеву Гаркуръ пытался привлечь на сторону Бурбоновъ, обольщая ее, въ виду неминуемо близкой смерти Карла II,

---

[1]) Mémoires secrets du marquis de *Louville*, I, 86. «Le marquis de Harcourt abordait franchement ce vertueux prélat (Portocarero) au nom des intérets de l'Espagne, seule consideration, qui pût le toucher»

[2]) Относительно подкуповъ въ Испаніи со стороны Людовика XIV ср. *Haedeke*, Die Politik Oesterreichs in der spanischen Erbfolgefrage, I, 177, и *Hippeau*, Avénemeut des Bourbons au trône d'Espagne, I, 37. Lettre du roi au marquis d'Harcourt du 16 mars 1698: «Tout l'argent que je vous puis faîre remettre ne peut être employé qu'a des gratifications particulières»

перспективою брачнаго ложа овдовѣвшаго дофина [1]). Словомъ, все было пущено въ ходъ, чтобъ издалека и исподволь подготовить короля къ составленію новаго завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго.

Но какъ ни искусно была ведена интрига французской дипломатіи, все-таки должно признать, что успѣхъ ея обусловливался не столько маневрами тонкаго маркиза Гаркура, сколько тѣмъ рѣшительнымъ вліяніемъ, какое имѣло на окончательный исходъ дѣла объ испанскомъ наслѣдствѣ стремленіе къ сохраненію цѣлости Испанской монархіи, искренно озабочивавшее даже равнодушнаго ко всему въ мірѣ Карла II, особенно же его ближайшихъ совѣтниковъ и вообще всѣхъ испанскихъ грандовъ, которые принадлежали къ высшимъ правительственныхъ сферамъ Испанской монархіи и составляли какъ бы правительственную олигархію [2]). Нельзя также упустить изъ виду того, что безтактный образъ дѣйствій самой королевы и немногихъ приближенныхъ къ ней Нѣмцевъ, равно какъ высокомѣріе и скаредность императорскаго посла въ Испаніи, стараго графа Гарраха, а потомъ его сына, внушали отвращеніе всей испанской націи къ мысли объ австрійскомъ владычествѣ въ Испаніи, и что, напротивъ, кандидатура французскаго принца на испанскій престолъ была очень популярна въ массѣ испанскаго народа еще въ то время, когда былъ въ живыхъ Баварскій наслѣдный принцъ, имѣвшій, какъ мы знаемъ, наиболѣе шансовъ на полученіе испанской короны. По наблюденіямъ Стэнгопа, Испанская монархія уже въ 1698 году совершенно склонялась въ пользу кандидатуры внука Людовика XIV, считая ее возможною однако лишь при томъ условіи, чтобы признанный наслѣдникомъ испанской короны французскій принцъ никогда не могъ быть также и королемъ Франціи; въ противномъ случаѣ, они готовы были бы, говоритъ Стэнгопъ, скорѣе подчиниться діаволу, чѣмъ признать своимъ королемъ принца изъ дома Бурбоновъ [3]). „Если

---

[1]) Mémoires secrets du marquis de *Louville*. О готовности королевы въ половинѣ 1698 г. поддержать кандидатуру принца изъ дома Бурбоновъ см. *Haedeke*, I, 207 и *Hippeau*, I, 210. Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 7 Sept. 1698.

[2]) Лувилль, хорошо знавшій составъ и характеръ испанскаго правительства и испанскихъ грандовъ, которые при вступленіи на престолъ Филиппа Анжуйскаго пользовались наибольшимъ значеніемъ, характеризуетъ этихъ вельможъ, какъ «une véritable oligarchie».

[3]) Spain under Charles the Second, p. 133. Письмо Стэнгопа къ его сыну изъ Мадрида отъ 11-го іюня 1698 г.: «What I can discover of these people's

только Французскій король", пишетъ Стэнгопъ своему сыну,—„удовольствуется тѣмъ, чтобъ одинъ изъ младшихъ его внуковъ сдѣлался королемъ Испаніи, отказываясь отъ всякихъ притязаній на то, чтобы слить въ одно цѣлое обѣ монархіи, то онъ не встрѣтитъ никакой оппозиціи ни со стороны вельможъ, ни со стороны массы народа" [1]). Въ другомъ письмѣ того же 1698 года Стэнгопъ пишетъ: „Французы съ каждымъ днемъ все болѣе выигрываютъ, а Нѣмцы теряютъ" [2]). Супругу французскаго посланника и самого маркиза Гаркура при выѣздахъ ихъ народъ привѣтствуетъ восторженными кликами. Маркизу Гаркуръ народъ провожаетъ кликами: „Ахъ, какъ прекрасна, какъ прелестна она! Да благословитъ ее Богъ!" (Ah que linda, que hermosa que esta! Dios la bendiga!), а Гаркура привѣтствуютъ словами: „Да здравствуетъ господинъ посланникъ Франціи!" (Viva el sênor ambajador de Francia [3]).

Но какъ бы ни проявлялось благорасположеніе массы народа къ французскому посланнику и ко всей французской націи, несомнѣнно все-таки, что не отъ него зависѣло окончательное рѣшеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, такъ какъ народъ въ Испаніи давно уже лишенъ былъ всякаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Кортесы давно уже не созывались, и общественное мнѣніе въ Испаніи давно уже считалось ничего не значущимъ въ рѣшеніи судьбы родной земли. Въ дѣйствительности центръ тяжести хотя и слабой прави-

---

inclination is for a french prince provided they can be assured the same shale never be king of France. By that choice they think they schall secure peace and quietness at home; but they would rather have the devil than sec France and Spain united». Ср. также *Torcy*, Mémoires pour servir à l'histoire des négociations» etc., I, 89—91 и особенно 104. Письмо маркиза Гаркура къ Людовику XIV.

[1]) Spain under Charles the Second, p. 124 и 125 Alex. Stanhope to his son James Stanhope. Письмо отъ 14-го марта 1698 г.

[2]) *Stanhope*, 139. Письмо отъ 23-го іюля 1698 г. Ср. также *Haedeke*, Di Politik Oesterreichs in der Spanischen Erbfolgefrage, I, 194 и *Hippeau*, Avénement des Bourbons au trône d'Espagne, p. XLVII.

[3]) *Stanhope*, p. 139. Приведя эти привѣтственныя выраженія, Стэнгопъ сопровождаетъ ихъ отъ себя еще слѣдующимъ выраженіемъ: «These I loak on as artifices industriated yet their being well received show's the people's inclination». О настроеніи большинства народа въ Испаніи въ пользу принца изъ дома Бурбоновъ ср. также *Haedeke*, Die Politik Oesterreichs in der Spanischen Erbfolgefrage. I, 197 и *Hippeau*, Avènement des Bourbous au trône d'Espagne. Correspondance, I, 28, Lettre du marquis d'Harcourt au roi du 5 mai 1698.

тельственной власти находился въ государственномъ совѣтѣ. Члены же государственнаго совѣта, какъ и всѣ гранды, имѣвшіе значеніе въ высшей администраціи Испаніи, за исключеніемъ благороднаго кардинала Портокареро, имѣли въ виду главнымъ образомъ свои личные разчеты при рѣшеніи вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ: они опасались потерять свое прежнее значеніе въ государствѣ и всѣ свои высокія и столь прибыльныя мѣста въ качествѣ губернаторовъ, вице-королей и пр., въ случаѣ раздробленія Испанской монархіи или перехода ея къ принцу изъ Австрійскаго дома [1]). Даже вельможи, преданные въ началѣ королевѣ и принадлежавшіе къ австрійской партіи, рѣшились примкнуть къ группѣ вельможъ, стоявшей за передачу наслѣдства французскому принцу, когда настало время рѣшить вопросъ о средствахъ къ предотвращенію раздробленія Испанской монархіи, и когда вопросъ этотъ поставленъ былъ въ государственномъ совѣтѣ [2]).

Сенъ-Симонъ въ своихъ мемуарахъ подробно передаетъ весь ходъ доказательствъ и маневровъ, посредствомъ которыхъ партіи испанскихъ вельможъ, расположенной въ пользу французскаго кандидата, удалось склонить Испанскаго короля къ уничтоженію готоваго уже завѣщанія въ пользу эрцгерцога Карла и къ составленію новаго завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго. Особенно подробно описываетъ Сенъ-Симонъ засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ обсуждался вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ немногими посвященными въ тайну вопроса вельможами [3]). Мы передадимъ здѣсь почти словами Сенъ-Симона главное изъ его описанія засѣданій государственнаго совѣта, имѣвшихъ столь рѣшительное вліяніе на заключительный актъ въ разыгравшейся драмѣ, связанной съ вопросомъ объ испанскомъ наслѣдствѣ.

Прежде всего члены совѣта, въ виду того, что присутствіе короля въ засѣданіяхъ совѣта и участіе въ дебатахъ могло вредно отозваться на его слабомъ здоровьѣ, убѣдили Карла разрѣшить совѣту собираться, по мѣрѣ надобности, для обсужденія важнѣй-

---

[1]) Mémoires de *Saint-Simon*, III, chap., I; p. 9. ..... pour empêcher le demembrement de la monarchie et se conserver par lá toute leur grandeur particulière à eux mêmes, en demeurant sujets d'un aussi grand roi, qui retenant toutes les parties de tant de vastes états aurait à conférer les mêmes graces». Ср. *Torcy*, Mémoires, I, 101—102.

[2]) *Grimblot*, II, 553.

[3]) Mémoires de *Saint-Simon*, III, chap. I, p. 2—33.

шихъ дѣлъ безъ участія короля, съ тѣмъ, чтобъ ему представляемы были краткіе отчеты о результатахъ засѣданій совѣта и о тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя, по мнѣнію совѣта, необходимо будетъ принять съ соизволенія короля. Когда король далъ свое согласіе, въ засѣданіи государственнаго совѣта приступлено было къ обсужденію требовавшаго безотлагательнаго рѣшенія вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ. Первый поднялъ объ этомъ вопросъ Виллафранка, который, не смотря на то, что принадлежалъ сначала къ австрійской партіи, открылъ глаза своимъ сочленамъ на причины, по коимъ, въ ихъ собственныхъ интересахъ, должно быть признано желательнымъ уничтоженіе существующаго уже завѣщанія въ пользу эрцгерцога Карла и замѣна его завѣщаніемъ въ пользу внука Людовика XIV. Виллафранкѣ удалось склонить къ своему мнѣнію и Мединy-Сидонію, который въ началѣ также принадлежалъ къ австрійской партіи. Медина-Сидонія такъ проникся взглядами Виллафранки, что съ своей стороны представилъ очень убѣдительные доводы въ пользу предпочтенія французскаго принца эрцгерцогу австрійскому. Доводы Медина-Сидоніи сводились къ слѣдующему: могущество Франціи велико и на сушѣ, и на морѣ и пользуется большимъ уваженіемъ въ Европѣ; кромѣ того, Франція, соприкасаясь съ нѣсколькихъ сторонъ съ владѣніями Испанской монархіи въ Испаніи, въ Италіи, въ Испанскихъ Нидерландахъ, находится въ очень выгодномъ положеніи какъ для нападенія на Испанскую монархію, такъ и для поддержанія ея цѣлости противъ слабаго императора, владѣнія котораго, не соприкасаясь вовсе съ владѣніями Испанской монархіи и будучи удалены отъ самой Испаніи, могутъ легко подвергнуться нападенію со стороны Франціи. Виллафранка и Медина-Сидонія сообщили свои мнѣнія Виллагарсіи и Вилленѣ, которые тотчасъ примкнули къ нимъ. Затѣмъ рѣшено было привлечь Сенъ-Эстевана, который считался наиболѣе дѣльною головой въ государственномъ совѣтѣ, и это удалось очень легко, такъ какъ Сенъ-Эстеванъ былъ въ большой дружбѣ съ Вилленной и Виллагарсіей. Такимъ образомъ уже пять членовъ были за кандидатуру французскаго принца. Но они поняли, что ничего не будутъ въ состояніи провести въ совѣтѣ, не заручившись согласіемъ Портокареро, который былъ первымъ человѣкомъ въ совѣтѣ, и, не говоря уже о близости его къ королю, имѣлъ громадное значеніе по своему высокому сану. Открытая и взаимная вражда Портокареро съ королевой давала имъ право разчитывать на успѣхъ, и дѣйствительно, согласіе Портокареро было получено.

„Все это“, говоритъ Сенъ-Симонъ,—„дѣлалось такъ, что объ этомъ во Франціи рѣшительно никто, даже самъ король не подозрѣвалъ, даже Блекуръ, представитель интересовъ Франціи въ Мадридѣ за отъѣздомъ Гаркура, не имѣлъ обо всемъ происходившемъ никакого понятія; притомъ дѣлалось это все испанскими вельможами, которые не имѣли рѣшительно никакихъ связей съ Франціей, дѣлалось Испанцами, бывшими большею частью сторонниками Австрійскаго дома“. Но для достиженія цѣли предстояло еще устранить два препятствія: вопервыхъ, доказать, что формальные акты объ отреченіи отъ испанскаго наслѣдства матери и супруги Людовика XIV потеряли уже свой смыслъ, и вовторыхъ, побороть глубокую привязанность Карла II къ Австрійскому дому и то чувство непріязни, которое онъ издавна питалъ къ дому Бурбоновъ. Относительно перваго затрудненія Виллафранка доказалъ, что оно только фиктивное, такъ какъ со времени подписанія актовъ отреченія обстоятельства совершенно измѣнились: при подписаніи актовъ отреченія имѣлось въ виду предупредить соединеніе испанской и французской короны въ лицѣ дофина Франціи, и тогда подобныя опасенія имѣли основаніе; теперь же, когда у дофина три сына, изъ которыхъ второй можетъ быть призванъ на испанскій престолъ, отреченіе теряетъ свой смыслъ; было бы несправедлвво лишить испанской короны законнаго наслѣдника, не имѣющаго никакихъ владѣній, въ пользу претендента, имѣющаго несравненно менѣе правъ на испанскую корону, чѣмъ принцъ изъ дома Бурбоновъ, тогда какъ это не устраняетъ, а напротивъ, должно повлечь за собою раздробленіе Испанской монархіи, разрушеніе цѣлости ея, сохраненіе которой и было главною цѣлью при требованіи отъ испанскихъ инфантъ актовъ отреченія. Это знаменитое заявленіе было одобрено всѣми, и Виллафранка даже взялся развить его въ полномъ засѣданіи совѣта. Положено однако было все это хранить въ строгой тайнѣ, пока кардиналу удастся убѣдить короля. Портокареро, поддерживаемый совѣтами Сенъ-Эстевана, искусно взялся за выполненіе своей задачи. Прежде всего ему удалось совершенно изолировать королеву устраненіемъ фаворитки ея Берлепшъ и принца Дармштадтскаго, хозяйничавшаго со своимъ нѣмецкимъ полкомъ въ Мадридѣ; оставшись безъ опоры, королева оказалась совершенно апатичною и безсильною, какою она въ дѣйствительности и была, потому что, какъ говоритъ Сенъ-Симонъ,—„la reine bonne et peu capable ne pourrait rien tirer d'elle même“. Ей нуженъ былъ всегда кто-нибудь, кто ею бы заправ-

лялъ. Бывшіе до сихъ поръ на сторонѣ королевы великій адмиралъ графъ Мельгаръ и Верагна также были привлечены на сторону французскаго принца. Гораздо болѣе важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи было смѣщеніе духовника, который былъ приставленъ къ королю по желанію королевы и былъ ревностнымъ сторонникомъ Австріи (un zélé Autrichien). Портокареро назначилъ къ королю другаго духовника, котораго онъ могъ заставить говорить и дѣлать, что̀ угодно. Когда чрезъ посредство духовника Портокареро убѣдился, что почва достаточно подготовлена для того, чтобы можно было заговорить о кандидатурѣ французскаго принца, тогда онъ, по соглашенію съ духовникомъ, и сталъ производить давленіе на слабаго короля, изможденнаго тѣлесно и душевно и лишеннаго всякой нравственной поддержки въ пользу Австрійскаго дома. Какъ ни враждебно, ни недовѣрчиво относился Карлъ II къ Людовику XIV и его агентамъ, онъ все-таки не имѣлъ въ данномъ случаѣ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать хотя бы тѣнь участія Версальскаго двора въ томъ оборотѣ, который принимало теперь дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ. И кардиналу, и духовнику своему онъ вполнѣ довѣрялъ; всѣ приближенные къ нему вельможи были коренные Испанцы, которые, по всей вѣроятности, не имѣли и не могли имѣть никакихъ связей во Франціи; притомъ нѣкоторые изъ окружавшихъ его вельможъ были, ему извѣстны какъ ревностные до сихъ поръ сторонники Австріи. Какъ было не поддаться Карлу II общему убѣжденію окружавшихъ его совѣтниковъ? Изнемогая въ борьбѣ съ противорѣчивыми вліяніями, не будучи въ состояніи примирить свое родственное влеченіе къ Австрійскому дому съ мыслью о необходимости уничтожить подписанное уже въ пользу эрцгерцога Карла завѣщаніе и передать все испанское наслѣдство, ради сохраненія его цѣлости, принцу изъ дома Бурбоновъ, Карлъ II рѣшился повергнуть всѣ свои сомнѣнія предъ папскимъ престоломъ и поступить согласно совѣту папы. Король сообщилъ объ этомъ кардиналу, и тотъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ короля, будучи увѣренъ, что папа выскажется въ пользу наиболѣе справедливаго рѣшенія, а такимъ Портокареро считалъ лишь рѣшеніе въ пользу внука Людовика XIV.

Папа не заставилъ долго ждать своего отвѣта и высказался рѣшительно въ пользу внука Людовика XIV. Отвѣтъ папы гласилъ, что, по его мнѣнію, дѣти дофина были единственные настоящіе законные наслѣдники испанской короны, и что до тѣхъ поръ, пока хотя кто-либо изъ нихъ или изъ ихъ потомства будетъ живъ, эрцгерцогъ

Карлъ и всѣ остальные члены Австрійскаго дома не будутъ имѣть никакого права на испанское наслѣдство и должны считаться совершенно чуждыми Испаніи; что самая громадность этого наслѣдства возлагаетъ на короля Испаніи еще бо̀льшую отвѣтственность предъ судомъ Всевышняго за рѣшеніе, которое приметъ онъ по отношенію къ этому наслѣдству.

Благопріятный для дома Бурбоновъ отвѣтъ папы, сохранявшійся, какъ и запросъ Карла II, до прибытія Филиппа Анжуйскаго въ Испанію въ глубокой тайнѣ, объясняется, нужно полагать, въ значительной степени тѣмъ расположеніемъ, которое долженъ былъ чувствовать глава Римской церкви къ королю Франціи послѣ отмѣны послѣднимъ Нантскаго эдикта и ревностныхъ гоненій противъ гугенотовъ.

Такъ какъ Карлъ II всецѣло положился на рѣшеніе папы, то по полученіи отвѣта его, кардиналъ Портокареро поспѣшилъ воспользоваться настроеніемъ короля и закрѣпить его волю составленіемъ новаго завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго. Оставалось только оформить это завѣщаніе. Это было исполнено государственнымъ секретаремъ Убиллой, также примкнувшимъ къ партіи кардинала и, слѣдовательно, посвященнымъ въ ея тайну. Когда составленный Убиллой проектъ завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго со всѣми оправдательными мотивами былъ одобренъ посвященными въ тайну членами королевскаго совѣта, Убилла представилъ его Карлу II вмѣстѣ съ завѣщаніемъ, составленнымъ ранѣе въ пользу эрцгерцога; проектъ былъ одобренъ, а прежнее завѣщаніе сожжено Убиллой въ присутствіи короля, его духовника, кардинала Портокареро и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ сановниковъ.

Когда такимъ образомъ вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ былъ въ сущности окончательно рѣшенъ и пересталъ быть вопросомъ, Портокареро созвалъ совѣтъ, на которомъ дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ было подвергнуто открытому и всестороннему обсужденію. Виллафранка, Сенъ-Эстеванъ и Мансера высказались энергично за завѣщаніе въ пользу внука Людовика XIV; другіе согласились; великій адмиралъ и Верагна, видя, что дѣло безповоротно рѣшено, не стали противорѣчить. Наконецъ, Убилла предложилъ всѣмъ присутствовавшимъ въ засѣданіи совѣта подписать актъ завѣщанія, и всѣ они дали клятву соблюдать неукоснительно тайну его до смерти короля. Это засѣданіе совѣта обставлено было такою таинственностью, что, по словамъ Сенъ-Симона, даже королева и графъ Гаррахъ все-таки не знали, пришелъ ли совѣтъ къ какому-нибудь опредѣленному

рѣшенію по вопросу объ испанскомъ наслѣдствѣ, и къ какому именно. Вскорѣ затѣмъ 1-го ноября 1700 года Карлъ II умеръ сорока-двухъ лѣтъ отъ рожденія.

Разказъ Сенъ-Симона въ существенныхъ его чертахъ подтверждается также въ мемуарахъ Торси [1]), но послѣдній не останавливается вовсе на совѣщаніяхъ членовъ государственнаго совѣта, а указываетъ на то, что Карлъ II въ своемъ затруднительномъ положеніи признавалъ нужнымъ выслушать мнѣніе тѣхъ, кого онъ считалъ способнымъ дать ему дѣльный совѣтъ. Главнымъ же образомъ Торси напираетъ на вліяніе Портокареро, которому Карлъ II обѣщалъ завѣщать престолъ Испаніи французскому принцу. Гораздо болѣе, чѣмъ Сенъ-Симонъ, Торси распространяется о перепискѣ Карла II съ папой и о вліяніи послѣдняго на окончательное рѣшеніе Испанскаго короля.

Итакъ, если вѣрить Сенъ-Симону, то завѣщаніе Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго было результатомъ лишь единодушнаго рѣшенія вліятельныхъ членовъ испанскаго государственнаго совѣта, при чемъ все происходившее въ совѣтѣ было неизвѣстно ни Людовику XIV, ни его дипломатическимъ агентамъ въ Мадридѣ. То же утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ и Торси, старающійся доказать, что рѣшеніе Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго не находилось ни въ какой зависимости отъ интригъ французской дипломатіи въ Испаніи [2]). Это мнѣніе съ особенною силою поддерживается извѣстнымъ историкомъ Морэ въ сочиненіи его: „Quinze ans du régne de Louis XIV“. „Завѣщаніе Карла II“, говоритъ Морэ,—„не было, какъ объ этомъ писали до сихъ поръ всѣ историки, плодомъ интригъ французской дипломатіи въ Мадридѣ. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго. Пора наконецъ отбросить несправедливое обвиненіе, содрать завѣсу и воздать каждому подобающую хвалу. Завѣщаніе Карла II было дѣломъ національнымъ, дѣломъ чисто-испанскимъ и никоимъ образомъ не французскимъ“ [3]).

Но, признавая за несомнѣнный фактъ, что испанскіе вельможи и даже вся испанская нація, какъ и самъ король, были искренно

---

[1]) *Torcy*, Mémoires I, p. 138—140.

[2]) Ibidem, p. 131: «Ce testament que les écrivains de Hollande prétendent, que le marquis d'Harcourt avait negocié ou plutôt acheté en faveur du duc d'Anjou» etc.

[3]) *Moret*, Quinze ans du règne de Louis XIV, I, 85.

заинтересованы въ цѣлости Испанской монархіи, и что именно опасеніе раздробленія ея служило главнымъ доводомъ для составленія завѣщанія въ пользу Филиппа Анжуйскаго, какъ это видно изъ мемуаровъ Сенъ-Симона и Торси и изъ корреспонденціи Стэнгопа и Гаркура, мы все-таки смѣемъ думать, что оспариваемое Морэ мнѣніе о вліяніи интригъ французской дипломатіи на окончательное завѣщаніе Карла II остается не опровергнутымъ, хотя было бы также крайне ошибочно считать это завѣщаніе результатомъ лишь дипломатическихъ маневровъ Людовика XIV и маркиза Гаркура. Мы полагаемъ, что факты, приводимые въ мемуарахъ Лувилля, человѣка, стоявшаго такъ близко къ Филиппу Анжуйскому при вступленіи его на престолъ и вообще къ Версальскому кабинету и особенно близко знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Испаніи въ концѣ XVII вѣка [1]), въ особенности же недавно изданная переписка между Людовикомъ XIV и его полномочнымъ посломъ въ Мадридѣ Гаркуромъ, заслуживаютъ не менѣе довѣрія, чѣмъ разказъ Сенъ-Симона или Торси. Между тѣмъ Лувилль прямо указываетъ на всѣ тонкіе маневры Гаркура, и особенно на то, какъ ловко сумѣлъ онъ, держась словно въ сторонѣ, издали направлять дѣло къ желанному концу [2]), заинтересовать кардинала Портокареро соображеніемъ о необходимости сохранить цѣлость Испанской монархіи при содѣйствіи своей супруги, входившей во всѣ его дипломатическіе разчеты, привлечь на сторону Бурбоновъ трехъ лицъ, соглашеніе которыхъ съ кардиналомъ Портокареро могло имѣть рѣшительное вліяніе на завѣщаніе Карла II, именно президента Кастиліи Манюэля Арріаса, графа Сенъ-Эстевана и маркиза Мансера [3]). По мнѣнію Лувилля, всѣ эти маневры заслуживаютъ серьезнаго вниманія при оцѣнкѣ дипломатіи Людовика XIV, и даютъ право думать, что интриги не имѣли цѣлью, какъ утверждаютъ обыкновенно историки, лишь маскировать договоръ о раздѣлѣ, а, напротивъ, очень вѣроятно, что договоръ о раз-

---

[1]) Сенъ-Симонъ говоритъ о маркизѣ Лувиллѣ, что до 1702 года «il fut le modérateur de la monarchie espagnole, le seul confident du roi et le distributeur des graces».

[2]) *Louville*, Mémoires secrets, I, p. 18: «Quant à cet ambassadeur (le marquis d'Harcourt) il prépara trop bien le testament pendant son séjour à Madrid, pour qu'on puisse admettre sur la parole des historiens, qu'il ait agi sans mission expresse».

[3]) Mémoires secrets du marquis de *Louville*, I, 86.

дѣлѣ имѣлъ цѣлью подготовить и маскировать завѣщаніе [1]). Мнѣніе, отстаиваемое теперь авторомъ сочиненія: „Quinze ans du règne de Louis XIV“ относительно завѣщанія Карла II, высказано было очень опредѣленно и съ твердою увѣренностью еще Вольтеромъ въ его „Siècle de Louis XIV“. По этому поводу издатель извлеченія изъ мемуаровъ Лувилля говоритъ: „Кто же думалъ когда-либо утверждать, что именно маркизъ Гаркуръ диктовалъ или заставилъ Карла II подписать завѣщаніе въ пользу Филиппа Анжуйскаго? Довольно того, что онъ подготовилъ это завѣщаніе издали съ большою ловкостью и послѣдовательностью, чтобы допустить мнѣніе, что его образъ дѣйствія былъ ему внушенъ Версальскимъ дворомъ“ [2]). Ошибка Морэ состоитъ, очевидно, въ томъ, что онъ считаетъ несовмѣстными интриги французской дипломатіи съ искреннимъ стремленіемъ испанскихъ грандовъ и самого короля къ сохраненію цѣлости Испанской монархіи и съ вызваннымъ такимъ соображеніемъ окончательнымъ завѣщаніемъ Карла II. Но, кромѣ того, ошибка заключается также въ слишкомъ оптимистическомъ взглядѣ, какъ Морэ, такъ и Торси, на искренность и политическую честность Людовика XIV [3]). Мы не

---

[1]) Mémoires secrets du marquis de Louville, p. 18 «N'est-ce donc rien que toutes ces manoeuvres pour les négliger, comme a fait l'histoire, ou pour affirmer avec elle, que Louis XIV les avait ordonnées seulement afin de masquer le traité de partage qui prepara et masqua le testament». Чрезвычайно важно замѣчаніе по поводу договора о раздѣлѣ такого компетентнаго въ разсматриваемомъ нами вопросѣ писателя, какъ Гиппо, замѣчаніе, высказанное имъ въ Resumé de la Correspondence inédite du marquis d'Harcourt, t. I, p. CXIX и CXX: «Ceux, qui considerèrent le traité de 1699 ainsi que tous les traités du même genre, comme un moyen habile employé par la politique de Louis XIV pour faire craindre aux Espagnols le partage de leur monarchie, si le fils de l'Empereur recevait la couronne, ne s'éloignaient pas beaucoup de la verité».

[2]) *Voltaire*, Siécle de Louis XIV.

[3]) Интересно сопоставить взглядъ Морэ на Людовика XIV со взглядомъ англійскихъ историковъ Мэгона и Маколея. Такъ Мэгонъ, въ своемъ сочиненіи «War of succession in Spain» (стр. 3), говоритъ по поводу втораго договора о раздѣлѣ, что есть полное основаніе предполагать, что Людовикъ XIV заключилъ договоры о раздѣлѣ съ твердымъ намѣреніемъ нарушить ихъ при первой возможности. Маколей же называетъ Людовика XIV самымъ безсовѣстнымъ изъ политиковъ (*Маколей*, Полное собраніе сочиненій, изданіе *Тиблена*, т. II, стр. 167). Для провѣрки степени безпристрастія взгляда Торси на политику Людовика XIV въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ ср. *Hippeau*, Avénement des Bourbons au trône d'Espagne. Resumé de la correspondance. I, CXL и CXLI: «Le marquis de Torcy a parfaitement raison de dire qu'en quittant Madrid le marquis d'Har-

раздѣляемъ предположеній Лувилля, что переговоры Людовика XIV съ Вильгельмомъ III о раздѣлѣ съ самаго начала были затѣяны единственно съ цѣлью подготовить и маскировать всѣ маневры для исторгнутія у Испанскаго короля завѣщанія въ пользу французскаго принца; мы думаемъ, что, послѣ Рисвикскаго мира, Людовикъ XIV, не разчитывая еще на возможность полученія всего испанскаго наслѣдства, особенно въ виду кандидатуры Баварскаго принца и не полагаясь еще на силы утомленной и разоренной Франціи и избѣгая войны со всею западной Европою, могъ дѣйствительно искренно мириться съ возможностью получить безъ борьбы, лишь путемъ договоровъ, хоть значительную часть испанскаго наслѣдства; но потомъ, когда Баварскаго принца не стало, и когда обнаружилось, что соперничество эрцгерцога Карла въ значительной степени ослабляется отвращеніемъ испанской націи отъ нѣмецкаго господства и расположеніемъ испанскихъ вельможъ, особенно наиболѣе вліятельнаго изъ нихъ, кардинала Портокареро, къ французскому принцу, Людовикъ XIV не могъ устоять предъ перспективой полученія всего испанскаго наслѣдства для своего внука; соблазнъ этого наслѣдства былъ слишкомъ великъ даже для великаго короля и оказался просто неодолимымъ. И вотъ Людовикъ XIV, оставляя пока въ полной силѣ договоры о раздѣлѣ, колеблясь еще въ возможности нарушить ихъ, пускаетъ въ ходъ всѣ

---

court ignorait, quelle serait la détermination du roi d'Espagne et que ce n'est pas conséquent ni lui, ni le roi de France, qui la lui avaient imposée. Mais il a tort d'affirmer, que la décision fut prise à l'insu de la cour de France et que celle-ci n'y contribua ni par ses démarches, ni par ses désirs. Il ne devait pas oublier que pendant près de trois ans, l'ambassadeur de Louis XIV n'avait eu comme son maître qu'une seule pensée celle, de gagner á la cause d'un prince français les conseillers qui devaient exercer la plus grande influence sur les volontés du roi d'Espagne, celle de parvenir á persuader á la nation elle-même qu'elle ne pourrait conserver. Lorsqu'enfin le testament de Charles II eût donné raison à la politique dont il avait été l'habile instrument, ce fut sans doute le parti espagnol, qui engagea le roi à choisir pour successeur un prince français; mais qui donc avait travaillé avec tant de persévérance et d'habileté à mettre ce parti dans les intérets de la France, si ce n'est le monarque qui devait en profiter? Cette acceptation a fait peser sur Louis XIV une lourde responsabilité, et les désastres qui en ont été la suite ont pu porter les historiens à l'atténuer en l'attribuant exclusivement au roi d'Espagne et à son conseil. Mais l'histoire ne saurait avoir de ces complaisances: elle prend note de ce qui se dit, mais elle ne tient compte de ce qui se faìt. En présence de la correspondance officielle du marquis d'Harcourt, aucun doute n'est plus possible».

средства для достиженія своей завѣтной цѣли—и дипломатическія интриги, и притворство, и даже угрозы. И когда, наконецъ, желанія Людовика XIV, можетъ быть, не совсѣмъ ожиданно для него самого, увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, онъ почти не задумывается ухватиться за испанское наслѣдство, хотя еще не прочь выслушать въ послѣднюю минуту мнѣнія своихъ министровъ. Несомнѣнно однако, что въ этомъ послѣднемъ совѣщаніи съ министрами о принятіи завѣщанія Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго, мнѣніе короля, еще такъ недавно стоявшаго за исполненіе втораго договора о раздѣлѣ, было самымъ рѣшительнымъ образомъ за принятіе завѣщанія.

Я. Гуревичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ХОРВАТІИ И ДАЛМАЦІИ ВЪ X—XI ВѢКАХЪ.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи является въ настоящее время однимъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ соціальной науки, занимая одинаково и ученыхъ спеціалистовъ, и публику. Община изучается въ ея современномъ состояніи и тѣхъ фазисахъ развитія, которые она пережила въ теченіе своего многовѣковаго существованія. Сравнительное изученіе соціальныхъ явленій подорвало долгое время существовавшее заблужденіе, будто общинный строй составляетъ „первоначальный феноменъ генія славянскихъ народовъ“; въ настоящее время никто почти уже не оспариваетъ того, что общинный строй является фазисомъ, который переживаетъ каждый народъ въ своемъ историческомъ существованіи. Нужно сказать однако, что господствующій въ наукѣ взглядъ представляетъ въ сущности пока только плодотворную гипотезу, требующую подтвержденія отъ спеціальныхъ изслѣдованій въ области исторіи существующихъ формъ землевладѣнія. Исторія германской земельной общины выяснилась уже благодаря нѣсколькимъ цѣннымъ изслѣдованіямъ, внесеннымъ въ науку за послѣднія десятилѣтія; между ними первое мѣсто безспорно занимаетъ извѣстный трудъ Маурера. Юго-славянское землевладѣніе не можетъ пока еще похвалиться такимъ вниманіемъ со стороны историковъ; его настоящій строй подлежитъ непосредственному наблюденію, но прошлое выяснено еще очень незначительно. Интересъ къ прошлому возникъ у южныхъ Славянъ сравнительно недавно; дѣятельность мѣстныхъ ученыхъ направлена пока главнымъ образомъ на изданіе сырыхъ матеріаловъ, которые скры-

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВОЙНЫ ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛѢДСТВО И КОММЕРЧЕСКІЕ ИНТЕРЕСЫ АНГЛІИ [1]).

XII.

Принятіе Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II и вызывающая политика его относительно морскихъ державъ.

По смерти Карла II власть надъ Испанскою монархіей перешла временно въ руки правительственной юнты, составившейся изъ шести лицъ, изъ которыхъ главными были: королева, кардиналъ Портокареро и президентъ Кастиліи Манюэль Арріасъ. Во главѣ же юнты, согласно волѣ Карла II, поставлена была королева. Между тѣмъ въ Версаль кардиналомъ отправленъ былъ немедленно курьеръ съ формальнымъ извѣщеніемъ о завѣщаніи Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго, о чемъ, впрочемъ, Людовикъ XIV еще раньше извѣщенъ былъ Блекуромъ.

Обсужденіе вопроса о принятіи завѣщанія Карла II въ совѣтѣ Людовика XIV описано въ мемуарахъ Торси, а также Сенъ-Симона, съ большими подробностями, и притомъ въ мемуарахъ Сенъ-Симона даже гораздо подробнѣе, чѣмъ въ мемуарахъ Торси. Но мы предпочитаемъ разказъ Торси, такъ какъ онъ лично участвовалъ въ тѣхъ засѣданіяхъ королевскаго совѣта, въ которыхъ, подъ предсѣдательствомъ самого Людовика XIV, рѣшался вопросъ о принятіи завѣщанія Карла II, хотя разказъ этотъ не можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ.

---

[1]) *Окончаніе*. См. октябрскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* текущаго года.

Такъ какъ въ Мадридѣ сомнѣвались, приметъ ли Людовикъ XIV послѣднее завѣщаніе Карла II, то юнта приказала испанскому посланнику въ Парижѣ Кастель-Досъ-Ріосу, въ случаѣ отказа короля Французскаго, отправить немедленно курьера, посланнаго изъ Мадрида въ Вѣну, такъ какъ намѣреніе покойнаго короля было передать свое наслѣдство цѣликомъ эрцгерцогу, если посмертное распоряженіе его не будетъ принято Франціей. Людовикъ XIV былъ тогда въ Фонтенебло. По прибытіи курьера изъ Мадрида, испанскій посланникъ просилъ у Людовика XIV особенной аудіенціи. Но прежде чѣмъ назначить ее, король пожелалъ выслушать мнѣніе своего совѣта. Совѣтъ состоялъ изъ дофина, канцлера Франціи графа Поншартрена, герцога Бовилье, (Beauvilliers), стоявшаго во главѣ совѣта по финансовымъ дѣламъ и воспитателя принцевъ, и маркиза Торси, статсъ-секретаря, завѣдывавшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Легче было предвидѣть, чѣмъ предупредить послѣдствія того рѣшенія, о которомъ шла рѣчь. Людовикъ XIV обязался было отвергнуть всякое распоряженіе Испанскаго короля, которое клонилось бы въ пользу французскаго принца. Дѣйствуя противъ своихъ обязательствъ, онъ навлекалъ на себя упрекъ въ нарушеніи священнаго королевскаго слова, а это нарушеніе вело къ неизбѣжной войнѣ. Между тѣмъ при заключеніи Рисвикскаго мира Людовикъ XIV имѣлъ въ виду дать своему народу возможность оправиться отъ длиннаго ряда войнъ. Съ другой стороны, необходимо было имѣть въ виду, что если бы Людовикъ XIV отказался принять завѣщаніе, то наслѣдство имѣло цѣликомъ перейти къ эрцгерцогу. Испанская нація не поколебалась бы признать своимъ королемъ эрцгерцога Карла, и тогда въ рукахъ Габсбурговъ опять соединились бы всѣ владѣнія, составлявшія монархію Карла V, могущество котораго имѣло такое роковое значеніе для Франціи. Миръ такимъ образомъ не былъ обезпеченъ, договоръ о раздѣлѣ не былъ достаточенъ для поддержанія мира; со стороны Англіи и Голландіи не было сдѣлано никакихъ приготовленій, которыя заставили бы императора думать, что они имѣютъ дѣйствительное намѣреніе поддержать силой оружія условленный раздѣлъ Испанской монархіи. Не принимая завѣщанія Карла II, Людовикъ XIV долженъ былъ или вовсе отказаться отъ испанскаго наслѣдства, или начать войну, чтобы завоевать ту часть его, которая была назначена ему по договору о раздѣлѣ. Если бы Людовикъ XIV рѣшился на войну съ этою цѣлью, то несомнѣнно, ему предстояло бы одному поддерживать всю ея тяжесть; но еще болѣе было основаній ожидать того, что въ случаѣ

начатія войны, невѣрные союзники Французскаго короля соединятся съ врагами его и воспротивятся осуществленію того самаго договора, условія котораго Людовикъ XIV опасался нарушить. „Война была необходима“, говоритъ Торси,—„для поддержанія въ силѣ договора о раздѣлѣ: она была обременительна для Франціи, но она была, кромѣ того, и несправедлива. Какое было основаніе объявить войну Испаніи? На какомъ основаніи завладѣть частью ея? Какое зло причинилъ послѣдній король Испаніи, признавъ одного изъ французскихъ принцевъ королемъ всей Испанской монархіи, и какую—спрашивается—обиду нанесла Франціи испанская нація, подчиняясь послѣдней волѣ своего короля? Она отдавалась Франціи безусловно; Франція, оттолкнувъ ее, поступила бы съ нею, какъ съ врагомъ, и все это единственно на томъ основаніи, что Франціи оказывалось болѣе подходящимъ пріобрѣсть часть Испанской монархіи, чѣмъ всю, и все это вслѣдствіе договора, существенныя условія котораго были уже нарушены союзниками!“ Если война была уже неизбѣжна, то нужно было предпринять ее для того, чтобы поддержать болѣе справедливое рѣшеніе, и конечно, оно было бы на сторонѣ завѣщанія [1]).

„Государственный секретарь (то-есть, самъ Торси) поддерживалъ всѣми силами заявленное имъ въ совѣтѣ мнѣніе о необходимости принять завѣщаніе. Герцогъ Бовилье, которому предоставлено было слово тотчасъ послѣ Торси, стоялъ за необходимость держаться договора о раздѣлѣ, въ убѣжденіи, что война, какъ неизбѣжное послѣдствіе принятія завѣщанія, повела бы къ разоренію Франціи. Канцлеръ подвергъ снова разсмотрѣнію различныя выгоды, которыя могла извлечь Франція изъ того и изъ другаго рѣшенія, и ясно формулировалъ ихъ; онъ указалъ также на тѣ неудобства, которыя влекло за собою каждое изъ обоихъ рѣшеній, не считая возможнымъ или, вѣрнѣе, не рѣшаясь высказаться категорически по такому важному вопросу; въ заключеніе же онъ сказалъ, что одинъ только король, имѣя болѣе ясный взглядъ на дѣло, чѣмъ его министры, въ состояніи знать и рѣшить по своему высочайшему усмотрѣнію, что̀ болѣе соотвѣтствуетъ его славѣ, интересамъ его августѣйшей семьи и благу его королевства и его подданныхъ. Дофинъ мало говорилъ въ совѣтѣ, но высказался, не колеблясь, за принятіе завѣщанія, предпочитая видѣть своего втораго сына царствующимъ надъ всею Испанскою монархіей, чѣмъ самому владѣть Неаполемъ и Сициліей. Ко-

[1]) *Torcy*, Mémoires I, 150—155.

роль же высказался рѣшительно за принятіе завѣщанія, но пожелалъ, чтобы принятое имъ рѣшеніе сохранялось въ тайнѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней [1]).

Разказъ Сенъ-Симона о засѣданіи королевскаго совѣта, въ которомъ рѣшался вопросъ о принятіи завѣщанія Карла II, въ существенныхъ чертахъ сходенъ съ разказомъ Торси, но Сенъ-Симонъ утверждаетъ, что на этомъ засѣданіи присутствовала и г-жа Ментенонъ, и признаетъ вліяніе ея мнѣнія на рѣшеніе Людовика XIV [2]). Само собою разумѣется, что, и не присутствуя на засѣданіи Людовика XIV съ его министрами о принятіи завѣщанія, г-жа Ментенонъ имѣла возможность высказать свой взглядъ на дѣло, и нѣтъ сомнѣнія, что Людовикъ XIV не обошелъ ея мнѣнія при рѣшеніи столь важнаго вопроса. Но, по мнѣнію Лувилля, г-жа Ментенонъ не раздѣляла взгляда Людовика XIV на вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ и старалась удержать короля отъ принятія завѣщанія, напирая особенно на обязанности сдержать слово, такъ какъ она знала, что этотъ мотивъ болѣе, чѣмъ что-либо, въ состояніи подѣйствовать на душу короля [3]). Но и вліяніе г-жи Ментенонъ, которой Людовикъ XIV подчинялся почти во всемъ, оказалось безсильнымъ предъ соблазномъ испанскаго наслѣдства. 12-го ноября вечеромъ дѣло было окончательно рѣшено.

„Затѣмъ испанскій посланникъ, удостоенный особенной аудіенціи въ собственномъ кабинетѣ короля, имѣлъ честь вручить его величеству завѣщаніе покойнаго короля Испаніи при письмѣ отъ юнты за подписью вдовствующей королевы и сановниковъ, входившихъ въ составъ юнты". Король ввѣрилъ ему принятое относительно завѣщанія Карла II рѣшеніе и, чтобы не задержать курьера, прибывшаго изъ Мадрида, отправилъ его обратно на слѣдующій день къ вдовствующей королевѣ и къ остальнымъ членамъ юнты [4]). Въ этомъ письмѣ Людовикъ обѣщаетъ оправдать довѣріе Испанскаго короля, вручившаго судьбу своей монархіи французскому принцу; обѣщаетъ постоянно заботиться о возведеніи снова Испанской монархіи посредствомъ ненарушимаго мира (par une paix inviolable) на ту ступень славы, на которой она когда-то находилась. При этомъ Людовикъ

---

[1]) *Torcy*, Mémoires, I, p. 157—58.
[2]) *Saint-Simon*, Mémoires, III, p. 33.
[3]) *Louville*, Mémoires secrets, I, 27—28.
[4]) Письмо это цѣликомъ приведено въ мемуарахъ *Лувилля*, т. I, стр. 28—31.

XIV старается показать, какія жертвы приноситъ дофинъ, отказываясь отъ всякихъ своихъ правъ на испанское наслѣдство въ виду того, что покойный Испанскій король призвалъ на свой престолъ втораго сына дофина; далѣе Людовикъ расточаетъ обильные комплименты предъ испанскою націей, называя ее равно храброю и просвѣщенною, дѣльною въ совѣтѣ и на войнѣ и т. д. [1]). Въ заключеніе Людовикъ XIV обѣщаетъ не оставлять своего внука безъ наставленій въ томъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать относительно народа, сохраняющаго столь неизмѣнную вѣрность своимъ королямъ и своей прежней славѣ.

11-го ноября 1700 года Людовикъ XIV рѣшился принять завѣщаніе Карла II, а 24-го того же мѣсяца Филиппъ Анжуйскій уже провозглашенъ былъ королемъ Испаніи подъ именемъ Филиппа V.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ аудіенціи испанскаго посланника въ Версалѣ и принятія завѣщанія Карла II Людовикомъ XIV (14-го ноября), послѣдній отправилъ къ своему посланнику въ Гагѣ, графу Бріору, письмо, въ которомъ онъ старался выяснить причины, побудившія его принять завѣщаніе Карла II и такимъ образомъ нарушить договоры о раздѣлѣ. Письмо это, хотя и адресованное къ графу Бріору, предназначалось собственно для пенсіонарія, такъ какъ Людовикъ поручилъ своему посланнику показать ему это письмо. Такимъ образомъ письмо это имѣетъ оффиціальный характеръ, и, разумѣется, король постарался выставить въ этомъ письмѣ все, что̀ могло послужить къ оправданію его образа дѣйствія относительно Англіи и Голландіи, съ которыми незадолго были заключены договоры о раздѣлѣ. Съ этой стороны, письмо Людовика XIV очень интересно. Онъ не скрываетъ, что не безъ борьбы рѣшился нарушить договоры о раздѣлѣ, но представляетъ дѣло въ такомъ свѣтѣ, что нарушеніе это было неизбѣжно, что принятіе завѣщанія Карла II безусловно необходимо, не столько въ собственныхъ интересахъ Франціи, которые скорѣе должны пострадать въ случаѣ принятія завѣщанія, сколько въ интересахъ всеобщаго мира. Къ этому замѣчательному выводу Людовикъ XIV приходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ силу завѣщанія Карла II, за отказомъ Филиппа Анжуйскаго, все испан-

---

[1]) Mémoires secrets du marquis de *Louville*, I, p. 28—31: «une nation egalement valereuse, eclairée, propre au conseil, à la guerre, enfin à toutes les fonctions de l'église et de l'état".

ское наслѣдство должно цѣликомъ перейдти къ эрцгерцогу Карлу, а въ случаѣ отказа послѣдняго—къ герцогу Савойскому, который былъ бы, конечно, признанъ законнымъ наслѣдникомъ всей Испанской монархіи. Но въ такомъ случаѣ для выполненія договора о раздѣлѣ пришлось бы начать съ завоеванія всѣхъ зависящихъ отъ Испанской короны земель, чтобы затѣмъ ужь распредѣлить ихъ, согласно второму договору о раздѣлѣ. Но это привело бы необходимо къ безконечной войнѣ, что̀, конечно, было бы совершенно противно смыслу и духу договора о раздѣлѣ, имѣвшаго цѣлью предотвратить войну. На принятіе же завѣщанія никто не въ правѣ жаловаться, такъ какъ дофинъ имѣетъ полное право уступить свои права, кому ему угодно, какъ онъ уступилъ ихъ герцогу Анжуйскому. Послѣ этого въ Европѣ нечего бояться соединенія французскихъ и испанскихъ владѣній подъ одною короной. Очевидно, стало быть, „qu' il est plus avantageux à toute l'Europe et même plus conforme à l'objet du traité de suivre la disposition faite par le roi d'Espagne“ [1]). Людовикъ XIV поручаетъ также Бріору остановить вниманіе пенсіонарія на отсутствіи всякой увѣренности въ выполненіи договора о раздѣлѣ вслѣдствіе того, что императоръ не примкнулъ къ этому договору. При этомъ Людовикъ XIV не остановился и передъ тѣмъ, чтобы свалить вину на морскія державы, которыя не только не считали нужнымъ побудить императора скрѣпить послѣдній договоръ своею подписью, но еще поддерживали въ императорѣ тайную надежду, что онъ не будетъ къ этому никогда вынужденъ. Людовикъ XIV указываетъ также и на то, что исполненіе договора о раздѣлѣ не можетъ считаться обезпеченнымъ, такъ какъ морскія державы не согласились между собою на счетъ тѣхъ средствъ, которыя должны были быть своевременно употреблены, чтобы придать настоящую силу договорамъ о раздѣлѣ [2]).

Крайняя натяжка приводимыхъ Людовикомъ XIV доказательствъ и оправданій очевидна сама собою; но они невѣрны и по существу. Если вѣрить Людовику XIV, то его чрезвычайно смущала мысль о необходимости начать войну съ Германскимъ императоромъ и даже съ герцогомъ Савойскимъ, въ томъ случаѣ, если-бы Франція осталась вѣрна договорамъ о раздѣлѣ. Между тѣмъ извѣстно по отзывамъ современниковъ, близко знавшихъ положеніе дѣлъ во Франціи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, какъ напримѣръ англій-

---

[1]) Oeuvres de Louis XIV, t VI, p. 33—39.

[2]) Ibidem.

скаго посланника въ Парижѣ Манчестра, что Людовикъ XIV придавалъ очень мало значенія вооруженной силѣ Германіи [1]), тѣмъ менѣе могъ онъ серьезно опасаться войны съ герцогомъ Савойскимъ, въ случаѣ вступленія его на испанскій престолъ, послѣ того какъ Франція не разъ ужь вела съ успѣхомъ борьбу противъ цѣлой коалиціи первостепенныхъ державъ. Франція имѣла основанія опасаться войны лишь съ морскими державами, а между тѣмъ Людовикъ XIV имѣлъ бы ихъ на своей сторонѣ, еслибы онъ остался вѣренъ договору о раздѣлѣ. Упрекъ, сдѣланный Людовикомъ XIV Англіи и Голландіи въ томъ, что онѣ нисколько не думали о необходимости своевременно приготовить вооруженныя силы на тотъ случай, если придется съ оружіемъ въ рукахъ привести въ исполненіе лондонскій договоръ о раздѣлѣ, также совершенно неоснователенъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Голландіи. Когда графъ Бріоръ еще въ октябрѣ 1700 года обратился, по приказу его короля, къ Генеральнымъ штатамъ съ просьбой оказать Франціи помощь кораблями и войскомъ, чтобы на всякій случай приготовиться силой овладѣть тѣми землями, которыя были ей назначены по второму договору о раздѣлѣ, то правительство Генеральныхъ Штатовъ отвѣтило, что сухопутное войско уже готово и что для снаряженія вспомогательной эскадры также уже приняты необходимыя мѣры [2]).

Изъ письма Людовика XIV къ графу Бріору видно, что и къ французскому посланнику въ Лондонѣ было послано отъ имени короля тожественное объясненіе причинъ, побудившихъ Людовика къ принятію завѣщанія Карла II.

Можно себѣ представить, какъ поразило Вильгельма III извѣстіе о нарушеніи Людовикомъ XIV договора о раздѣлѣ и какъ возмутили его тѣ объясненія и доводы, которыми Людовикъ XIV объяснялъ свой поступокъ. Объ этомъ даетъ понятіе письмо Вильгельма III къ Гейнзіусу, писанное изъ Гемптона 16-го ноября 1700 года: „Я нисколько не сомнѣваюсь, что этотъ неслыханный образъ дѣйствія со стороны Франціи васъ поразитъ не менѣе, чѣмъ меня. Я никогда не полагался много на соглашенія съ Франціей, но долженъ сознаться, что я не думалъ, чтобы она и въ данномъ случаѣ рѣшилась нарушить предъ лицомъ всего міра торжественный актъ договора даже

---

[1]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 264. Письмо Манчестра къ Вернону отъ 18-го декабря 1700 года... They seem to value but little what the emperor can do... etc.

[2]) *Lamberty*, I, 212.

до начала приведенія его въ исполненіе. Мотивы, изложенные въ прилагаемой при семъ запискѣ, такъ безсовѣстны, что я не могу понять, откуда явилось у нихъ нахальство сочинить такой документъ. Мы должны сознаться, что мы одурачены, но если не держаться своего честнаго слова, то легко провести хоть кого угодно“ [1]).

И Штаты не менѣе глубоко были задѣты поведеніемъ Людовика. Голландскому посланнику въ Версалѣ было поручено протестовать противъ такого образа дѣйствія со стороны Французскаго короля и просить его величество „de se tenir au traité susdit et de l'observer en tout ce qui la regarde“ (25-го ноября 1700 г.) [2]).

Если Людовикъ XIV принялъ завѣщаніе Карла II для своего внука, то въ его интересѣ было благоразумною и умѣренною политикой успокоить чувство ревности другихъ государствъ, а также ослабить тѣ опасенія, которыя были возбуждены его предшествующими наступательными дѣйствіями, а теперь усиливались соединеніемъ двухъ коронъ въ одной династіи. Но Людовикъ XIV не обратилъ никакого вниманія на чувства другихъ націй по отношенію къ Франціи и шелъ на проломъ къ своей цѣли, къ утвержденію исключительнаго вліянія Франціи надъ Испаніей и принадлежащими ей владѣніями, относясь съ одинаковымъ невниманіемъ какъ къ правиламъ благоразумія, такъ и къ уваженію къ самымъ торжественнымъ своимъ заявленіямъ. Сколько разъ заявлялъ онъ, что не допускаетъ и мысли о соединеніи испанской и французской короны на головѣ одного изъ принцевъ дома Бурбоновъ! Съ этою цѣлью ведены были, главнымъ образомъ, всѣ переговоры и заключены договоры о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства; а между тѣмъ еще до отъѣзда Филиппа Анжуйскаго въ Испанію Людовикъ XIV издалъ формальный актъ, предоставлявшій его внуку всѣ права на корону Франціи [3]), въ слу-

---

[1]) *Grimblot*, Lettres, II, 477. «I never relied much on engagement with France; but I must confess, I did not think they would on this occasion have broken, in the face of the whole world, a solemn treaty, before it was well accomplished. The motives alleged in the annexed memorial are so shameful, that I cannot conceive, how they can have the effrontery to produce such a paper. We must confess we are dupes; but if one's word and faith are not to be kept, it is easy to cheat any man».

[2]) *Lamberty*, I, 220.

[3]) *Dumont*, t. VII, partie II p. 494—495 «Lettres patentes de Louis XIV roi de France et de Navarre pour conserver à Philippe duc d'Anjou et tous ses descendants mâles les droits entiers de leur naissance et particulièrement celui de pouvoir

чаѣ еслибъ у его брата не было мужескаго потомства послѣ вступленія его на престолъ Франціи. Заставивъ парижскій парламентъ занести этотъ актъ въ свои протоколы, Людовикъ XIV не считалъ даже нужнымъ указать никакой предосторожности, чтобы предупредить соединеніе двухъ коронъ на главѣ одного изъ принцевъ Бурбонскаго дома.

Подъ вліяніемъ Людовика XIV Версальскій и Мадридскій дворы обнаруживали явное стремленіе къ возможному сліянію интересовъ Франціи и Испаніи, не считая нужнымъ скрывать этого отъ остальной Европы. Въ декретѣ Филиппа V въ пользу герцоговъ и пэровъ Франціи говорится прямо: „Такъ какъ дѣдъ мой, христіаннѣйшій король, старается установить вѣчный союзъ между подданными его и нашей короны, то съ этою цѣлью онъ рѣшился предоставить грандамъ Испаніи и ихъ женамъ тѣ же почести при своемъ дворѣ, которыми пользуются въ его королевствѣ герцоги и пэры Франціи. Поэтому, желая равнымъ образомъ подтвердить это совершенное соединеніе, я рѣшился также предоставить и герцогамъ Французскаго королевства и ихъ женамъ, которые прибудутъ въ Испанію, тѣ же почести, какими пользуются здѣсь гранды Испаніи“ [1]). Мало того, дворъ Мадридскій приказалъ всѣмъ губернаторамъ и вице-королямъ испанскихъ владѣній повиноваться впредь указамъ Французскаго короля также, какъ и указамъ самого Филиппа V [2]). Съ своей стороны, Людовикъ XIV извѣстилъ испанское правительство, что онъ приказалъ всѣмъ начальникамъ областей и городовъ Франціи, пограничныхъ съ испанскими владѣніями, снабжать ихъ, въ случаѣ необходимости, войскомъ, оружіемъ и деньгами [3]). Еще болѣе сильнымъ доказательствомъ подчиненія Испаніи волѣ Французскаго короля можетъ служить то, что

---

succeder à leur tour à la couronne de France nonobstant leur élevation à celle d'Espagne et leur residence actuelle hors du royaume. Données à Versailles au mois de decembre 1700».

[1]) *Lamberty*, I, p. 546—547.

[2]) State tracts, Duke of Anjou's succesion, vol. III, p. 46. «A proof of the growth of the freuch kings power and that Spain is wholly govern'd by him is this, that the Iunto have order'd all the viceroys and governers of their several dominions to submit to his orders». Ср. также *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 279. Письмо Манчестра къ Вернону: «I cannot but think, by the proccedings of the regents of Spain, that they are resolved to have the french king for their king and that the duke of Anjou is to have only the name».

[3]) State tracts, III, p. 46.

испанское правительство приказало посламъ своимъ при всѣхъ дворахъ не только дѣйствовать въ полномъ согласіи съ дипломатическими представителями Франціи, но даже и не дѣлать ничего безъ полномочія со стороны Людовика XIV [1]), даже подписываться подъ любымъ дипломатическимъ актомъ, исходящимъ отъ Версальскаго кабинета, не дожидаясь дальнѣйшихъ приказаній отъ своего, Мадридскаго двора [2]). Все это вмѣстѣ взятое служитъ доказательствомъ, что испанское правительство, какъ сказано въ одной англійской брошюрѣ того времени, смотритъ на интересы обѣихъ монархій, какъ на тожественные, и что впредь ихъ планы и силы должны быть едиными [3]). Словомъ, Филиппъ Анжуйскій, вступивъ на престолъ испанскій, былъ въ сущности какъ бы первымъ министромъ Французскаго короля, какъ выражался о себѣ, говорятъ, самъ юный Испанскій король [4]). Не доставало еще только одного для того, чтобы утвердить сліяніе интересовъ Франціи и Испаніи, а именно регулировать торговыя сношенія обоихъ государствъ; но и въ этомъ отношеніи Франція скоро обнаружила свою политику. Уже въ началѣ 1701 года дошли слухи до Манчестра, англійскаго посланника въ Парижѣ, объ отмѣнѣ взиманія пошлинъ съ продуктовъ и мануфактуръ, ввозимыхъ изъ Франціи въ Испанію и обратно [5]), а вскорѣ затѣмъ Франція обнаружила еще болѣе явное стремленіе къ исключительному эксплуатированію всѣхъ выгодъ въ отношеніи торговли съ Испаніей и ея американскими ко-

---

[1]) State tracts vol. III. 46. «They have orderd their embassadors at all courts to act nothing without his advice».

[2]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 279... «They have sent orders to their ministers in all courts to act in concert with the french and to obey the order which the french king shall send them; and to let them know, that Spain shall be included in whatever treaty France shall think fit to make and that they may sign it without staying for farther orders from them».

[3]) State tracts vol. III, 46. «The Iunto of Spain look upon the interests of both monarchies to be the same and that therefore their counsels and forces ought to be united».

[4]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 279. Письмо Манчестра къ Вернону отъ 12-го января 1707 г. «It is certain that this king (Philipp V) said, that he was *le premier ministre du roy d'Espagne*».

[5]) *Cole*, Memoirs of affairs of state; p. 280. Письмо Манчестра отъ 15-го января 1701 г. There is now nothing left to make the great union betwixt France and Spain compleat but the séttling their trade and is it said that all the impositions on the produce of Spain will be taken of here as the like will be done there in relation to the produce of France».

лоніями, къ явному ущербу какъ самой Испаніи [1]), такъ и Англіи и Голландіи.

Успѣвъ уже своимъ образомъ дѣйствія по отношенію къ Испаніи возбудить сильное чувство ревности въ Англіи и Голландіи, Людовикъ XIV нашелъ возможнымъ сдѣлать еще шагъ въ смыслѣ наступательной политики, который долженъ былъ окончательно истощить терпѣніе морскихъ державъ и особенно Голландіи. Отправивъ въ Гагу, вмѣсто отозваннаго оттуда графа Бріора, графа д'Аво, въ качествѣ чрезвычайнаго посла для того, чтобы заявить Генеральнымъ Штатамъ всѣ свои добрыя намѣренія относительно нихъ и завязать переговоры о средствахъ для сохраненія мира, Людовикъ XIV въ то же время нанесъ Голландцамъ жестокое оскорбленіе, приказавъ занять французскими войсками всѣ семь крѣпостей, которыя по Рисвикскому миру Голландія получила отъ Испаніи въ обезпеченіе своихъ границъ противъ наступательныхъ дѣйствій Людовика XIV и потому названныхъ барьерой [2]). Почти въ одинъ и тотъ же часъ семь французскихъ корпусовъ вступили въ эти крѣпости, обезоружили голландскіе гарнизоны, удержали ихъ въ качествѣ плѣнниковъ и устроились на ихъ мѣстѣ (6-го февраля 1701 г.). Французскія войска угрожали такимъ образомъ территоріи Соединенныхъ Штатовъ Нидерландовъ. Ошеломленные такимъ образомъ дѣйствія, Голландцы заявили свое неудовольствіе послу д'Аво, но, не считая себя еще готовыми къ войнѣ, не прервали переговоровъ; напротивъ, чтобы выиграть время и вѣрнѣе провести Людовика XIV, Генеральные Штаты заявили, что признаютъ королемъ Испаніи Филиппа V, не смотря на то, что со смерти Карла II они постоянно отказывали въ этомъ Людовику XIV. Въ возмездіе же за это Генеральные Штаты требовали у д'Аво освобожденія ихъ гарнизона и уступки занятыхъ Французами крѣпостей [3]).

Чтобы обсудить какъ этотъ вопросъ, такъ и вообще принятіе Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II, открылись конференціи въ

---

[1]) Въ манифестѣ Португальскаго короля, объясняющемъ мотивы, побудившіе его принять сторону эрцгерцога Карла противъ Филиппа V, указывается между прочимъ и слѣдующая причина: «Le commerce des Indes qui n'est pas permis même à tous les vassaux de la monarchie d'Espagne, mais seulement à ceux de la couronne de Castille, a été ouvert aux français, *à la ruine manifeste de toute l'Espagne*». *Dumont*, t. VIII, p. 148—150.

[2]) Крѣпости эти суть слѣдующія: Люксембургъ, Намюръ, Шарльруа, Монсъ, Атъ, Уденардъ и Ньепортъ.

[3]) *De la Torre*, Mémoires et negociations secrets, II, 65.

Гагѣ между представителями Штатовъ и графомъ д'Аво. Къ нимъ присоединился еще, съ согласія послѣдняго, англійскій посланникъ Стэнгопъ. Тогда представители морскихъ державъ заявили французскому посланнику рядъ требованій, какъ бы въ вознагражденіе за тѣ выгоды, которыя извлекала Франція отъ нарушенія Лондонскаго договора о раздѣлѣ Испанской монархіи. Представители Англіи и Голландіи требовали главнымъ образомъ совершеннаго отдѣленія испанскихъ владѣній отъ французскихъ, немедленнаго очищенія войсками Людовика XIV Испанскихъ Нидерландовъ, то-есть, увеличенія пограничной линіи крѣпостей, особенно же настаивали на извѣстныхъ гарантіяхъ для обезпеченія своей торговли съ Испаніей и въ ея колоніяхъ [1]).

При назначеніи графа д'Аво посланникомъ въ Гагу, Людовикъ XIV далъ ему такую инструкцію, въ силу которой онъ не долженъ былъ дѣлать ни малѣйшей уступки морскимъ державамъ на томъ основаніи, что самъ король, какъ выразился онъ, не требовалъ отъ нихъ ничего, игнорируя то, что онъ требовалъ для своего внука сохраненія за нимъ всего испанскаго наслѣдства вмѣсто выговоренной въ Лондонскомъ договорѣ части его. Трудно даже понять, какимъ образомъ Людовикъ XIV могъ думать, что ему удастся обезоружить недовѣрявшихъ ему враговъ, не давъ имъ никакого удовлетворенія. Однимъ только можно объяснить замедленіе переговоровъ въ Гагѣ, именно желаніемъ съ обѣихъ сторонъ выиграть время для приготовленія къ неизбѣжной войнѣ. Но если Людовикъ XIV не рѣшался ни на какія уступки, то ему не слѣдовало медлить и дать врагамъ собраться съ силами, а выбирать, не медля, между войной и миромъ; а онъ держалъ д'Аво семь мѣсяцевъ въ Гагѣ въ то время, когда съ первыхъ же словъ, при начавшихся переговорахъ, можно было видѣть ясно, что морскія державы безъ уступокъ не пойдутъ на примиреніе, а хотятъ только оттянуть побольше времени для приготовленія къ войнѣ. Когда же Людовикъ XIV понялъ свою ошибку и коварные замыслы своихъ прежнихъ союзниковъ и отозвалъ д'Аво изъ Гаги, было уже поздно. Отъѣздъ французскаго посланника не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на уполномоченныхъ для переговоровъ съ нимъ представителей Англіи и Голландіи, и нѣсколько дней спустя (7-го сентября 1701 г.) былъ подписанъ въ Гагѣ окон-

---

[1]) *Lamberty*, I, 403—408.

чательный союзный договоръ между Англіей, Голландіей и Германскимъ императоромъ, въ силу котораго они должны были общими силами вести борьбу противъ Людовика XIV и его внука, какъ для возстановленія нарушенныхъ правъ императора Леопольда на испанское наслѣдство, такъ и для обезпеченія морскимъ державамъ тѣхъ выгодъ въ отношеніи торговли съ Испаніей и ея колоніями, которыми онѣ всего болѣе дорожили [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ XIV рѣшился принять завѣщаніе Карла II, на его глаза какъ будто пала какая-то завѣса, голова его помрачилась отъ успѣха, и его прежній тактъ совершенно измѣнилъ ему: цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ, безвыходныхъ ошибокъ дѣлаетъ онъ въ короткое время и, какъ бы противъ воли, какъ бы влекомый враждебнымъ ему рокомъ, втягиваетъ Францію въ ужасную войну, которой, по видимому, желалъ избѣжать. Что во Франціи понимали всю опасность предстоящей войны и боялись ея, какъ бы предчувствуя ея гибельный исходъ, это доказываютъ и отзывы нѣкоторыхъ современниковъ, какъ напримѣръ, письма Манчестра къ Вернону [2]) и письма самого Людовика XIV къ его посланникамъ. Между тѣмъ Людовикъ XIV не только не рѣшается на какую-либо малѣйшую уступку въ пользу морскихъ державъ, которыхъ главнымъ образомъ онъ и опасался, но своими дѣйствіями, захватомъ „барьеры“ у Голландіи и признаніемъ принца Уэльскаго королемъ Англіи послѣ смерти Іакова II, постоянно задѣваетъ самыя чувствительныя и больныя мѣста Англіи и Голландіи и самые близкіе ихъ интересы, вызывая ихъ такимъ образомъ на войну и дѣлая ее почти неизбѣжною. Мы говоримъ почти неизбѣжною, потому что думаемъ, что даже и въ это время, то-есть, уже послѣ принятія Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II, послѣ нарушенія голландской барьеры и признанія принца Уэльскаго, дѣло, можетъ быть, было еще поправимо, если бы только Людовикъ XIV рѣшился на тѣ уступки, которыхъ требовалъ отъ него Вильгельмъ III во время переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства, или рѣшился, по крайней мѣрѣ, удовлетворить требованіямъ, высказаннымъ уполномо-

---

[1]) *Lamberty*, I, p. 620—629: Traité d'alliance entre l'empereur, l'Angleterre et les Etats-Généraux des provinces unies du 7 Sept. 1701.

[2]) *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 284. Письмо Манчестра къ Вернону отъ 26-го января 1701 г. Сообщеніе Манчестра заслуживаетъ, конечно, гораздо большаго довѣрія, чѣмъ показанія Сенъ-Симона, который въ своихъ мемуарахъ высказываетъ по этому поводу противоположное мнѣніе.

ченными Генеральныхъ Штатовъ и англійскимъ уполномоченнымъ Стэнгопомъ на гагскихъ конференціяхъ [1]). Конечно, для успокоенія англійскаго народа Людовику XIV необходимо было еще дать торжественное и формальное обязательство не оказывать никакого содѣйствія принцу Уэльскому для достиженія престола. Но главнымъ дѣломъ было все-таки успокоить тревогу, вызванную коммерческимъ соревнованіемъ по отношенію къ Франціи. Людовикъ же XIV понялъ необходимость нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу Англіи, когда уже было поздно, когда морскія державы уже не довольствовались сохраненіемъ за ними прежнихъ привилегій въ торговлѣ съ Испаніей и съ Индіями или участіемъ въ тѣхъ выгодахъ, которыя вытребовала себѣ Франція со времени вступленія на престолъ Филиппа V, но стали стремиться уже къ тому, чтобы совершенно лишить Францію всѣхъ выгодъ торговли съ Испаніей и ея колоніями и подѣлить между собою эти выгоды.

Итакъ, сводя къ одному знаменателю все разказанное нами по свидѣтельствамъ современниковъ объ образѣ дѣйствія Людовика XIV со времени заключенія Рисвикскаго мира, мы видимъ, что причины раздраженія Англіи и Голландіи противъ Франціи заключались въ слѣдующемъ: 1) въ нарушеніи Людовикомъ XIV Лондонскаго договора о раздѣлѣ и въ принятіи имъ завѣщанія Карла II; 2) въ признаніи за Филиппомъ Анжуйскимъ права на французскую корону послѣ смерти старшаго сына дофина и въ явномъ стремленіи къ соединенію испанской и французской короны на главѣ одного изъ членовъ династіи Бурбоновъ; 3) въ стремленіи Людовика XIV къ господству въ испанскихъ владѣніяхъ и къ сліянію интересовъ французской и испанской націй; 4) въ стремленіи Франціи къ исключительному пользованію всѣми выгодами въ отношеніи торговли какъ въ Испанской монархіи вообще, такъ и въ особенности въ Западной Индіи; 5) въ опасеніи морскихъ державъ лишиться прежнихъ привилегій, которыми пользовались онѣ въ Испанской монархіи въ отношеніи торговли до конца XVII вѣка; 6) въ насильственномъ нарушеніи Людовикомъ XIV голландской барьеры; 7) въ признаніи Людовикомъ XIV принца Уэльскаго королемъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

---

[1]) *Lamberty*, I, 403 — 406: Demandes proposées au comte d'Avaux par les États-Généraux le 22 mars 1701, а также стр. 406—409: Demandes proposées au comte d'Avaux par l'Angleterre», особенно статьи IV, IX, X, XI и XII.

Таковы были главные мотивы, вызвавшіе войну за испанское наслѣдство; но если тщательно взвѣсить всѣ эти мотивы, то легко убѣдиться, что главнѣйшею причиной вражды противъ Франціи морскихъ державъ, особенно Англіи, были именно коммерческіе интересы ихъ.

XIII.

Настоящіе мотивы объявленія войны Людовику XIV со стороны Англіи въ связи съ ея коммерческими интересами.

Чтобы показать, на сколько война за испанское наслѣдство обусловливалась коммерческими интересами Англіи, мы разсмотримъ декларацію отъ 4-го мая 1702 года, въ которой королева Анна высказала передъ всѣмъ міромъ причины, побудившія Англію объявить войну Людовику XIV [1]). Изъ этой декларації мы увидимъ, что̀ было главною побудительною причиной раздраженія Англіи противъ Франціи, и на сколько выставленными въ декларації мотивами маскировались коммерческіе интересы Англіи.

Въ декларації королевы Анны указывается прежде всего на несправедливые захваты (les injustes usurpations) Французскаго короля, который захватилъ и удерживаетъ еще въ своей власти значительную часть владѣній испанской короны, проявляя неограниченную власть надъ всею этою монархіей; силой оружія овладѣлъ онъ Миланомъ и Испанскими Нидерландами. Далѣе Людовикъ XIV обвиняется въ томъ, что онъ завладѣлъ посредствомъ своего флота Кадиксомъ, входомъ въ Средиземное море, и портами Испаніи, даже Западною Индіей, и все это съ намѣреніемъ стѣснить вездѣ свободу Европы, воспрепятствовать свободѣ мореплаванія и торговли [2]). Наконецъ, Англійская королева указываетъ, какъ на причину войны, на страшную дерзость и безчестность, обнаруженныя Людовикомъ XIV относительно Англіи провозглашеніемъ принца Уэльскаго королемъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. По всѣмъ этимъ причинамъ Англій-

---

[1]) *Dumont*, I, VIII, p. 115: Declaration de guerre de la reine de la Grande Bretagne contre la France.

[2]) Ibidem: «dans le dessein d'envahir partout les libertés d'Europe, d'empêcher la liberté de la navigation et du commerce».

ская королева считаетъ себя вынужденною къ объявленію войны Людовику XIV—„pour maintenir la foi publique, pour venger l'honneur de notre couronne et prèvenir les malheurs, dont toute l'Europe est menacée".

Изъ всѣхъ приведенныхъ въ декларацiи королевы Анны причинъ для объявленія войны Людовику XIV только послѣдняя, по видимому, касалась непосредственно самой Англiи (что̀ и выражается словами „venger l'honneur de notre couronne"). Дѣйствительно, Людовикъ XIV страшно возстановилъ противъ себя всю англiйскую нацiю [1]) нарушеніемъ четвертой статьи Рисвикскаго мирнаго договора между Францiей и Великобританiей, статьи, которою Людовикъ XIV призналъ Вильгельма III законнымъ королемъ Англiи и обязался честнымъ словомъ не благопрiятствовать никоимъ образомъ никакимъ заговорамъ или интригамъ противъ Вильгельма III, а тѣмъ болѣе не оказывать кому бы то ни было (разумѣется, дѣло шло объ Іаковѣ II и его потомствѣ) никакого матерiальнаго содѣйствiя противъ Вильгельма III [2]).

Не довѣряя Людовику XIV, Вильгельмъ III уже на слѣдующiй годъ послѣ заключенiя Рисвикскаго мира (1698 г.) неоднократно пытался черезъ Портланда побудить Людовика XIV удалить изъ Францiи Іакова II, но Людовикъ XIV на отрѣзъ отказалъ [3]). Отвѣчая на просьбы Портланда, онъ прикидывался не понимающимъ даже причины такихъ просьбъ: онъ, Людовикъ XIV, принялъ участiе въ Іаковѣ II только вслѣдствiе его несчастiя, тѣмъ болѣе, что Францiя была единственнымъ убѣжищемъ несчастнаго короля. Людовикъ XIV увѣрялъ, что его честь не дозволитъ ему выслать Іакова II изъ Францiи, что наконецъ Вильгельмъ III долженъ удовлетвориться честнымъ словомъ Людовика XIV, что онъ не окажетъ Іакову II ни-

---

[1]) *Burnet*, History of his own time, III, p. 406—410; *St. Simon* Mémoires III, p. 224—226; *Torcy*, Mémoires I, p. 163—165: «La résolution que le roi prit de reconâitre le prince de Galles changea les dispositions» etc.

[2]) *Dumont*, t. VII, partie II, p. 400: Tractatus pacis inter Ludovicum XIV et Guillemum III, art. IV. «Honorem suum idcirco oppignorans sub fide et verbo regis, quod nec directe nec indirecte alicui aut aliquibus ex inimicis praedicti domini regis Magnae Britaniae auxilium dabit, nec quoque modo favebit conspirationibus aut mactionibus, quas contra praedictum regem excitare aut meditari possunt rebelles et malevoli etc.

[3]) *Grimblot*, I, 176, 212 и 261.

какого содѣйствія, и что онъ искренно будетъ сохранять условія мира [1]).

Такъ какъ въ трактатѣ Рисвикскаго мира не было упомянуто имени Іакова II, то Вильгельму III хотѣлось склонить Людовика XIV къ заключенію формальнаго акта, въ которомъ онъ въ точныхъ выраженіяхъ подтвердилъ бы свое обѣщаніе никоимъ образомъ не благопріятствовать враждебнымъ интригамъ, которыя могли бы образоваться въ Англіи [2]). Но и на эту просьбу Людовикъ XIV отвѣчалъ формальнымъ отказомъ. Онъ ссылался на то, что обѣщаніе, данное имъ въ Рисвикскомъ договорѣ, не оказывать никакого содѣйствія всѣмъ врагамъ Англійскаго короля безъ исключенія, совершенно достаточно и безъ ненавистной предосторожности, которая должна была заключаться „по желанію Вильгельма III, въ спеціальномъ поименованіи Іакова II, который и безъ того подразумѣвался ясно въ общихъ выраженіяхъ“ [3]). Вильгельмъ III жалѣлъ, что затѣялъ эти переговоры, и рѣшился наконецъ оставить ихъ, тѣмъ болѣе, что въ Англіи вся нація относилась совершенно равнодушно къ его опасеніямъ, находя, что тутъ нечего больше бояться [4]).

И не смотря на всѣ свои обѣщанія и формальныя обязательства, Людовикъ XIV все-таки провозгласилъ въ 1701 году Іакова III королемъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Понятно, какъ долженъ былъ возмутить Вильгельма III этотъ безчестный поступокъ. Но такимъ образомъ дѣйствія Людовикъ возстановилъ противъ себя не одного только Вильгельма III, но и всю англійскую націю.

Когда въ Англіи и Голландіи стало извѣстно признаніе Людовикомъ XIV королевскаго титула за принцемъ Уэльскимъ, Вильгельмъ III пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ, тотчасъ же приказалъ своему посланнику выѣхать изъ Франціи и заставилъ удалиться французскаго посланника изъ Лондона. Генеральные же Штаты сдѣлали черезъ своего посланника представленіе Людовику XIV, указывая ему на сдѣланный имъ относительно Вильгельма III шагъ, какъ на нарушеніе

---

[1]) *Grimblot*, I, 169: The earl of Portland to William III; «and that we ought to be satisfied with his word of honour, that he would not assist him and would sincerely preserve the peace».

[2]) *Grimblot*, I, 259.

[3]) *Grimblot*, I, 258: „without the odious precaution of namine a prince who was sufficiently comprehended in these general terms“.

[4]) *Grimblot*, I, 212: „tere is nothing more to fear“.

Рисвикскаго договора. Тогда Людовикъ XIV отвѣтилъ на это мемуаромъ, въ которомъ оправдывалъ свой образъ дѣйствія, объясняя его великодушіемъ относительно принца Уэльскаго и доказывая, что онъ въ сущности остался вѣренъ буквальному смыслу договора, заключеннаго въ Рисвикѣ [1]). Согласно IV-й статьѣ этого договора, онъ обязался только не оказывать никому никакого матеріальнаго содѣйствія противъ Англійскаго короля, и онъ намѣренъ въ точности исполнить эту статью: онъ вовсе не думаетъ явиться судьей между Вильгельмомъ III и принцемъ Уэльскимъ, которому онъ не могъ отказать только въ титулѣ, ибо уже самое рожденіе даетъ ему право на этотъ титулъ. Въ мемуарѣ Людовика XIV приводятся затѣмъ, какъ оправданіе, примѣры того, какъ сохраняли за собою королевскій титулъ лишенные уже короны, короли Неаполитанскіе и т. п.

Но никакія оправданія не могли смягчить гнѣва Вильгельма III и всего англійскаго народа противъ Людовика XIV. Вотъ что говорилъ по этому поводу Вильгельмъ III въ своей рѣчи, въ началѣ 1702 года, въ верхней палатѣ. „Признаніе и объявленіе принца Уэльскаго королемъ Англіи есть не только наибольшее безчестіе, нанесенное моей личности и всей націи, но на столько задѣваетъ въ отдѣльности каждаго Англичанина, для котораго имѣетъ какое-либо значеніе протестанская религія или настоящее и будущее спокойствіе его страны, что мнѣ нѣтъ надобности понуждать васъ принять это дѣло близко къ сердцу и вникнуть, какія дѣйствительныя мѣры необходимо принять, чтобы обезпечить наслѣдованіе короны за протестантскою линіей и чтобы разрушить надежды всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ на нее притязаніе, также, какъ и ихъ помощниковъ явныхъ и тайныхъ“ [2]). На рѣчь короля верхняя палата отозвалась тотчасъ новымъ биллемъ, подтверждавшимъ наслѣдованіе короны за протестантскою линіей. Палата составила 8-го февраля 1702 г. актъ отреченія, которому должны были присягнуть всѣ гражданскіе и военные чины Англіи въ знакъ вѣрности королю Вильгельму и отречься отъ всякаго повиновенія претендовавшему на корону принцу Уэльскому также, какъ и отъ всякаго общенія съ нимъ [3]). Къ этому верхняя палата предложила потомъ присовокупить еще статью,

---

[1]) *Lamberty*, I, 690: „Il suffit qu'elle observe exactement le traité de triwik et qu'elle se tienne précisément aux termes de ce traité etc“.

[2]) *Lamberty*, II, p. 57.

[3]) Текстъ этого акта отреченія въ сборникѣ *Ламберти*, II, стр. 62.

которою какъ вдова покойнаго короля Іакова II, такъ и сынъ его, претендентъ на корону Англіи, объявлялись виновными въ измѣнѣ. Это былъ такъ-называемый bill of attainder. Нижняя палата не только приняла этотъ билль, но и предложила еще другой, въ силу котораго всякій, позволявшій себѣ письменно или устно говорить въ пользу права претендента, подлежалъ карѣ закона [1]).

Послѣ этого парламентъ, равнодушно относившійся, со времени Рисвикскаго мира и даже не задолго еще передъ провозглашеніемъ принца Уэльскаго королемъ Великобританіи, къ воинственнымъ планамъ Вильгельма III, вотировалъ единодушно назначеніе сорокатысячной арміи и такого же контингента матросовъ для войны съ Франціей. На призывъ Вильгельма III къ защитѣ національнаго достоинства англійскаго народа страна откликнулась также цѣлымъ рядомъ адресовъ, посыпавшихся изъ разныхъ концовъ Англіи и проникнутыхъ страшнымъ негодованіемъ „противъ наглости христіаннѣйшаго короля и громаднаго безчестія, нанесеннаго имъ какъ королю Англіи, такъ и всей Англіи“ [2]).

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ сильно возстановило весь англійскій народъ противъ Людовика XIV его безтактное поведеніе, и какъ оно послужило на пользу Вильгельму III. Мы видимъ также, что королева Анна выставила нанесенное Англіи Людовикомъ XIV оскорбленіе какъ одну изъ причинъ для объявленія войны. Несомнѣнно, что эта причина ускорила войну и придала ей отчасти характеръ войны народной. Но можно ли дѣйствительно считать упомянутое оскорбленіе существенною причиной войны? Была ли она на столько важна сама по себѣ, что могла бы одна быть достаточною для объявленія военныхъ дѣйствій? Этого, конечно, нельзя сказать. Сама королева Анна указываетъ на провозглашеніе принца Уэльскаго королемъ Великобританіи, какъ на оскорбленіе чести англійской націи, но вовсе не какъ на опасность для Англіи. Вильгельму III, который не могъ еще считать себя гарантированнымъ отъ новыхъ интригъ Людовика XIV во имя династіи Стюартовъ, естественно было преувеличить значеніе безтактнаго поступка Людовика XIV [3]); но на самомъ дѣлѣ не трудно убѣдиться,

---

[1]) Ibidem.

[2]) Текстъ этихъ адресовъ у *Ламберти*, т. XI, стр. 357—364. Ср. также *Smollet*, History of England XII, 117.

[3]) Ср. Mémoires du marechal de *Bervick*, *I*, 117: „*Ce fut un des motifs, dont le prince d'Orange se servit pour engager le parlement d'Angleterre dans la guerre* contre les deux couronnes“. Ср. также *Villars*, Mémoires, II, p. 21—22, 25.

что и помимо всякаго заявленія притязаній на корону Англіи со стороны сына Іакова II, война противъ Франціи была уже рѣшена и была бы непремѣнно объявлена. Какъ извѣстно, Іаковъ II умеръ только 16-го сентября 1701 года, между тѣмъ какъ оборонительный и наступательный договоръ между Англіей, Голландіей и Германскимъ императоромъ былъ уже подписанъ 7-го сентября того же года [1]). Въ силу 3-й и 4-й статей этого договора Людовику XIV назначался только двухмѣсячный срокъ для исполненія всѣхъ требованій великой коалиціи, по истеченіи котораго коалиція, въ случаѣ отказа Людовика XIV, должна была силою оружія принудить его къ удовлетворенію ея требованій [2]). Самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что война Англіи противъ Франціи была рѣшена въ принципѣ раньше провозглашенія Людовикомъ XIV принца Уэльскаго королемъ Англіи, можетъ служить тотъ поворотъ въ настроеніи англійскаго парламента и въ общественномъ мнѣніи Англіи, который произошелъ въ ней еще въ апрѣлѣ 1701 года, когда англійская нація была тронута и польщена мольбой о помощи со стороны Генеральныхъ Штатовъ, выраженною въ адресѣ ихъ къ Вильгельму III, какъ королю Англіи (13-го апрѣля 1701 г.). Въ этомъ адресѣ Генеральные Штаты жаловались Англіи на козни Людовика XIV, перечисляли всѣ претерпѣнныя ими отъ него обиды, притѣсненія, несправедливости, указывали на угрожающую имъ опасность, противъ которой недостаточно было ихъ собственныхъ силъ, и съ отчаяніемъ молили о поддержкѣ англійскаго народа, ссылаясь при этомъ на договоръ, заключенный еще при Карлѣ II между Англіей и Голландіей (1667 г.), въ силу котораго оба государства обязывались поддерживать другъ друга въ случаѣ опасности. Эффектъ, произведенный въ Англіи этимъ отчаяннымъ возваніемъ Генеральныхъ Штатовъ о помощи, превзошелъ, можно сказать, самыя смѣлыя надежды и ожиданія Штатовъ. Палата общинъ въ своемъ адресѣ къ Вильгельму III высказалась за самое энергическое веденіе дѣла и за борьбу сообща съ Голландіей противъ Франціи и обѣщала ассигновать Вильгельму III такую денежную помощь, какая только понадобится ему для успѣшнаго веденія войны. Изъ парламента воинственное одушевленіе живо распространилось по всей Англіи. Графство Кентъ обратилось къ парламенту съ петиціей, въ которой въ очень

---

[1]) *Lamberty*, I, p. 620.
[2]) Ibidem, p. 624—625.

сильныхъ, энергическихъ выраженіяхъ высказывалось противъ папистовъ и Людовика XIV и побуждало парламентъ къ войнѣ съ Франціей [1]). Парламентъ, возмущенный не содержаніемъ, но повелительнымъ тономъ этой петиціи, привлекъ къ отвѣтственности подписавшихъ ее, и четверо изъ нихъ подверглись даже тюремному заключенію. Не смотря на это, вслѣдъ за этимъ адресомъ появился подобный же адресъ отъ графства Варвикъ. Общественное мнѣніе высказывалось повсемѣстно противъ Франціи; подписавшіе кентскій адресъ сдѣлались людьми чрезвычайно популярными: за ихъ здоровье провозглашались тосты, ихъ портреты выставлялись повсемѣстно [2]); наконецъ, агитація отразилась въ новомъ адресѣ нижней палаты къ Вильгельму III отъ 24-го іюня 1701 г.: парламентъ увѣряетъ Вильгельма III, что онъ можетъ разчитывать на его содѣйствіе и поддержку для защиты свободныхъ правъ Европы противъ чрезмѣрнаго могущества Бурбоновъ.

Но странно было бы, конечно, объяснить воинственный пылъ Англичанъ противъ Франціи лишь желаніемъ отозваться на призывъ о помощи со стороны Генеральныхъ Штатовъ. Какъ ни было лестно для англійскаго народа обращеніе къ нему за помощью со стороны Штатовъ, Англія не рѣшилась бы на войну противъ Франціи, требовавшую громадныхъ усилій и издержекъ, если бы война эта не была связана съ собственными кровными интересами англійскаго народа; интересы же эти были главнымъ образомъ коммерческіе.

Если принять на вѣру выставленныя въ декларації Англіи основанія для войны съ Франціей, то можетъ казаться, что война эта касалась собственныхъ интересовъ англійской націи только въ той мѣрѣ, на сколько это было связано съ вопросомъ о чести ея, о прочности протестанской линіи на престолѣ Англіи; въ остальномъ же Англія, повидимому, являлась защитницей общеевропейскихъ интересовъ, что̀ и выражено въ декларації словами: „pour prévenir les malheurs dont toute l'Europe est menacée".

Дѣйствительно, мы видимъ, что королева Анна въ декларації своей вовсе не выдвигаетъ на первый планъ провозглашеніе принца Уэльскаго Англійскимъ королемъ какъ причину для объявленія войны Людовику XIV. На первомъ же планѣ выставляется какъ обвинительный пунктъ противъ него то, что онъ захватилъ и удерживаетъ

---

[1]) Kentish petition. См. *Smollet*, t. XII, p. 23 и *Lingard* XV, p. 412.
[2]) *Moret*, Quinze ans du règne de Louis XIV, I, p. 79—86.

въ своемъ распоряженіи значительную часть владѣній испанской короны (указывается на Миланъ и на Испанскіе Нидерланды) и проявляетъ неограниченную власть надъ всею Испанскою монархіей.

На этотъ же образъ дѣйствія Людовика XIV указывалъ съ негодованіемъ самъ Вильгельмъ III въ вышеупомянутой уже нами рѣчи его къ верхней палатѣ: „Христіаннѣйшій король", сказалъ Вильгельмъ,—„именемъ своего внука сдѣлался настоящимъ владѣтелемъ всей Испанской монархіи; онъ сдѣлалъ ее вполнѣ зависимою отъ Франціи и располагаетъ ею, какъ своими собственными владѣніями. Этимъ онъ такъ окружилъ своихъ сосѣдей, что хотя миръ продолжается еще по имени, они все-таки страдаютъ уже отъ издержекъ и неудобствъ войны".

Выставленное противъ Людовика XIV обвиненіе было, конечно, основательно: онъ, дѣйствительно, ввелъ свои войска въ Миланъ и въ Испанскіе Нидерланды и распоряжался въ Испанской монархіи, какъ у себя дома. Но что во всемъ этомъ было опаснаго для всей Европы? [1]) Развѣ по договорамъ о раздѣлѣ Испанской монархіи Англія и Голландія не согласились на увеличеніе владѣній Людовика XIV въ значительной степени на счетъ Испанской монархіи? Извѣстно, что англійская нація была крайне раздражена противъ Вильгельма III, когда ей сдѣлались извѣстными заключенные имъ съ Людовикомъ XIV договоры о раздѣлѣ Испанской монархіи. Въ одной англійской брошюрѣ, современной этимъ договорамъ о раздѣлѣ, доказывается, что исполненіе этихъ договоровъ было гораздо выгоднѣе для Франціи, чѣмъ принятіе завѣщанія Карла II, но что Франція была ослѣплена тщеславіемъ, разчитывая на то, что герцогъ Анжуйскій будетъ собственно вице-королемъ Испанской монархіи, настоящимъ же королемъ будетъ король Франціи [2]). Получи Франція часть Испанской монархіи, уступленную ей по договорамъ, она болѣе причинила бы безпокойствъ Европѣ, чѣмъ имѣя теперь въ сво-

---

[1]) Ср. *Lamberty*, XI, p. 663—664: Lettre contenant diverses reflexions sur le traité d'alliance du 7 septembre 1701 année.

[2]) State tracts, Vol. III, p. 92. An account of the debate in town against the partition-treaty. «It had been carry'd in the councils of France to prefer the partition to the will, not sure from any regard to the faith of the treaty, but as been more safe and so possibly more advantageous in time, had not the present offers tempted their vanity and ambition, and that they resolv'd the duke of Anjou should not be roy, but vice-roy of Spain».

ихъ рукахъ всю Испанскую монархію [1]). Будь Англія и Франція родными братьями, которые вмѣстѣ росли и связаны давнишними узами дружбы, то и тогда Англія не могла бы ничего больше сдѣлать для Франціи, чѣмъ то, что̀ сдѣлала она для нея этими договорами о раздѣлѣ [2]). Далѣе доказывается, что договорами о раздѣлѣ, еслибы предположить, что Франція осталась имъ вѣрна, равновѣсіе Европы было бы уничтожено [3]). Такимъ образомъ мы видимъ, что нарушеніе Людовикомъ XIV трактатовъ о раздѣлѣ Испанской монархіи, такъ страшно возмутившее Вильгельма III, вовсе не произвело такого впечатлѣнія на англійскую націю, и что англійскій народъ или, вѣрнѣе, господствовавшее тогда большинство въ парламентѣ находило для Англіи болѣе благопріятнымъ принятіе Людовикомъ XIV завѣщанія Карла II, чѣмъ соблюденіе трактата о раздѣлѣ Испанской монархіи. По этому поводу Вильгельмъ III жаловался Гейнзіусу на ослѣпленіе массы англійскаго народа [4]).

Извѣстно, что въ силу четвертой статьи перваго договора о раздѣлѣ Испанской монархіи, Людовику XIV предоставлялись Неаполь и Сицилія, принадлежавшіе Испаніи береговые пункты Тосканы и прилежащіе къ ней острова, маркизатство Финалъ и провинція Гвинускоа [5]). Въ силу четвертой же статьи трактата о раздѣлѣ, къ Франціи должны были отойдти, кромѣ поименованныхъ земель, еще герцогство Лотарингія и Баръ; герцогство же Миланъ предназначалось герцогу Лотарингскому Іосифу-Карлу, въ замѣнъ уступленной имъ Французскому королю Лотарингіи съ Баромъ [6]). Но когда по смерти наслѣднаго принца Баварскаго въ началѣ 1699 года начались переговоры объ условіяхъ втораго раздѣла Испанской монархіи, Вильгельмъ III высказалъ свое согласіе и на то, чтобы герцогство Миланъ было прибавлено къ долѣ дофина сверхъ назначенныхъ ему при первомъ раздѣлѣ земель [7]). То, что Людовикъ XIV согласился

---

[1]) Ibidem. «We suppose that the french having a part would have alarm'd Europe more than their having the whole does».

[2]) Ibidem. p. 88.

[3]) Ibidem. «By the partition consider'd in itself and supposing the french had adher'd to it, the balance of Europe was given up.».

[4]) *Grimblot* II, 477: the blindness of the people here is incredible.

[5]) *Dumont*, II, partie II, p. 442.

[6]) *Dumont*, VIII, part. II, p. 477.

[7]) Mémoires du marquis de *Torcy*, t. I, p. 60: «Il (Guillaume III) entra dans la proposition que lui fit le comte de Tallard d'ajouter le Milanais au partage, destiné à monsieur le dauphin».

промѣнять Миланъ на Лотарингію, зависѣло уже отъ его воли, но онъ могъ и не сдѣлать этого. Когда Германскій императоръ отказывался примкнуть ко второму договору о раздѣлѣ, требуя всего Испанскаго наслѣдства или, по крайней мѣрѣ, Милана, Англія и Голландія, имѣя въ виду свои интересы и чувствуя, что сила на ихъ сторонѣ, потребовали вмѣстѣ съ Франціей отъ императора, въ повелительномъ тонѣ, чтобъ онъ принялъ непремѣнно условія, начертанныя во второмъ раздѣльномъ трактатѣ [1]). Вѣнскій дворъ согласился уступить Испанію съ ея американскими владѣніями принцу Бурбонской династіи, но отказаться отъ Италіи не хотѣлъ [2]). Тогда Франція, Англія и Голландія дали Германскому императору три мѣсяца на размышленіе, постановивъ, что, если, по истеченіи этого срока, императоръ будетъ отказываться примкнуть къ договору о раздѣлѣ и не согласится на долю, назначенную эрцгерцогу Карлу (Испанію съ Западною Индіей и Испанскими Нидерландами), то Франція, Англія и Голландія согласятся между собою относительно того, какому государю отдать долю эрцгерцога [3]). Въ случаѣ же, если бы послѣдній, помимо предлагаемаго соглашенія, захотѣлъ овладѣть тою частью, которая была назначена герцогу Анжуйскому, или Лотарингскому, то договаривающіяся державы воспрепятствуютъ этому всѣми ихъ силами [4]). Таково было положеніе дѣлъ въ маѣ 1700 г.

Такимъ образомъ Англія и Голландія готовы были силой оружія отнять у Германскаго императора Миланъ и отдать его въ распоряженіе Франціи. Между тѣмъ было почти очевидно, что Людовикъ XIV, промѣнявъ Миланъ на Лотарингію, сохранитъ свое вліяніе въ Миланѣ и будетъ распоряжаться въ немъ, въ случаѣ войны съ Германскимъ императоромъ, отъ имени герцога Лотарингскаго, который, будучи женатъ на французской принцессѣ, уже и до того времени находился подъ сильнымъ вліяніемъ Людовика XIV. Къ тому же Франція сохраняла за собою до того времени перевѣсъ своего оружія въ Лотарингіи [5]). Не смотря на все это, морскія державы приняли предложенныя имъ Франціей условія относительно Милана. Но когда

---

[1]) *Ranke,* Französische Geschichte, B. IV, S. 100—101.

[2]) Ibidem.

[3]) *Dumont*, t. VII, partie II, p. 478, art. VII. Извѣстно, что для этого имѣлся въ виду герцогъ Савойскій. Ср. *Henri Martin*, t. XIV, p. 357.

[4]) Ibidem.

[5]) *Ranke*, Französische Geschichte, B. IV, S. 100.

Людовикъ XIV ввелъ свое войско въ Миланъ, то Англія и Голландія еще до смерти Карла II, въ силу пятой статьи договора, заключеннаго ими съ Германскимъ императоромъ въ сентябрѣ 1701 года, обязались употребить всѣ усилія, чтобы завоевать герцогство Миланъ, какъ ленъ имперіи, служащій обезпеченіемъ для наслѣдственныхъ владѣній императора [1]).

Миланъ, прежній ленъ Германской имперіи, былъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ для нея въ стратегическомъ отношеніи, особенно для наслѣдственныхъ Габсбургскихъ владѣній. Въ одной политической брошюрѣ того времени, въ которой выясняются роковыя послѣдствія соглашенія между Англіей и Франціей, говорится по поводу Милана, слѣдующее: „Кто только вдумается въ то, какое громадное значеніе должны имѣть Миланъ и Испанскіе Нидерланды для властолюбивыхъ стремленій Франціи, тотъ пойметъ, что эти земли для нея гораздо болѣе цѣнны, чѣмъ остальныя владѣнія Испанской монархіи, и что обладаніе Миланомъ и Испанскими Нидерландами могло бы легко и несомнѣнно привести Францію къ тому именно всемірному господству, которое уже такъ давно сдѣлалось ея излюбленною мечтой“ [2]). При обладаніи Миланомъ и различными портами и укрѣпленіями, которыя принадлежатъ Испаніи на берегу Тосканы, говорится далѣе, Французскій король обезпечилъ бы себѣ завоеваніе всей Испаніи или любой ея части, еслибы онъ только вздумалъ покуситься на такое завоеваніе, и очевидно, что съ этой стороны нѣтъ такой силы или такого государства, которое могло бы или даже осмѣлилось бы противостать Франціи“ [3]). „Кромѣ того, Миланъ открылъ бы Франціи путь къ нападенію на наслѣдственныя земли императора, и вся Германія по эту сторону Дуная подверглась бы опасности отъ вторженія французской арміи“ [4]).

Но само собою, всѣ эти заботы Англіи и о неприкосновенности наслѣдственныхъ земель Германскаго императора, и о незави-

---

[1]) *Dumont*, t. VIII, partie I-re, p. 89: Tractatus foederis art. V.

[2]) „The fatal consequences of a treaty with France“, State tracts vol. III, p. 319—320: Whoever considers of what great consequence Milan and Flanders are to the desins of France, will find, that they are more valuable to her than the rest of Spanish monarchy and that they would easily and infallibly bring that monarche to the possession of that universal empire, he has so long aim'd at.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

симости Италіи отъ Франціи находятъ себѣ настоящее объясненіе лишь въ опасеніяхъ со стороны Франціи по отношенію къ торговлѣ и мореходству Англіи, особенно на Средиземномъ морѣ, и въ разчетахъ на содѣйствіе Габсбурговъ торговымъ интересамъ Англіи. Это доказываетъ съ очевидною ясностью переписка Вильгельма III съ Портландомъ и отчетъ послѣдняго о переговорахъ его по поводу испанскаго наслѣдства съ Торси и Помпономъ. На вопросъ французскихъ министровъ о томъ, что̀ побуждаетъ Вильгельма III такъ ратовать за интересы Германскаго императора, „графъ Портландъ отвѣтилъ, что англійская нація была побуждаема къ заступничеству за интересы Германскаго императора единственно интересами своей торговли и мореходства; что Англичане не могутъ упустить изъ виду, что у императора нѣтъ въ распоряженіи никакихъ кораблей, что при настоящемъ разстроенномъ состояніи Испаніи, должно еще пройдти много времени, прежде чѣмъ морскія силы ея будутъ возстановлены и что они видятъ, напротивъ, что Франція владѣетъ могущественнымъ флотомъ и можетъ легко воспрепятствовать торговлѣ Англичанъ съ Индіями и на Средиземномъ морѣ“ [1]). Въ англійской политической брошюрѣ, напечатанной въ 1701 году по поводу испанскаго наслѣдства, говорится, что Англія имѣла тогда болѣе причинъ, чѣмъ когда-либо прежде, вступиться за право Германскаго императора на все испанское наслѣдство. „Это касается насъ тѣмъ болѣе“, говоритъ авторъ брошюры,—„что это будетъ имѣть непосредственное и быстрое вліяніе на нашу торговлю и безопасность“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ той же брошюры доказывается, что Габсбургская династія расширила бы навѣрное торговлю Англіи съ Испаніей, если бы послѣдняя перешла въ руки эрцгерцога Карла [3]).

---

[1]) *Grimblot*, I, p. 297—298: „The earl Portland answered that the english were moved by no other interest than that of their commerce and navigation; that they will consider, that the emperor has no ships; that on the contrary they see, that France has a powerful navy and that she might easily impede their trade with the Indies and the Mediterranean?»

[2]) State tracts, vol. III, p. 65—67: Duke of Anjou's succession consider'd: „This more concern us, because it will have a direct and speedy influence upon our trade and safety“. Ср. также: „Le négociant anglais“ (переводъ извѣстнаго англійскаго сочиненія „British Merchant“), Vol. II, p. 3: „Si l'Espagne fut restée entre les mains d'un prince de la maison d'Autriche, il eut assurement peu favorisé le commerce des français“. См. также p. 36 и слѣд. Commerce avec Italie.

[3]) Ibidem, p. 66—67. Ср. также State tracts, vol. III, p. 341: The fatal consequences of a treaty with France. Авторъ этой брошюры, говоря о значеніи

Мы видѣли выше, что декларація королевы Анны указываетъ какъ на одну изъ главныхъ причинъ для объявленія войны Англіей Людовику XIV на занятіе французскимъ оружіемъ Испанскихъ Нидерландовъ. Повидимому, Англія ратовала въ этомъ случаѣ только за безопасность Голландіи. Но неужели это было главною причиной заступничества Англіи за Испанскіе Нидерланды? Разъясненіе этого вопроса мы находимъ въ англійскихъ политическихъ брошюрахъ, современныхъ началу войны за испанское наслѣдство и отличающихся гораздо большею откровенностью относительно дѣйствительныхъ интересовъ Англіи, чѣмъ различные оффиціальные документы и дипломатическіе акты.

Въ одной изъ этихъ брошюръ „объ опасностяхъ угрожающихъ Европѣ отъ могущества Франціи“, гдѣ подробно разсматриваются всевозможныя послѣдствія для Франціи, Англіи и Голландіи отъ завоеванія Испанскихъ Нидерландовъ, угрожающая обѣимъ морскимъ державамъ опасность резюмируется слѣдующимъ образомъ: „Изъ всего предыдущаго само собою слѣдуетъ, что этими средствами Франція получила возможность болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, напасть на Англію и на Голландію и разстроить торговлю обѣихъ странъ [1]).

Въ другой вышеупомянутой брошюрѣ „о роковыхъ послѣдствіяхъ соглашенія Англіи съ Франціей“ уже не говорится ничего о возможности нападенія на Англію со стороны Франціи, а указывается прямо на огромный вредъ, который потерпѣла бы торговля Англіи, если бы Людовикъ XIV завоевалъ Фландрію, то-есть, собственно Испанскіе Нидерланды. „Послѣдствія завоеванія Фландріи Франціей очень хорошо извѣстны“, говорится въ брошюрѣ;—„это заставило бы Голландцевъ подпасть подъ покровительство Франціи, потому что такое ма-

---

для Англіи и Голландіи неприкосновенности испанскихъ владѣній въ Италіи, высказывается съ чрезвычайною откровенностью относительно того, на сколько дѣйствительно Англія заинтересована была неприкосновенностью Италіи въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ: „Surely, we ought to have a greater regard for our own than their security. We must take care to secure our manufactures, our commerce and our maritime power by which alone those nations are considerable in the world..... The single town of Cadiz is of greater moment to the trade of England and Holland, than the whole dominions of Spain in Italy“.

[1]) The dangers of Europe from the growing power of France. A view of the dangerous state of Europe. State tracts, vol. III, 343—373, p. 347: „By these means the french are render'd more capable than ever of invading England and Holland and of disturbing the trade of both countries“.

ленькое и притомъ торговое государство, какъ Голландія, не могло бы постоянно имѣть на готовѣ достаточно военныхъ силъ противъ угрожающаго нападенія со стороны огромныхъ армій Французскаго короля. Но если бы Голландцы подпали подъ покровительство Франціи, то флотъ и гавани ихъ были бы въ ея распоряженіи, а на сколько такое сосредоточеніе морскаго могущества въ распоряженіи Франціи должно оказаться роковымъ и пагубнымъ для нашей торговли и судоходства, даже болѣе того, для нашей безопасности, нашего существованія", говоритъ авторъ брошюры,—„на столько очевидно, что на этомъ я не считаю нужнымъ настаивать [1]).

Извѣстно, что Испанскіе Нидерланды не только были для Англіи важнымъ рынкомъ для сбыта ея товаровъ, особенно шерстяныхъ издѣлій и колоніальныхъ продуктовъ, но и то, что черезъ Фландрію Англія вела большую часть своей торговли съ Германіей.

Какое важное значеніе имѣли для Англіи порты Испанскихъ Нидерландовъ, доказываетъ между прочимъ заявленное на Гагскихъ конференціяхъ 1701 года англійскимъ посломъ Стенгопомъ требованіе уступки въ пользу Англіи Остенде и Ньепорта, какъ бы въ вознагражденіе за тѣ выгоды, которыя извлекала Франція отъ нарушенія ею Лондонскаго договора о раздѣлѣ Испанской монархіи [2]). Какое громадное значеніе придавалъ самъ Вильгельмъ III Испанскимъ Нидерландамъ, обнаруживается очень ясно изъ письма его отъ 19-го ноября 1700 года, обращеннаго къ Гейнзіусу. Извѣщая послѣдняго о нарушеніи Людовикомъ XIV договоровъ о раздѣлѣ Испанской монархіи и о принятіи имъ завѣщанія Карла II въ пользу Филиппа Анжуйскаго, Вильгельмъ III прямо заявляетъ, что его главная забота—это предупредить переходъ Испанскихъ Нидерландовъ въ руки Французскаго короля [3]). Но лучше всего видно значеніе Испанскихъ Нидерландовъ для Англіи и Голландіи, особенно же для Англіи, изъ политики, которой слѣдовали морскія державы по отношенію къ Испан-

---

[1]) State tracts, vol. III, p. 320: „The fatal consequences of a treaty with France". And how fatal and ruinous such a conjunction of maritime power must be to our trade and shipping, nay, to our very safety and being, is so obvious, that I shall not think it worth while to insist upon it".

[2]) *Lamberty*, I, p. 406—407: «Demandes proposées au comte d'Avaux par le plenipotentiare d'Angleterre le 22 Mars 1701».

[3]) *Hardwike*, State papers, II, 395—396: «My chief anxiety is to prevent the Spanish Netherlands from falling into the hands of France».

скимъ Нидерландамъ послѣ того, какъ имъ удалось занять ихъ въ 1706 году именемъ Карла III. Извѣстно, что Англія и Голландія сумѣли тотчасъ забрать въ свои руки все политическое и гражданское управленіе въ Испанскихъ Нидерландахъ, учредивъ въ нихъ новый государственный совѣтъ, зависѣвшій всецѣло отъ морскихъ державъ, совѣтъ, чрезъ который они могли провести какія угодно перемѣны и нововведенія [1]). Хозяйничая въ Испанскихъ Нидерландахъ именемъ Карла III, морскія державы постарались тотчасъ воспользоваться своимъ господствомъ для извлеченія возможно большихъ выгодъ для своей торговли. Это особенно ясно выступаетъ при сравненіи невыгоднаго для морскихъ державъ тарифа 1700 года съ новымъ тарифомъ 1707 года, вполнѣ удовлетворявшимъ самымъ корыстнымъ коммерческимъ разчетамъ Англіи и Голландіи [2]).

Какъ судьба Испанскихъ Нидерландовъ озабочивала Англію главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ея коммерческихъ интересовъ, такъ и негодованіе Англіи противъ Франціи за проявленное Людовикомъ XIV самовластіе въ Испанской монархіи вообще вызвано было вовсе не заботами объ угрожающихъ Европѣ бѣдствіяхъ, а главнымъ образомъ, опасностями, угрожавшими самой Англіи и именно торговлѣ ея.

Самовластное распоряженіе Людовика XIV въ Испанской монархіи, конечно, было чувствительно и даже оскорбительно для испанской націи; но она сама призвала на тронъ испанскій принца изъ дома Бурбоновъ, ища защиты у Франціи отъ угрожавшаго Испанской монархіи, со смертью Карла II, раздробленія. Почти совершенно истощенная Испанская монархія, будучи поддерживаема Франціей, ея войсками, ея финансами, естественно должна была попасть въ зависимость отъ послѣдней. Да и не могли же испанскіе гранды, побуж-

---

[1]) *Nény*, Mémoires historiques et politiques des Pays-Bas Autrichiens, t. I, p. 129—130: «La reine de la Grande Bretagne et les Etats Généraux des Provinces Unies s'attribuèrent sous le nom du roi Charles III le gouvernement politique et civil des Pays-Bas. Ces deux puissances y établirent un nouveau conseil d'état, soummis au gouvernement géneral; mais ce conseil dependait uniquement des puissances maritimes et etait subordonné à une commission de quelques deputés anglais et hollandais qui prenaient le titre de la conférence et qui faisaient passer au conseil d'état les ordres des puissances maritimes sans la qualification des réquisitions». Полное оправданіе отзыва Нени представляетъ Гашаръ (*Gachard*, Documents inédits, vol. III, p. 237—247, 274; 288, 317, 323; 328—329 и примѣчанія къ стр. 331—333).

[2]) *Wouters*, Livre de placcards, édits, tarifs etc. placcard du 3 d'août 1700; См. также les ordonnances du 28 d'avril et du 6 septembre 1707.

давшіе Карла II призвать на свой тронъ пятнадцатилѣтняго Филиппа Анжуйскаго, предполагать, что послѣдній будетъ править самостоятельно и не будетъ подчиняться вліянію могущественнаго дѣда своего. „Пусть себѣ міръ говоритъ, что угодно“, сказано въ упомянутой брошюрѣ „О наслѣдствѣ принца Анжуйскаго“,—„все-таки его христіаннѣйшее величество можетъ сохранить свое покровительство надъ своимъ внукомъ, указывая на то, что никому не подобаетъ на столько быть опекуномъ его, какъ его дѣду, христіаннѣйшему королю“ [1]). Если испанская нація все-таки чувствовала себя оскорбленною опекой Людовика XIV, то отчего не предоставила ей Англія самой постоять за себя, за похищеніе у нея права и самостоятельности? Не было ли посредничество Англіи вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Испаніи? Но развѣ Вильгельмъ III, во имя всеобщаго мира, не распоряжался самовластно судьбами Испанской монархіи? Развѣ Вильгельмъ III сообща съ Людовикомъ XIV не перетасовывалъ, словно колоду картъ, владѣнія Испанской монархіи, выдѣляя по собственному усмотрѣнію ту или другую часть ея то въ пользу эрцгерцога Карла, то въ пользу дофина? Въ брошюрѣ „О наслѣдствѣ принца Анжуйскаго“ говорится по поводу договоровъ о раздѣлѣ: „Испанцы уже поносили насъ въ своемъ адресѣ къ Голландіи за то, что мы хотимъ распоряжаться государствами и провинціями, на которыя не имѣемъ никакого права. Прямой смыслъ этого таковъ, что они считаютъ составителей договоровъ о раздѣлѣ (the treaters) виновными въ величайшей несправедливости, совершенной когда-либо народами; Испанцы порицаютъ ихъ за то, что они навязываютъ государей народамъ, не спрашивая ихъ согласія и распоряжаясь государствами, провинціями и людьми, словно дикими животными или блуждающими стадами, неспособными сами располагать собою, или у коихъ нѣтъ господина, который заявилъ бы на нихъ право собственности“ [2]). Вильгельмъ III, съ негодованіемъ говорившій о самовластіи Людовика XIV въ Испаніи, самъ готовъ былъ предоставить внуку его Испанію, съ владѣніями ея въ Америкѣ, требуя только отъ Людовика XIV болѣе выгодныхъ условій въ пользу торговли Англіи и Голландіи [3]), хотя онъ и не

---

[1]) State tracts, vol. III, p. 46: «Duke of Anjou's succession».

[2]) State tracts, vol. III, p. 50: «They have already libel'd us-as offering to dispose of kingdoms and provinces, whieh we had no right to» etc. Ср. Smollet. II, 87.

[3]) *Grimblot*, I, p. 369. Въ письмѣ Таллара къ Людовику XIV отъ 11-го апрѣля 1698 г. приводятся слова, сказанныя Вильгельмомъ III въ интимной бесѣдѣ съ Талларомъ: «I believe that it would be proper to give the Netherlands to

признавалъ законности правъ дофина. Только упорство Французскаго короля и его неподатливость на требуемыя Вильгельмомъ уступки затормозили дѣло.

Въ виду всего этого становится понятнымъ, какъ безосновательно было со стороны Англіи выставлять причиной войны противъ Людовика XIV самовластіе его въ Испаніи, которое самъ Вильгельмъ готовъ былъ признать допущеніемъ внука Людовика XIV на испанскій престолъ. Но тогда Англія, въ виду своихъ коммерческихъ выгодъ, готова была помириться съ этимъ зломъ. Когда же Людовикъ XIV, принявъ завѣщаніе Карла II, получилъ для своего внука всю Испанскую монархію и, не будучи ничѣмъ обязанъ Англіи, не только не сдѣлалъ ей никакихъ уступокъ, но еще заставилъ Филиппа V отнять у Англіи тѣ немногія льготы, которыми пользовалась она уже прежде въ Испаніи, тогда Англія, конечно, не могла не постоять за себя.

Заявляя свою скорбь о предстоящихъ Европѣ бѣдствіяхъ, въ случаѣ перехода испанскаго наслѣдства въ руки принца изъ дома Бурбоновъ, Англія хлопотала собственно о выгодахъ своей торговли.

Что коммерческій интересъ составлялъ самое больное мѣсто для Англіи во всемъ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ, высказалъ очень недвусмысленно самъ Вильгельмъ III въ цитированной уже нами рѣчи его къ верхней палатѣ. Коснувшись самовластнаго распоряженія Людовика XIV въ Испанской монархіи, Вильгельмъ сказалъ: „Это должно затронуть Англію въ томъ, что̀ для нея наиболѣе важно, наиболѣе чувствительно, въ отношеніи нашей торговли, которая попадетъ скоро въ неопредѣленное положеніе во всѣхъ ея важныхъ отрасляхъ, въ отношеніи нашего спокойствія и безопасности въ этомъ королевствѣ и въ отношеніи того участія, которое должна принимать Англія въ сохраненіи свободы Европы“ [1]).

Что̀ тутъ понималось подъ стѣсненіемъ свободы Европы со стороны Людовика XIV, видно изъ вышеприведеннаго уже нами обви-

---

the elector of Bavaria, forming of them a reasonnable barrier for the safety of Holland; *to give Spain and the Indies to a son of the Dauphin*; to give a considerable portion of Italy (Milan and the kingdom of Naples) to the archduke; *and to make a treaty of commerce, that England and Holland may not be disturbed, by giving some places of safety for trade in the Mediterranean and for the security of commerce in the Indies*». Ср. также *Grimblot*, I, p. 413 — 416: письмо Вильгельма III къ Портланду отъ 14-го апрѣля 1698 г.

[1]) *Lamberty*, II, p. 58.

ненія, высказаннаго противъ Французскаго короля въ манифестѣ королевы Анны, объясняющемъ причины, побудившія Англію начать войну за испанское наслѣдство: „Людовикъ XIV завладѣлъ посредствомъ своего флота Кадиксомъ, входомъ въ Средиземное море и гаванями Испаніи, даже Западною Индіей, и все это съ намѣреніемъ стѣснить свободу Европы, воспрепятствовать свободѣ мореплаванія и торговли". Но соперниками Франціи на Средиземномъ морѣ и въ торговлѣ съ Испаніей и въ Западной Индіи были только Англія и Голландія; только ихъ свободѣ мореплаванія и торговли могло угрожать господство Людовика XIV въ Испанской монархіи. Очевидно такимъ образомъ, что Англія отожествляла свободу и безопасность ея собственной торговли и мореплаванія, а также Голландіи, съ свободою и безопасностью всей Европы.

Въ торговлѣ на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ, то-есть, со всею сѣверо-восточною Европой, также какъ съ Германіей, первенство принадлежало въ концѣ XVII вѣка Голландіи. Торговля Англіи съ Франціей, вслѣдствіе частыхъ войнъ и цѣлаго ряда запретительныхъ и стѣснительныхъ мѣръ со стороны Франціи, была незначительна. Вся почти торговля Англіи сосредоточивалась на трехъ южныхъ полуостровахъ Европы, въ Левантѣ, на сѣверномъ и на западномъ берегахъ Африки и въ обѣихъ Индіяхъ. Самымъ же важнымъ рынкомъ для торговли Англіи была Испанія съ ея колоніями. Запереть Англіи входъ въ Средиземное море и отрѣзать ей путь къ торговлѣ съ Испаніей и Индіями значило убить торговлю Англіи, лишить послѣднюю ея главнаго источника существованія и политическаго могущества.

XIV.

Значеніе политическаго равновѣсія для Англіи съ точки зрѣнія ея коммерческихъ интересовъ.

Что для Англіи поддержаніе такъ-называемаго политическаго равновѣсія Европы совпадало и даже было равнозначительно съ проведеніемъ ея коммерческой политики, это было высказано уже давно въ сочиненіи извѣстнаго герцога Рогана, озаглавленномъ: „Trutina Statuum Europae"—„О равновѣсіи европейскихъ государствъ" [1]).

---

[1]) *Rohan*, Trutina Statuum Europae, 1665.

Въ этомъ сочиненіи герцогъ Роганъ говоритъ, между прочимъ, что Англія по своему особому географическому положенію только вслѣдствіе коммерческихъ отношеній вынуждена принимать участіе въ дѣлахъ другихъ государствъ, такъ какъ все ея благосостояніе основывается на торговлѣ [1]). Торговля есть для Англіи ея vera status ratio. Роганъ восхваляетъ мудрость правленія Елизаветы за то, что она, принимая близко къ сердцу интересы своего государства, слѣдовала настоящей политикѣ, наиболѣе выгодной для ея подданныхъ, вступая въ борьбу противъ Испаніи. Уважая лично Филиппа II, она тѣмъ не менѣе никогда не считала возможнымъ заключить съ нимъ миръ и вотъ по какимъ причинамъ: „primo ut summam illam potentiam in Indiis sibi maxime suspectam exerceret; secundum, ut regnum suum praediis opimis locupletaret; tertio ut subditos hac ratione sibi devinciret ac in perpetuo bellorum maritimorum exercitio, in quo conservatio regni ejus radicatur, conservaret“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ Роганъ, говоря о внѣшней политикѣ Испаніи, замѣчаетъ, что послѣдняя, опасаясь преобладанія Англіи на морѣ, старалась, во что бы то ни стало, жить съ ней въ мирѣ, чтобъ она не затѣяла чего-либо въ Индіи, откуда происходятъ огромнѣйшія сокровища [3]); и все это дѣлалось будто бы для того, чтобы, при такой видимой дружбѣ, католики пользовались въ Англіи болѣе благопріятнымъ положеніемъ. Извѣстно, что эти дружелюбныя отношенія между Испаніей и Англіей разрѣшились отправленіемъ къ берегамъ Англіи „непобѣдимой армады“. Но мы указываемъ здѣсь собственно на истолкованіе герцогомъ Роганомъ внѣшней политики Англіи въ царствованіе Елизаветы: изъ сочиненія Рогана можно видѣть, что уже при Елизаветѣ обозначилась ясно коммерческая политика Англіи и то, въ какомъ отношеніи эта политика казалась опасною для Испаніи.

Еще рѣшительнѣе выступилъ на этотъ путь великій протекторъ Кромвель. Когда, по окончаніи Фронды, находившіяся въ борьбѣ Франція и Испанія заискивали на перерывъ помощи у Англіи, Кром-

---

[1]) *Rohan*, p. 64—64: «Anglia, quae distinctum quasi orbem constituit, cum aliis principibus nil negotii foret, nisi ad hoc propter commerciam, uti veram status rationem, obligaretur. His enim mediis opibus beata est» etc.

[2]) *Rohan*, p. 69.

[3]) Ibidem., p. 12 и 13. «Cum Anglia quibuscunque conditionibus paciscendum ne illa maritima quippe potentia praepotens in Indiis, unde potissimi thesaurii proveniunt, negotium facessat».

вель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, принялъ сторону Франціи; могущество Испаніи тогда казалось еще опаснымъ для торговли Англіи, между тѣмъ Мазарини выразилъ протектору свое желаніе видѣть англійскій флотъ въ Средиземномъ морѣ и соглашался заранѣе признать за Англіей всѣ будущія ея завоеванія въ обѣихъ Индіяхъ [1]). Послѣ этого Кромвель еще рѣшительнѣе сталъ на сторону Франціи противъ Испаніи.

Когда послѣ Пиренейскаго мира Испанская монархія ослабѣла и стала постепенно переходить въ состояніе летаргіи, Англіи нечего было болѣе опасаться съ этой стороны. Теперь вся коммерческая политика Англіи, всѣ ея силы направились противъ другаго болѣе опаснаго врага для Англіи, противъ естественнаго соперника, загораждавшаго ей еще путь на поприщѣ торговли. Кромвель въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ для Англіи. Навигаціонный актъ Кромвеля (9-го октября 1651 г.) имѣлъ цѣлью главнымъ образомъ ослабить владычество Голландіи на морѣ, а стало быть, и торговлю ея. Скоро между Англіей и Голландіей дѣло дошло до войны сначала изъ-за Караибскихъ острововъ [2]), а потомъ изъ-за коммерческаго преобладанія въ Гвинеѣ и на всемъ юго-западномъ берегу Африки [3]). Голландцамъ былъ нанесенъ сильный ударъ, но первенство на морѣ и въ торговлѣ осталось все-таки за ними. Карлъ II, хотя и мало заботился о благѣ своихъ подданныхъ, слѣдовалъ тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ торговли и въ отношеніи къ Голландцамъ политикѣ Кромвеля. Первымъ дѣломъ его было подтвердить навигаціонный актъ Кромвеля (1661 г.). Борьба съ Голландіей продолжалась и при Карлѣ II.

Приведенная разъ въ движеніе, національная политика Англіи, не смотря на смѣну правителей, уже не измѣняла своего направленія и подчиняла ихъ себѣ. А до чего доходила уже въ это время коммерческая ревность Англичанъ относительно Голландцевъ, видно изъ того, что тогда многіе уже высказывались въ Англіи въ томъ смыслѣ, что она будто бы до тѣхъ поръ не въ состояніи будетъ спокойно заниматься хотя бы какою-нибудь отраслью торговли, пока Голландцы будутъ имѣть хоть единый рыбачій челнъ на океанѣ, пока хоть единое купеческое судно ихъ будетъ снабжать товарами Вест-

---

[1]) *Ranke*, Englishe Geschichte, B. IV, S. 148—149.
[2]) *Ranke*, Englische Geschichte, B. IV, S. 65.
[3]) *Mignet*, Negociations, t. I, p. 411—427.

Индію [1]). Извѣстное „delenda est Carthago“ Англичане стали примѣнять къ Голландіи.

Съ каждымъ годомъ росла торговля Англіи, и какъ быстро развивалась она, лучше всего доказываютъ статистическія данныя: отъ реставраціи и до революціи 1688 года, то-есть, меньше, чѣмъ въ тридцать лѣтъ, общая сумма дохода отъ пошлинъ почти удвоилась (въ 1660—1661 г. — 421,582 ф. стерл., въ 1685 г.—722,933 ф. стерл.) [2]).

Но едва стала Англія поспѣвать за Голландіей на пути торговли, какъ ее стало все болѣе и болѣе озабочивать стремленіе Франціи къ владычеству на морѣ и къ расширенію торговыхъ сношеній. Франція казалась Англіи еще болѣе опаснымъ соперникомъ въ будущемъ, чѣмъ Голландія.

Дѣйствительно, уже съ самаго начала самодержавнаго правленія Людовика XIV и со вступленія въ министерство Кольбера, развитіе промышленности, торговли, судоходства и мореходства сдѣлалось одною изъ главныхъ заботъ французскаго правительства. Франція уже не могла болѣе мириться съ господствомъ Англіи и Голландіи на морѣ. Для Франціи стало оскорбительно, что „les étrangers s'etaient rendus maîtres de tout le commerce par mer même de celui qui se fait de port en port au dedans de notre royaume“, какъ говорится въ указѣ отъ сентября 1664 г. принадлежащемъ, какъ можно думать, опытному перу Кольбера [3]).

Англія своимъ коммерческимъ чутьемъ сразу поняла, какимъ соперникомъ можетъ явиться для нея Франція при такомъ ясномъ сознаніи ею своихъ коммерческихъ интересовъ. Какъ ни слѣпо относился Карлъ II къ Франціи и къ ея христіаннѣйшему королю, какъ ни стушевывались въ глазахъ его истинные интересы Англіи передъ неотразимымъ для него блескомъ французскаго золота, онъ все-таки понималъ невозможность дружественныхъ отношеній между Англіей и Франціей съ тѣхъ поръ, какъ она явилась соперницей для Англіи на морѣ и въ торговлѣ. Вотъ что̀ уже въ началѣ своего царствованія писалъ Карлъ II по этому поводу: „Наибольшее препятствіе для союза съ Франціей—это та большая забота, какую прилагаютъ тамъ къ развитію торговли и къ пріобрѣтенію сильнаго могущества

---

[1]) Ibidem.
[2]) *Meinberg*, Das Gleichgewichtssystem Wilhelm's des III, S. 24.
[3]) Ibidem.

на морѣ. Каждый шагъ, который сдѣлаетъ Франція на этомъ пути, будетъ усиливать все болѣе зависть между этими двумя народами“ [1]).

Опасенія и предсказанія Карла II относительно Франціи какъ нельзя болѣе оправдались послѣдующимъ ходомъ событій, и Вильгельму III пришлось уже считаться съ огромными морскими силами Франціи.

Мы показали уже выше, какимъ искреннимъ и горячимъ защитникомъ идеи политическаго равновѣсія былъ Вильгельмъ III; но даже и съ его точки зрѣнія, съ того времени, какъ онъ сталъ королемъ Англіи, оставаясь штатгальтеромъ Голландіи, поддержаніе такъ-называемаго политическаго равновѣсія было почти всегда и въ особенности въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ равносильно поддержанію коммерческихъ интересовъ Англіи и Голландіи.

Уже вскорѣ послѣ вступленія Вильгельма III на престолъ Англіи обнаружилось, какъ близко принималъ онъ къ сердцу коммерческіе интересы Англіи и какъ ревниво относился къ усиленію морскаго могущества Франціи. Это явствуетъ уже изъ тѣхъ мотивовъ, которыми онъ обставилъ объявленіе войны Людовика XIV въ 1689 году. Указавъ на несправедливости и насилія Французскаго короля относительно императора и другихъ союзниковъ Англіи, вызванныя лишь своекорыстными стремленіями Людовика XIV, и переходя затѣмъ къ разъясненію обидъ, причиненныхъ имъ интересамъ Англіи, Вильгельмъ III выдвигаетъ на первый планъ столкновеніе интересовъ Англіи и Франціи въ Америкѣ, въ земляхъ по Гудзонову заливу и на Караибскихъ островахъ; затѣмъ указываетъ на состоявшееся запрещеніе Людовикомъ XIV ввоза изъ Англіи однихъ мануфактуръ и на обложеніе чрезмѣрными пошлинами другихъ, допущенныхъ къ ввозу, англійскихъ мануфактуръ. „Всѣ эти мѣры Людовика XIV служатъ очевиднымъ доказательствомъ того“, говорится далѣе въ декларації Вильгельма III,---„что Французскій король вознамѣрился совершенно разорить торговлю, а стало быть, и мореходство Англичанъ, отъ которыхъ зависятъ большею частью благосостояніе и безопасность этого народа“ [2]). Но далеко не всегда Вильгельмъ III высказывался такъ прямо и положительно относительно руководившихъ его политикою мотивовъ; напротивъ, не разъ Вильгельмъ,

---

[1]) *Duruy*, Histoire de France, t. II, p. 360.
[2]) *Dumont*, VII, partie II, p. 230—231.

пользуясь обычною въ то время дипломатическою фразеологіей, высказывался по самымъ существеннымъ политическимъ вопросамъ очень обще, неопредѣленно, прикрывая озабочивавшіе его исключительно національные интересы Англіи и Голландіи необходимостью спасти отъ подавляющаго гнета Франціи всю Европу, поддержать миръ и спокойствіе всего христіанства и т. п. Такъ почти во всемъ томъ, что̀ говорилъ и писалъ оффиціально Вильгельмъ III по вопросу объ испанскомъ наслѣдствѣ, выставляется имъ необходимость имѣть въ виду благо всей Европы. „Я льщу себя надеждой, что вы собрались здѣсь исполненные справедливаго опасенія за общую опасность Европы“, такъ начинаетъ Вильгельмъ III свою рѣчь, обращенную къ верхней палатѣ въ началѣ 1702 года.— „Христіаннѣйшій король, посадивъ своего внука на престолъ испанскій, получилъ возможность угнетать всю остальную Европу, если только не будутъ приняты скорыя и надлежащія мѣры, чтобы помѣшать ему“ [1]). Еще далѣе Вильгельмъ III говоритъ: „Я заключилъ нѣсколько союзовъ съ намѣреніемъ предупредить общія бѣдствія, которыми угрожаетъ остальному христіанству чрезмѣрное могущество Франціи“ [2]). Закончилъ же эту рѣчь Вильгельмъ слѣдующими словами: „Мнѣ остается прибавить, что если вы желаете серьезно и во что бы то ни стало видѣть Англію держащею въ своихъ рукахъ равновѣсіе Европы, то это можетъ осуществиться отъ той выгоды, которую вы извлечете изъ предстоящаго случая“ [3]) (то-есть, изъ предстоящей войны съ Франціей за испанское наслѣдство).

---

[1]) *Lamberty*, II, 57.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem. Несомнѣнно, что въ то время въ Англіи вообще не разъ высказывалось убѣжденіе, что вмѣшательство Вильгельма III въ рѣшеніе вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ необходимо для равновѣсія и блага всей Европы и для предупрежденія порабощенія христіанскаго міра слишкомъ могущественною Франціей. Въ этомъ вполнѣ убѣждаютъ многія указанія въ политическихъ брошюрахъ того времени. Такъ, въ брошюрѣ: «Duke of Anjou's succession consider'd» высшею степенью славы государя выставляется: «to be loved at home and *to be capable to doing good to all Europe and of preventing the slavery of christendom* (State tracts, vol. III, p. 56). Въ другомъ мѣстѣ той же брошюры (p. 50) говорится: «All nations have their eyes upon England. It appears that all the nations of Europe expect their sentence from us *whether they shall be slaves or freemen*». Ср. также *D'Avenant*, The political and commercial works, v. III, p. 301 и слѣд.

Свою декларацію войны Людовику XIV королева Анна начинаетъ съ того, что она считаетъ себя обязанною держаться тѣхъ трактатовъ, которые были торжественно заключены покойнымъ Вильгельмомъ III съ Германскимъ императоромъ, Соединенными Штатами Нидерландовъ и другими государствами для охраненія свободы и равновѣсія Европы отъ чрезмѣрнаго могущества Франціи [1]).

Но изъ дипломатической переписки Вильгельма III съ Портландомъ и Гейнзіусомъ, съ которыми онъ могъ говорить болѣе откровенно, обнаруживается ясно, чего собственно добивался Вильгельмъ III въ своихъ переговорахъ и договорахъ съ Людовикомъ XIV относительно раздѣла испанскаго наслѣдства, чего добивалась Англія объявленіемъ войны Людовику XIV. Уже при самомъ началѣ этихъ переговоровъ Портландъ, самый довѣренный министръ Вильгельма III, особенно близко къ нему стоявшій, напрямикъ высказалъ передъ министрами Людовика XIV Торси и Помпонномъ, что политикою Вильгельма III руководили единственно интересы Англіи и Голландіи [2]), что̀ подтвердилось потомъ собственными словами Вильгельма III въ бесѣдѣ съ Талларомъ [3]). Что рѣчь шла собственно о коммерческихъ интересахъ Англіи и Голландіи, это опять-таки открыто заявилъ Портландъ самому Людовику XIV, какъ то видно изъ письма послѣдняго къ Таллару [4]), и выступаетъ съ очевидною ясностью изъ болѣе близкаго разсмотрѣнія всего хода переговоровъ о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства. Но что̀ особенно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что для Вильгельма III коммерческіе интересы Англіи и Голландіи стояли выше интересовъ остальной Европы, это его собственныя слова въ письмѣ къ Портланду по поводу различныхъ проектовъ перваго договора о раздѣлѣ испанскаго наслѣдства: „То, что̀ представляется мнѣ наиболѣе выгоднымъ для всей Европы вообще“, писалъ Вильгельмъ,—„это—чтобъ Испанія досталась принцу Баварскому; но въ такомъ случаѣ Англія и Голландія не могли

---

[1]) *Dumont*, VIII, partie I, p. 115.

[2]) *Grimblot*, I, p. 297: «The interests of the two nations must be the only object of that prince».

[3]) *Grimblot*, I, p. 365: „...that he could be guided by no other rule, than the interests of the Kingdoms which he governed and those of the republic at the head of which he is placed“. etc.

[4]) *Grimblot*, I, p. 333—340, письмо Людовика XIV къ Таллару отъ 3-го апрѣля 1698 г. „Lord Portland added.... that the principal interest of the english and dutch consist in their commerce“.

бы выговорить никакихъ выгодъ для себя, такихъ, какъ пріобрѣтеніе портовъ въ Средиземномъ морѣ и въ Индіяхъ“ [1]).

Въ чемъ заключалось для Англіи нарушеніе Людовикомъ XIV политическаго равновѣсія, чего опасалась она со стороны Франціи, высказала также откровенно королева Анна въ своей тронной рѣчи въ 1705 году, въ которой она выразила убѣжденія всей партіи виговъ [2]). „Если Французскій король будетъ продолжать оставаться главою Испанской монархіи, то равновѣсіе силъ нарушено, и онъ совершенно захватитъ торговлю и богатства всего міра“ [3]). Вотъ въ этомъ то и таилась главнымъ образомъ для Англіи самая суть политическаго равновѣсія.

Изъ всего хода войны за Испанское наслѣдство, какъ изъ самаго объявленія войны каждаго изъ участвовавшихъ въ великой коаліціи державъ, обнаруживается очень ясно, какъ различно понималось выставляемое на видъ равновѣсіе каждаго изъ нихъ, какъ различны и исключительны были ихъ интересы. Что было въ самомъ дѣлѣ общаго между притязаніями императора Германскаго на Испанское наслѣдство и стремленіями Англіи и Голландіи? Съ другой стороны, и положеніе послѣднихъ относительно Франціи было также совершенно различно. Если еще Голландія могла опасаться за свою безопасность отъ сосѣдства могущественной Франціи, отъ посягательства Людовика XIV на предоставленную Голландіи по Рисвикскому миру барьеру, то Англія была совершенно въ сторонѣ отъ континента и могла столкнуться съ Франціей только на морѣ, въ сферѣ торговли. Членовъ великой коаліціи связывало только общее имъ всѣмъ стремленіе ослабить могущество Франціи; положительные же интересы каждой изъ участвовавшихъ въ коаліціи державъ тянули въ разныя стороны и шли иногда въ разрѣзъ. Каждая изъ этихъ державъ, за удовлетвореніемъ ея исключительныхъ интересовъ, готова была отказаться отъ участія въ коаліціи, отъ защиты

---

[1]) *Grimblot*, I, p. 415: „That which appears to me the most advantageous to all Europe in general is for the electoral prince to have Spain; but in that case England and Holland could not claim any advantage for themselves, such as to have ports in the Mediterranean and the Indies“.

[2]) *Coxe*, Memoirs of Marlbourough t. I, p. 486: „The speache of the Queen expressed the sentiments of the whigs“.

[3]) Ibidem: «If the french king continues to be master of the Spanich monarchy, the balance of power is destroyed and he will engross the trade and wealth of world“.

такъ-называемаго политическаго равновѣсія. Особенно же это справедливо относительно Англіи. Доказательствомъ тому служитъ отпаденіе Англіи отъ коалиціи въ тотъ моментъ, когда Франція была уже на краю гибели, и главнымъ образомъ, изъ-за того, что предложенныя Англіи условія мира удовлетворяли ея исключительно національнымъ интересамъ [1]). Говоря такимъ образомъ, мы не думаемъ отрицать совершенно вліянія на перемѣну политики Англіи смерти Германскаго императора Іосифа I, вслѣдствіе которой братъ его Карлъ могъ соединить въ однихъ своихъ рукахъ и императорскую корону, и корону короля Испанскаго; мы думаемъ только, что не это было главною причиной обнаруженнаго Англіей миролюбія, относительно Франціи и готовности покинуть своихъ союзниковъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, королева Анна нисколько не стѣснялась тѣмъ, что въ письмѣ своемъ къ Генеральнымъ Штатамъ отъ 31-го марта 1702 г. увѣряла ихъ въ неразрывной связи интересовъ Англіи и Голландіи [2]). Такой же индифферентизмъ къ общему дѣлу показали и Генеральные Штаты, когда въ 1706 году Людовикъ XIV завязалъ съ ними мирные переговоры на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Какъ сильно было въ это время желаніе мира въ Голландіи, и какъ сильна была тамъ вражда къ императору и зависть къ Англіи, доказываютъ лучше всего письма Мальборо къ Годольфину отъ 1706 года. „Голландцы положительно рѣшились заключить миръ, будучи очень раздражены противъ императора и питая зависть къ Англіи“, пишетъ Мальборо Годольфину [3]). Въ другомъ письмѣ Мальборо высказываетъ ужасъ при мысли, что „дворъ Вѣнскій и Голландія склонны скорѣе вести войну другъ съ другомъ, чѣмъ противъ Франціи“ [4]). Само собою разумѣется, что,

---

[1]) См. *Raynal*, Histoire philosophique et politique des deux Indes V, p. 323—324. „Dans la crainte de travailler à l'aggrandissement l'une de l'autre, l'Angleterre et la Hollande renoncérent à toute invasion en Amérique. Enfin la reine Anne ayant saisi le moment propice pour une paix particulière, elle se fit accorder des avantages, qui laissèrent la nation rivale fort en arrière. Dès lors l'Angleterre fut tout, et la Hollande ne fut rien“.

[2]) *Lamberty*, II, 85: „Nous regarderons toujours les intérêts de l' Angleterre et de votre état comme inséparables et unis par des liens, qui ne peuvent être rompus qu'au dernier préjudice des deux nations“.

[3]) *Coxe*, Mémoirs of Marlbourough, t. II, p. 117: письмо отъ 26-го сентября 1707 г.

[4]) Ibidem, p. 113, Marlbourough to lord Godolphin: „I am affraid, we shal

еслибъ интересы державъ, участвовавшихъ въ великой коалиціи, были совершенно солидарны, то не могли бы проявляться съ такою очевидностью сепаратные интересы ихъ и такая сильная взаимная зависть.

Французскій посолъ въ Голландіи герцогъ д'Аво не безъ основанія замѣтилъ депутатамъ Генеральныхъ Штатовъ, когда они еще до начала войны (21-го іюня 1701 года) потребовали участія въ Гагскихъ конференціяхъ представителей отъ Англіи и отъ императора, что интересы Англіи и Голландіи не имѣли ничего общаго съ интересами Германіи [1]), и что интересы императора въ сущности даже совершенно чужды для Генеральныхъ Штатовъ [2]). Это подтверждается также и союзнымъ договоромъ, заключеннымъ 7-го сентября 1701 года между императоромъ, Англіей и Генеральными Штатами, договоромъ, которымъ морскія державы старались главнымъ образомъ обезпечить свои коммерческіе интересы [3]).

XV.

Значеніе Испаніи и ея американскихъ колоній для коммерческихъ интересовъ Англіи.

До конца XVII столѣтія Англичане и Голландцы не только пользовались въ Испаніи одинаковыми съ Французами правами торговли, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заручились даже большими льготами, которыхъ враждовавшая тогда съ Испаніей Франція была лишена.

---

find that the court of Wienne and the Dutch are more desirous of quarrelling with each other, than with France".

[1]) *Lamberty*, I, p. 485.

[2]) Ibidem. „En effet il était difficile de croire qu'une republique aussi sage voulût s'engager aux dépens de ses provinces, du commerce de ses sujets, de ses richesses à soutenir des intérêts etrangers".

[3]) *Lamberty*, I, 620—629. Traité d'alliance entre l'émpereur, l'Angleterre et les États généraux des provinces unies du 7 septembre 1701, статьи II, V, VI и VIII. Особенно характерна статья VI-я: „Pourront le roi de la Grande Bretagne et les seigneurs Etats Généraux conquérir à force d'arme selon qu'ils auront concerté entre eux pour l'utilité et la commodité de la navigation et du commerce de leurs sujets les pays et les villes que les Espagnols ont dans les Indes, et tout ce qu'ils pourront y prendre, sera pour eux".

При такомъ положеніи Англія и Голландія легко могли выдерживать конкуренцію Франціи. Торговый договоръ, заключенный между Англіей и Испаніей еще въ 1667 году, предоставлялъ Англичанамъ, въ виду тогдашней запретительной системы, нѣкоторыя существенныя льготы [1]). Согласно четвертой статьѣ этого договора, подданные Великобританіи могли имѣть во всѣхъ земляхъ и моряхъ Испанскаго короля свободу и право торговать и притомъ вести всякаго рода торгъ съ тѣмъ, чтобъ имъ не было причиняемо ни малѣйшаго затрудненія, безпокойства или препятствія во все время, пока они будутъ платить надлежащія пошлины и не будутъ нарушать законовъ, установленныхъ и соблюдаемыхъ со стороны обоихъ королевствъ—Испаніи и Англіи [2]). Равнымъ образомъ состоялось соглашеніе, чтобы съ подданныхъ Великобританіи за товары, которые куплены будутъ ими въ Испаніи и всѣхъ принадлежащихъ ей владѣніяхъ, не взимались никакія другія пошлины, кромѣ тѣхъ, которымъ подлежатъ въ подобномъ случаѣ сами натуральные подданные (los mismos naturales), а тѣмъ болѣе всѣ другіе иностранцы, торгующіе въ вышеназванныхъ странахъ. Купцы и подданные Великобританіи въ своихъ купляхъ и продажахъ обладали и пользовались всѣми тѣми же привилегіями, какъ и натуральные подданные [3]), и имъ позволено было покупать продукты и товары и нагружать накупленное ими на своихъ судахъ, такъ чтобы не позволено было ни подъ какимъ предлогомъ задерживать въ какомъ-либо портѣ вышеупомянутыя нагруженныя суда, по уплатѣ ими слѣдующихъ съ нихъ пошлинъ [4]). Подданные Великобританіи могли вывозить и ввозить свободно всякаго рода продукты и товары изъ остиндскихъ колоній Испанскаго короля во всякія другія владѣнія свѣтлѣйшаго Испанскаго короля [5]). Въ пользу Англіи было

---

[1]) Текстъ этого договора приведенъ у *Кантилло* въ его замѣчательномъ сборникѣ «Tratodos de paz y de commercio» въ приложеніи къ торговому договору, заключенному между Англіей и Испаніей въ Утрехтѣ 9-го декабря 1713 г. стр. 128—137. Ср. также Le négociant anglais, II, p. 290—304. «Patentes des immunités accordées par S. M. Philippe IV aux Anglais qui resident à Seville, San-Lucar, Cadix et Malaga».

[2]) Art. IV: «Sin que se les cause ningun molestia inquietud o impedimente siempre que paguen sus respectivos derecthos» etc.

[3]) Ibidem: «los mismos naturales y todos los demos extranjeros que commercian en los dichos parajes».

[4]) Art. V: «No sera permittido de tener en el puerto con ningun pretesto los dichos navios cargados despues de haber pagado los derechos debidos» etc.

[5]) Ibidem, Art. VIII.

также выговорено, что въ случаѣ если будутъ захвачены на купеческихъ судахъ, принадлежащихъ подданнымъ Великобританіи, запрещенные товары, причисленные къ контрабандѣ, то они будутъ сняты съ судовъ и конфискованы съ тѣмъ однакожь, чтобы по той же причинѣ ни самое судно, ни другіе свободные и дозволенные товары, которые найдутся въ немъ, не были никоимъ образомъ задержаны или конфискованы [1]).

Таковы были, между прочимъ, льготы, которыми пользовалась Англія въ торговлѣ своей съ Испаніей до конца XVII столѣтія. Конечно, съ современной точки зрѣнія, эти льготы были совершенно незначительны, но при тогдашней замкнутости и исключительности коммерческихъ интересовъ каждаго изъ государствъ западной Европы [2]), Англія на столько дорожила этими льготами, что впослѣдствіи, въ коммерческомъ договорѣ, заключенномъ королевой Анной съ эрцгерцогомъ Карломъ, по провозглашеніи его королемъ Испаніи, исходнымъ пунктомъ послужилъ договоръ 23-го мая 1667 года, на сохраненіи котораго въ полной силѣ настаиваетъ особенно вторая статья договора 1707 года [3]). Но могла ли Англія ожидать, чтобы Людовикъ XIV, утвердивъ свое вліяніе въ Испаніи, оставилъ за нею всѣ тѣ льготы, которыми пользовалась она до того времени въ отношеніи испанской торговли.

Испанія не только представляла для Англіи важный рынокъ для сбыта мануфактуръ, но еще сама снабжала Англію необходимою для нея испанскою шерстью. Фабрикація шерстяныхъ матерій, важное значеніе которой для Англіи было понято еще при Эдуардѣ III [4]), составляла въ концѣ XVII столѣтія главный предметъ производства и вывоза. Въ одномъ парламентскомъ актѣ отъ 1698 года говорится, что шерсть и различныя шерстяныя матеріи составляютъ самыя значительныя и прибыльныя произведенія всего королевства, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ цѣнность земли и тор-

---

[1]) *Cantillo*, Art. XXIII: «Sin que per esta causa el navio y los demos mercaderias libres y permittidas, que en el se encontraren, de ninguno modo seran embargados ni confiscados».

[2]) *Martens*, Cours diplomatique, t. III, p. 11.

[3]) *Cantillo*, Tratado de commercio entre Anna reine de Inglaterra y Carlo III como rey de Espana, art. II, p. 48.

[4]) *Taube*, Geschichte der engländischen Handelschaft, Manufacturen, Kolonien und Schiffahrt. Leipzig, 1776. S. 20.

говля страны [1]). По вычисленіямъ Давенанта, количество вывезенныхъ изъ Англіи въ 1699 году шерстяныхъ матерій по цѣнности своей составляло болѣе трети всѣхъ предметовъ вывоза изъ Англіи въ томъ же году [2]). Большую часть потреблявшейся на англійскихъ фабрикахъ шерсти производила сама Англія. Но для фабрикаціи лучшихъ тонкихъ суконъ испанская шерсть была существенно необходима, по крайней мѣрѣ хоть въ видѣ примѣси къ болѣе грубой шерсти англійскихъ овецъ. Правда, въ концѣ XVII столѣтія англійскія фабрики шерстяныхъ матерій потребляли отчасти шерсть, привозимую изъ сѣверной Африки, но только въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что почти все количество необходимой шерсти, доставлявшейся извнѣ, получалось изъ Испаніи. Опыты, сдѣланные впослѣдствіи относительно акклиматизированія испанскаго овцеводства въ самой Англіи, оказались безуспѣшными [3]). Обработанныя же изъ чисто испанской шерсти или съ примѣсью ея, суконныя и шерстяныя матеріи находили очень значительный сбытъ въ самой Испаніи [4]). Естественно, что въ виду возможности утвержденія династіи Бурбоновъ на испанскомъ престолѣ, Англія могла опасаться, что Франція, начинавшая уже довольно замѣтно конкурировать съ нею въ фабрикаціи шерстяныхъ мануфактуръ, особенно суконъ, воспользуется своимъ господствомъ въ Испаніи въ интересахъ собственной промышленности и добьется того, что вся испанская шерсть, вывозившаяся до того времени въ Англію, попадетъ цѣликомъ на

---

[1]) Ср. *Iosiah Child*, A new discourse of trade 1751, p. 109: «That wool is eminently the fondation of the englisch riches, I have not heard denied by any» etc.

[2]) Ср. *D'Avenant*, An essay upon the balance of trade, 1700, p. 64—65: «There is great reason to rely, that our exports of all kinds in the woolen manufacture amount to above two millions per annum, which is so large a part of our general exportation, that it must main the whole body of our trade to receive any hurt in so principal a member». Въ 1699 г. общая сумма вывоза простиралась на сумму 6.788,166 ф. стерл., а шерстяной матеріи вывезено было на 2.932,929 ф. стерл.

[3]) *Mac Culloch*, Dictionnary of commerce, p. 1420. Article Wool.

[4]) Этому способствовали отчасти и самые законы Испаніи: По закону Карла V 1552 г., всякій, вывезшій изъ Испаніи извѣстное количество шерсти, обязанъ былъ доставить въ Испанію соотвѣтственное количество шерстяныхъ матерій. См. *Rocher*, Colonien, S. 197. Шерстяную матерію bayette Англичане сбывали въ одной Испаніи на 280,000 ливровъ, другихъ шерстяныхъ матерій (sémpiternes, sempiternilles) продавалось каждой на 80,000 ливровъ ежегодно. Ср. *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II, t. II, p. 134—135.

французскія фабрики, и что при болѣе низкой заработной платѣ во Франціи, чѣмъ въ Англіи, французскіе шерстяные фабрикаты, благодаря сравнительной дешевизнѣ, вытѣснятъ съ всемірнаго рынка шерстяные фабрикаты Англіи. Что вопросъ о вліяніи Франціи на прекращеніе вывоза испанской шерсти, дѣйствительно, очень безпокоилъ Англичанъ, это доказываютъ какъ нѣкоторыя письма англійскихъ посланниковъ въ Мадридѣ и Парижѣ, внимательно слѣдившихъ за каждымъ шагомъ Франціи въ этомъ направленіи [1]), такъ и брошюра о наслѣдствѣ герцога Анжуйскаго: въ послѣдней указывается какъ на вредный результатъ соединенія Испаніи и Франціи подъ скипетромъ Бурбоновъ прежде всего на то, что Франція будетъ препятствовать вывозу испанской шерсти [2]) и добьется того, что получитъ монополію на торговлю испанскою шерстью и, стало быть, на мануфактуры тонкихъ суконъ [3]). Въ Англіи опасались также, чтобы въ самой Испаніи, подъ вліяніемъ новаго болѣе энергическаго правительства, не принялись за устройство суконныхъ фабрикъ, для которыхъ, кромѣ испанской шерсти, была очень сподручна шерсть, добывавшаяся изъ Варварійскихъ владѣній въ Африкѣ. Гораздо болѣе серьезно было опасеніе, что новое испанское правительство могло и совершенно закрыть Англіи всѣ рынки для сбыта шерстяныхъ и суконныхъ матерій, а между тѣмъ изъ 7.000,000 ф. стерл., вырученныхъ въ 1700 году Англіей за вывезенные товары, слишкомъ 3.000,000 ф. стерл. приходилось на шерстяныя и суконныя матеріи, вывозившіяся почти исключительно въ Испанію и зависящія отъ нея земли въ Италіи, въ Африкѣ и въ Вестиндіи [4]). Такимъ образомъ становится понят-

---

[1]) Spain under Charles the second or extracts from the Correspondence of Alexander Stanhope, p. 177. Письмо Стенгопа къ статсъ-секретарю Вернону отъ 10-го іюня 1699 года. Ср. также *Cole*, Memoirs of affairs of state, p. 280.

[2]) State tracts, vol. III, The duke of Anjou's succession consider'd, p. 47: «This is known to be one of the most considerable branches of our trade. The spanish wool is necessary to the working up of our fine cloth; and considering that our woolen manufacture is one of the chief fountains of our intrinseck wealth, it would be a very dangerous blow to that manufacture, if the french schould hinder the importation of spanish wool into England».

[3]) «Besides, Spain might give France the monopoly of her wool and consequently of the manufacture of fine cloth» State tracts III. The fatal consequences of a treaty with France» (p. 321).

[4]) State tracts, v. III, 157: An Essay upon the present interest of England. Ср. также State tracts III, 340. The fatal consequences of a treaty with France. By the union of France with Spain, France will be intirely mistress of the Spanish wool

нымъ опасеніе Англичанъ на счетъ того, что вывозъ ихъ шерстяныхъ мануфактуръ совершенно остановится [1]), и что соединеніе Испаніи съ Франціей подъ скипетромъ Бурбоновъ будетъ грозить всей европейской торговлѣ Англіи [2]).

Не только, впрочемъ, въ отношеніи этой спеціальной, хотя и главной, отрасли торговли Англіи французское господство въ Испаніи внушало страхъ Англичанамъ: Испанія вообще была очень выгоднымъ рынкомъ для сбыта англійскихъ товаровъ. Для ирландскаго льна Испанія представляла превосходный сбытъ. Корабельнымъ лѣсомъ, смолой и ворванью, словомъ, всѣми сырыми матеріалами, необходимыми для кораблестроенія, снабжали Испанію морскія державы, и въ этой отрасли торговли онѣ не встрѣчали даже конкуренціи со стороны Франціи. Одного бѣлаго воску, котораго шло огромное количество для освѣщенія церквей, Англія отправляла въ Испанію на 2.000,000 ливровъ, хотя Голландія и Франція доставляли воску вмѣстѣ по крайней мѣрѣ на такую же сумму [3]). Кромѣ того, Англія и Голландія доставляли Испаніи произведенія ея же собственныхъ колоній.

Но несравненно болѣе важнымъ рынкомъ для сбыта англійскихъ товаровъ, чѣмъ сама Испанія, были ея многочисленныя и богатыя колоніи въ Америкѣ. Стоитъ только сравнить общія цифры цѣнности вывоза соотвѣтствующихъ мануфактуръ въ Испанію и ея американскія владѣнія, чтобы видѣть, на сколько послѣднія были важнѣе самой Испаніи для англійской торговли. Такъ легкой шерстяной матеріи (bayette), которую потребляли въ самой Испаніи на 240,000 ливровъ, вывозилось изъ Англіи въ испанскія владѣнія въ Америкѣ ровно вдвое больше (на 480,000 ливровъ). Саржевая матерія, которая шла на платье для средняго класса людей, сбывалась англійскими купцами въ Испаніи на сумму около 100,000 ливровъ; въ испанскія же

---

and consequently of the manufacture of fine cloth to the utter loss of that manufacture here. Let those two nations who are chiefly concernd in this (то-есть, Англичане и Голландцы), consider how much of their manufactures, how much of their trade, how much of their maritime power depends upon this single article! How shall we employ our poor, when the manufactures are lost?

[1]) State tracts, v. III, p. 53: «Export of our woolen manufacture will be stop'd.»

[2]) Ibidem. «We must lose great part of our european trade, which is endangered by the union of France and Spain».

[3]) *Weiss*, L'Espagne depuis Philippe II, v. II, p. 135.

колоніи въ Америкѣ вывозилось этой самой матеріи на 770,000 ливровъ; шерстяныхъ чулокъ сбывала Англія въ самой Испаніи на 40,000 ливровъ, въ испанскихъ же владѣніяхъ въ Америкѣ — на 320,000 ливровъ [1]) и т. п.

Въ англійскихъ политическихъ брошюрахъ, относящихся ко времени возникновенія войны за Испанское наслѣдство, не разъ высказывается опасеніе, что вслѣдствіе перехода его къ Филиппу Анжуйскому Франціи легко будетъ достигнуть того, что Испанія предоставитъ ей въ отношеніи торговли всевозможныя выгоды преимущественно передъ всѣми народами Европы (all imaginable advantages over the rest of Europe in point of trade). Такъ напримѣръ, Испанія можетъ предоставить Франціи исключительное передъ всѣми народами право на торговлю Неграми въ Вестъ-Индіи (такъ-называемое assiento), а подъ видомъ этой торговли Франція могла бы легко проводить непосредственно въ Испанскую Индію всѣ свои мануфактуры, и притомъ не открытымъ путемъ, а наиболѣе выгоднымъ — путемъ контрабанды [2]). Дѣйствительно, извѣстно, что въ силу особеннаго коммерческаго трактата, заключеннаго между учрежденною во Франціи королевскою Гвинейскою компаніей и испанскимъ правительствомъ 27-го августа 1701 г., компаніи этой предоставлена была послѣднимъ привилегія на ввозъ и продажу Негровъ во всѣ владѣнія, принадлежащія королю Испаніи въ Америкѣ, какъ на континентѣ, такъ и на островахъ [3]). Привилегія эта дана была Гвинейской компаніи на десятилѣтній срокъ, съ 1-го мая 1702 г. и по 1-е мая 1712 года [4]). Какое важное значеніе придавала Англія этому ассіенто, видно уже изъ того, что при заключеніи Утрехтскаго мира она по-

---

[1]) Ibidem. У Вейсса цифры, обозначающія общую стоимость ввозимыхъ изъ Англіи въ Испанію и ея американскія колоніи продуктовъ, сообщаются въ круглыхъ приблизительныхъ числахъ; гораздо точнѣе и подробнѣе, по отдѣльнымъ рубрикамъ, обозначена стоимость ввоза изъ Англіи въ Испанію и въ Америку въ рукописяхъ, хранящихся въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ, Mémoires du comte de Rebenac. Supplement № 63.

[2]) State tracts, III, 321: The fatal consequences of a treaty with France.

[3]) Assiento ou privilège pour l'introduction et la vente des esclaves Negres dans l'Amérique Espagnole contenant les conditions auxquelles il est accordé à la Compagnie royale de Guinée, établie en France. A Madrid le 27 d'Août 1701. *Dumont*, Corps universel diplomatique du droit des gens, t. VIII, partie I, p. 83—88.

[4]) Ibidem. Art. I.

старалась выговорить для англійской компаніи всѣ тѣ же привилегіи относительно ввоза въ Испанскую Америку Негровъ, какія предоставлены были испанскимъ правительствомъ въ 1701 году въ пользу Гвинейской компаніи, о чемъ свидѣтельствуетъ коммерческій трактатъ, заключенный въ Мадридѣ 26-го марта 1713 года [1]).

Заключенный Гвинейскою компаніей съ испанскимъ правительствомъ коммерческій трактатъ относительно торговли Неграми въ Испанскихъ Индіяхъ былъ въ глазахъ Англіи предметомъ чрезвычайной зависти и даже опасеній не столько по той громадной прибыли, которую представляла эта торговля, сколько по тому простору, который представлялся для гораздо еще болѣе выгодной контрабандной торговли для Франціи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ статей договора. Такъ, въ силу 35-й статьи предоставленнаго Гвинейской компаніи ассіенто 1701 года, дозволялось въ уплату за проданныхъ ею Негровъ въ томъ или другомъ изъ портовъ испанской Америки получать и нагружать на свои суда бруски серебра и слитки золота, лишь бы за все это были уплочены законные проценты правительству, а также другіе товары и продукты, доставляемые Западною Индіей. Всѣ эти продукты Гвинейская компанія имѣла право безпрепятственно вывозить изъ всѣхъ портовъ Америки, уплативъ только за одни товары установленныя въ данной мѣстности пошлины. Компаніи дозволялось также торговать этими продуктами и товарами, полученными въ уплату за Негровъ, во всѣхъ портахъ Америки, за уплатой обыкновенныхъ пошлинъ.

Но, не смотря на то, что какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ разсматриваемаго коммерческаго договора, обязательность уплаты пошлинъ оговорена надлежащимъ образомъ, можно положительно утверждать, что предоставленное компаніи право торговли въ портахъ Испанской Америки, при крайней продажности испанскихъ чиновниковъ, особенно въ колоніяхъ, открывало французскимъ негоціантамъ широкое поле для контрабандной торговли, и съ другой стороны, давало имъ возможность затормозить столь выгодную для Англіи

---

[1]) *Cantillo*, Tratados de paz y de commercio, p. 58—70. Tratado del assiento de negros concluido en Madrid el 26 de marzo de 1713 entre Ispana é Inglaterra. Трактатъ этотъ въ большей части своихъ статей (всѣхъ ихъ сорокъ) даже въ самыхъ выраженіяхъ сходенъ съ трактатомъ, заключеннымъ въ 1701 г. съ Гвинейскою компаніей, за исключеніемъ 12-ти статей.

контрабандную торговлю съ Испанскою Индіей черезъ посредство Ямайки [1]).

Возможность широкой контрабандной торговли съ испанскими колоніями въ Америкѣ обусловливалась для Англіи, какъ мы видѣли это выше, главнымъ образомъ, безсиліемъ испанскаго правительства и совершеннымъ почти изчезновеніемъ прежняго военнаго испанскаго флота. Но положеніе Англіи и Голландіи относительно торговли съ Испаніей и особенно относительно контрабандной торговли съ Испанскою Америкой должно было совершенно измѣниться, какъ только Людовику XIV удалось посадить своего внука на испанскій престолъ. Опираясь на свой еще могущественный флотъ и стремясь къ присвоенію себѣ всѣхъ выгодъ торговли съ Испаніей и ея американскими колоніями, Франція легко могла положить конецъ контрабандной торговлѣ Англіи и Голландіи и этимъ лишить морскія державы важнѣйшаго источника ихъ національнаго богатства.

Но и помимо захвата Франціей столь прибыльной контрабандной торговли съ Испанскою Индіей, Англіи не давала покоя мысль, что вслѣдствіе утвержденія французскаго вліянія въ Испаніи, Франція получитъ возможность непосредственно распоряжаться неистощимыми сокровищами Мексики и Перу, ихъ серебряными и золотыми рудниками. „Выгоды, которыя можетъ извлечь Франція изъ господства надъ испанскими владѣніями въ Америкѣ“, говорится въ брошюрѣ „The dangers of Europe from the growing power of France“, „просто неисчислимы и внушаютъ особое опасеніе въ виду предстоящей войны, такъ какъ этимъ путемъ Французскій король сдѣлался обладателемъ большей части источниковъ золота и серебра или по крайней мѣрѣ, наиболѣе значительныхъ источниковъ этихъ драгоцѣнныхъ минераловъ, какіе только извѣстны теперь въ мірѣ [2]). Между тѣмъ очевидно, что люди и деньги суть артеріи войны (the sinews of war), и что тотъ, кто имѣетъ достаточно денегъ, не будетъ терпѣть недостатка въ людяхъ; отсюда естественно слѣдуетъ, что

---

[1]) State tracts, III, p. 347: The dangers of Europe from the growing power of France «The consequences of this to England are obvious to any man that will allow himself the freedom of thought, that will ruin the best part of our Jamaica trade, prevent our having bullion from the West-Indies by means of our own plantations or the spanich galleons».

[2]) State tracts, vol. III, p. 347: «By this means he is possess'd of most of the fountains of gold and silver or at least of the most considerable fountains of those minerals, that are yet known in the world».

если господство Французскаго короля въ Западной Индіи будетъ безпрепятственно продолжаться, то онъ, по всей вѣроятности, будетъ въ силахъ съ успѣхомъ выдержать войну противъ всей остальной Европы... „И что же послѣ этого остается, чего бы не слѣдовало Европѣ страшиться отъ рудниковъ Перу и Потози при разработкѣ ихъ Франціею?“ [1]).

Франція, сдѣлавшись госпожею Испаніи, говорится въ другой современной англійской брошюрѣ „The fatal consequences of a treaty with France“, — будетъ распоряжаться торговлею и сокровищами Вестъ-Индіи [2]). Она уже и теперь занята образованіемъ торговыхъ компаній, какъ во Франціи, такъ и въ Испаніи, для захвата этой торговли съ Испанскою Индіей. Если мы допустимъ, чтобъ его христіаннѣйшее величество присоединилъ богатства Америки къ могуществу Франціи, то несомнѣнно, Франція сдѣлается неодолимою (irresistible). Она будетъ усиливаться и въ отношеніи промышленности, и въ отношеніи торговли, и въ отношеніи судоходства; она будетъ имѣть возможность обновить истощенныя силы государства, она станетъ средоточіемъ богатствъ Индій (she will become the center of the wealth of the Indies), а Англія и Голландія должны пасть въ такой же степени, въ какой Франція будетъ возвышаться [3]).

Что опасенія Англичанъ относительно стремленій Франціи къ эксплуатированію рудниковъ Мексики и Перу имѣли серьезное основаніе, доказываетъ лучше всего учрежденіе уже въ половинѣ 1701 года французской компаніи для торговли съ Мексикой и Перу, о чемъ англійскій посолъ въ Парижѣ Манчестеръ поспѣшилъ увѣдомить свое правительство при первомъ слухѣ объ учрежденіи этой компаніи [4]). Англія имѣла также серьезное основаніе бояться утвержденія французскаго господства въ Испанской монархіи вслѣдствіе опасеній за свои собственныя колоніи въ Америкѣ. Какое важное значеніе съ этой точки зрѣнія общественное мнѣніе Англіи придавало переходу испанскаго наслѣдства въ руки Филиппа Анжуйскаго, очень ясно обнаруживается изъ знакомыхъ уже намъ политическихъ брошюръ.

---

[1]) Ibidem: «What is it, than Europe has not to fear from the mines of Peru and Potosi in the menagement of France?»

[2]) State tracts, v. III, p. 340: «France by beeng mistress of Spain will command the trade and treasurs of the West-Indies».

[3]) Ibidem. Ср. также State tracts, III, 322.

[4]) *Cole*, Memoirs of affaris of State, p. 399. Письмо Манчестра къ Вернону, отъ 13-го іюня 1701 г.

Касаясь вопроса о вліяніи французскаго господства въ Испанской монархіи на торговлю Англіи съ ея американскими колоніями, авторъ брошюры „О наслѣдствѣ герцога Анжуйскаго“ слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ опасное положеніе этой отрасли англійской торговли: „Торговля съ нашими американскими поселеніями есть именно та отрасль торговли, которая заслуживаетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія нашего. Результаты этой торговли, а также громадныя выгоды и почетное положеніе, доставляемыя ею англійской націи, такъ общеизвѣстны, что одно упоминаніе объ опасности, угрожающей этимъ выгодамъ и положенію, должно возбудить самыя серьезныя заботы и вызвать самыя энергичныя усилія для предупрежденія этой опасности. Очень хорошо извѣстно, какъ сильно была встревожена англійская нація постановленіемъ шотландскаго парламента относительно торговли съ Америкой и основанія шотландскихъ поселеній въ Вестиндіи. Чего же не должны мы въ такомъ случаѣ опасаться для нашей торговли отъ соединенія силъ Франціи и Испаніи? Если ужь каждая изъ нихъ въ отдѣльности являлась нашимъ врагомъ и соперникомъ въ отношеніи нашей торговли съ Америкой, то соединеніе ихъ, по всей вѣроятности, придастъ ихъ дѣйствіямъ еще больше рѣшительности, такъ какъ они имѣютъ и больше силы привести въ исполненіе то, на что они рѣшатся. Франція, соединившись съ Испаніей, или, вѣрнѣе, властвуя надъ послѣднею, будетъ, вѣроятно, имѣть достаточно предлоговъ для того, чтобы угрожать намъ въ Вестиндіи. Французы теперь въ правѣ считать испанскія колоніи находящимися подъ ихъ покровительствомъ, а подъ этимъ предлогомъ они могутъ возобновить притязаніе Испанцевъ на обладаніе всѣми землями Америки или, по меньшей мѣрѣ, основать свои поселенія на берегу Миссисипи и оттуда угрожать нашимъ сѣвернымъ колоніямъ—Нью-Іорку, Дэларси, Каролинѣ, Мэриланду, Новой Англіи и прочимъ, торговлю съ которыми они уже и теперь подрываютъ своею торговлей черезъ Канаду; они могутъ наконецъ прервать торговыя сношенія упомянутыхъ сѣверныхъ колоній съ нашими же болѣе южными колоніями, губя такимъ образомъ торговлю тѣхъ и другихъ“ [1]).

О пагубныхъ послѣдствіяхъ такого образа дѣйствія со стороны Франціи для англійской торговли можно еще составить себѣ приблизительное понятіе по вычисленіямъ Давенанта, который оцѣниваетъ общую сумму ежегоднаго вывоза изъ Англіи въ ея американскія

---

[1]) State tracts, vol. III, p. 51: The duke of Anjou's succession consider'd.

колоніи приблизительно въ 350,000 ф. стерл., прибыль Англичанъ отъ этого вывоза въ Америку въ 600,000 ф. стерл., а прибыль отъ эксплуатаціи принадлежащихъ Англичанамъ плантацій въ Америкѣ въ 1,600,000 ф. стерл. [1]). „Этого уже достаточно для доказательства того, что разореніе англійскихъ колоній въ Америкѣ или прекращеніе торговли съ ними вслѣдствіе завоеванія ихъ Испанцами и Французами причинило бы Англіи такой ущербъ, за который она врядъ ли когда-либо была бы вознаграждена. А откуда могла бы Англія пріобрѣтать тѣ продукты первой необходимости, которые она получаетъ теперь изъ Америки, каковы табакъ, сахаръ, хлопчатая бумага, имбирь, ямайскій перецъ, красильное дерево, индиго, какао, мачтовый лѣсъ, рыба съ Ньюфаундленда? Необходимо еще имѣть въ виду, что мы лишимся не только всѣхъ этихъ продуктовъ, необходимыхъ для нашего собственнаго потребленія, но и всей той прибыли, которую получаемъ теперь отъ сбыта товаровъ, въ замѣнъ которыхъ мы имѣемъ теперь изъ Америки необходимые для насъ продукты первой необходимости“.

„Еслибы кто-нибудь подумалъ, что мы преувеличиваемъ опасность и смотримъ на все сквозь увеличительное стекло“, говорится далѣе въ упомянутой брошюрѣ,—„то пусть онъ взвѣситъ должнымъ образомъ этотъ предметъ въ своихъ мысляхъ, и онъ найдетъ, что опасенія наши не суть плодъ меланхолически настроеннаго воображенія, а раціональныхъ сомнѣній. Уже по опыту извѣстно, сколько вреда причинили Французы нашей торговлѣ въ Ньюфаундлендѣ и въ земляхъ Гудзонова залива. Графъ Белльмонъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ послѣднихъ рѣчей въ палатѣ общинъ о нашихъ сѣверныхъ поселеніяхъ въ Америкѣ показалъ, какая опасность угрожаетъ имъ отъ французскихъ колоній, и какъ онѣ дѣйствуютъ относительно сосѣднихъ Индѣйцевъ. И если обратить вниманіе на огромную морскую силу Французовъ и представляющійся имъ удобный случай увеличить ее, благодаря соединенію съ Испанцами, а также сокровищамъ Америки, то наши опасенія должны быть признаны весьма основательными, и если заблаговременно не будутъ приняты дѣйствительныя

---

[1]) Ibidem. Эта послѣдняя цифра получается по вычисленіямъ Давенанта, если предположить, что на всѣхъ англійскихъ плантаціяхъ въ Америкѣ работало только 100,000 Негровъ, и что общая стоимость продуктовъ, вырабатываемыхъ трудомъ каждыхъ ста Негровъ въ теченіе круглаго года, не превышаетъ суммы въ 1600 ф. стерл.

мѣры для предупрежденія осуществленія ихъ намѣреній, то именно то, чего мы боимся, обрушится на насъ въ весьма скоромъ времени“ [1]).

Въ другой современной брошюрѣ: „The dangers of Europe from the growing power of France“ также указывается на опасность, угрожающую англійскимъ поселеніямъ въ Америкѣ вслѣдствіе соединенія Франціи съ Испаніей. Брошюра говоритъ о необходимости серьезно позаботиться объ обезпеченіи неприкосновенности англійскихъ поселеній въ Вестиндіи, „которыя находятся теперь въ бо̀льшей опасности, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе соединенія противъ нихъ силы Франціи и Испаніи“. „Мы должны въ особенности серьезно позаботиться о снабженіи нашихъ поселеній значительною морскою силой и приложить всѣ наши старанія къ устраненію всякихъ раздоровъ и разъединенію между поселенцами, lest the common ennemy improve'in o the disadvantage of England“ [2]).

Вслѣдствіе утвержденія французскаго господства въ Испаніи Англія опасалась также лишиться своей столь выгодной для нея торговли въ Средиземномъ морѣ вообще, и въ особенности съ Левантомъ. Этого Франція могла легко достигнуть по мнѣнію анонимнаго автора брошюры „Duke of Anjou's succession consider'd“, добившись закрытія для англійскихъ судовъ гавани Кадикса или сдѣлавъ Гибралтарскій проливъ непроходимымъ для англійскихъ и вообще чужеземныхъ судовъ безъ разрѣшенія Франціи, или же, наконецъ, установленіемъ особой пошлины съ чужеземныхъ судовъ за пропускъ чрезъ Гибралтарскій проливъ. Это очень легко допустить если принять во вниманіе близкое разстояніе, отдѣляющее крѣпость Гибралтаръ отъ Сеуты, и возможность сооруженія сильныхъ укрѣпленій на противолежащихъ берегахъ и охраненія узкаго пролива приспособленными къ тому военными судами, которыя находились бы у самаго входа въ проливъ. Кто знаетъ—говорится далѣе—не возобновитъ ли еще Французскій король проекта Оливера Кромвеля о совершенномъ изолированіи Гибралтара отъ континента обращеніемъ его изъ полуострова въ настоящій островъ. При неразборчивости въ средствахъ, которую не разъ обнаруживали Французскіе короли, когда дѣло шло о выгодахъ Франціи, можно было также опасаться, по мнѣнію анонимнаго автора, что Французскій король не прочь былъ бы воспользоваться содѣйствіемъ и варварійскихъ корсаровъ для разо-

---

[1]) State tracts, vol. III, p. 52.

[2]) State tracts, vol. III, p. 360—361.

ренія торговли Англичанъ въ Средиземномъ морѣ, и въ особенности для воспрепятствованія имъ свободнаго прохода чрезъ Гибралтарскій проливъ. Но если бы всѣ указанныя средства для разоренія торговли Англіи на берегахъ Средиземнаго моря оказались почему-либо неудобными или неисполнимыми, то Франція имѣетъ еще въ запасѣ одно средство, которое она можетъ пустить въ ходъ противъ Англичанъ — это вступить въ соглашеніе съ Турками съ цѣлью парализировать сбытъ англійскихъ мануфактуръ въ Левантѣ. Франція можетъ въ такомъ случаѣ взяться за снабженіе Турокъ всѣми необходимыми мануфактурами, доставляемыми нынѣ Англичанами, и притомъ по гораздо болѣе сходнымъ цѣнамъ, что, при возможности располагать испанскими продуктами вообще, и въ особенности испанскою шерстью, очень легко осуществимо для Франціи [1]).

Тѣ же опасенія за утрату свободы судоходства и торговли въ Средиземномъ морѣ вообще и въ особенности торговли съ Левантомъ высказываются въ брошюрѣ, озаглавленной „Басня о львиной долѣ, подтвержденная договоромъ о раздѣлѣ“ [2]). Указавъ на территоріи, которыя выговорила себѣ Франція въ первомъ договорѣ о раздѣлѣ, авторъ этой брошюры признаетъ не важнымъ и даже безразличнымъ для Англіи и Голландіи, какіе пункты и округа Франція выговорила себѣ въ Испаніи вдоль Пиренеевъ. Но переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ пунктовъ и территорій, которые должны были отойдти къ Франціи отъ Италіи въ силу договора о раздѣлѣ, онъ считаетъ нужнымъ какъ можно полнѣе выяснить, какую страшную опасность для судоходства и торговли Англіи и Голландіи представляютъ эти пріобрѣтенія. „Въ этомъ договорѣ“, говорится въ брошюрѣ, — „есть другой пунктъ, который особеннымъ образомъ (in a particular manner) касается морскихъ державъ—это именно тотъ пунктъ, благодаря которому Французы дѣлаются абсолютными господами Средиземнаго моря (absolute master of the Mediterranean), и, слѣдовательно, всей торговли съ Левантомъ, которая будетъ не менѣе способствовать возрастанію могущества Франціи, чѣмъ присоединеніе къ ней всѣхъ прочихъ выговоренныхъ въ договорѣ владѣній..... Франціи достаточно будетъ только пріобрѣсти отъ Мавровъ Сеуту или Танжеръ, которые

---

[1]) tate tracts, III, 49.

[2]) The fable of the lions share verify'd in the treaty of partition. State tracts, vol. III, p. 129—153.

лежатъ у самаго устья Гибралтарскаго пролива, и содержать у входа въ этотъ проливъ значительную эскадру для того, чтобы сдѣлать недоступнымъ этотъ проливъ для всякой другой націи, а все это для Франціи очень возможно. И во всемъ этомъ нѣтъ никакого преувеличенія, ибо хорошо извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ Французы приложили усердіе къ морскому дѣлу, они получили первенство на Средиземномъ морѣ и теперь достигли въ этомъ дѣлѣ такого совершенства, что они способны оспаривать господство надъ океаномъ у обѣихъ морскихъ державъ, которымъ прежде принадлежало неоспоримое господство на морѣ“ [1]).

Если же Французы когда-либо сдѣлаются абсолютными господами Средиземнаго моря, говорится въ этой брошюрѣ,—то очевидно, что они не потерпятъ, чтобы какой-либо народъ раздѣлялъ съ ними выгоды отъ торговли съ Левантомъ, которую они считаютъ для себя во многихъ отношеніяхъ лучшею и наиболѣе выгодною. Въ этой сферѣ торговли Французы имѣли большую долю еще до того, какъ они сдѣлались столь могущественными на морѣ, не смотря на всѣ старанія Англичанъ и Голландцевъ къ устраненію ихъ отъ этой торговли, изъ чего мы можемъ заключить, что они не допустятъ никакой конкурренціи, когда никто не въ состояніи будетъ оспаривать у нихъ господства на морѣ. И самое географическое положеніе Франціи, и удобства ея гаваней, промышленная дѣятельность ея народонаселенія доставили Французамъ больше преимуществъ въ торговлѣ съ Левантомъ, чѣмъ всякому другому народу: будучи ближе къ Леванту, они способны совершать переѣздъ въ половину времени (сравнительно съ Англичанами и Голландцами) и, стало быть, съ половиною издержекъ, что̀ даетъ имъ возможность продавать свои продукты много дешевле по сравненію съ другими народами; послѣднимъ приходится дѣлать вдвое больше пути, а подвергаясь большимъ опасностямъ въ пути, они должны увеличивать расходы на содержаніе судоходныхъ компаній, что вмѣстѣ взятое уменьшаетъ въ значительной степени прибыль отъ торговли

---

[1]) State tracts, v. III, p. 149: „It is well known, the french have being superior on that sea ever since they have apply'd themselves to maritime affairs, in which they are now arriv'd to that perfection, as to be able to dispute the empire of the ocean with the two maritime powers, who were formerly in indisputed possession“. Ср. также *Grimblot*, v. I, p. 329—331: письмо Портланда къ Вильгельму III отъ 2-го апрѣля 1698 г. и *Grimblot*, I, p. 417—418: письмо Вильгельма III къ пенсіонарію Гейнзіусу отъ 15-го апрѣля 1698 г.

съ Левантомъ для другихъ народовъ“ [1]). Но что всего болѣе чувствительно — это опасеніе, что „если только Франціи удастся получить отъ Испаніи исключительную свободу торговли съ Левантомъ, то она не затруднится совершенно устранить отъ этой торговли обѣ морскія державы“ [2]).

Вслѣдствіе утвержденія французскаго вліянія въ Испаніи Англія опасалась лишиться и большей части выгодъ отъ торговли съ сѣвернымъ и западнымъ побережьемъ Африки и даже съ Ост-Индіей. Торговлю съ сѣвернымъ побережьемъ Африки Англія считала для себя потерянной уже вслѣдствіе неизбѣжнаго установленія полнаго господства Франціи на Средиземномъ морѣ; но и торговля съ западнымъ побережьемъ Африки должна была, по убѣжденію Англичанъ, сдѣлаться для нихъ невѣрною, ненадежною (precarious) вслѣдствіе пріобрѣтенія французскою компаніей привилегіи на доставленіе и сбытъ Негровъ въ Испанскую Америку, такъ какъ самую большую выгоду Англичане извлекали въ Африкѣ именно изъ торговли Неграми: французской Гвинейской компаніи не было надобности скупать Негровъ чрезъ посредство Англичанъ, а съ покупкой и перепродажей Испанцамъ невольниковъ, необходимыхъ для обработки плантацій, для Англичанъ были связаны многія другія выгоды въ торговлѣ съ Вест-Индіей. Теперь Гвинейская компанія могла, благодаря могуществу Франціи на морѣ, совершенно оттѣснить своею конкуренціей англійскія африканскія компаніи, снабжавшія невольниками какъ Ямайку, такъ и другія англійскія поселенія въ Вест-Индіи, гдѣ посредствомъ невольничьяго труда Англичане пріобрѣтали такую значительную, если не главную, часть своихъ богатствъ [3]).

Съ утвержденіемъ же господства Французовъ на берегахъ Африки, прилежащихъ къ Атлантическому океану (by rendring themselves masters of the coast on the Atlantic), должна была, наконецъ, по убѣжденію Англичанъ, сильно пострадать и ихъ торговля съ Ост-Индіей какъ вслѣдствіе того, что Французы имѣли возможность лишить англійскія суда всѣхъ наиболѣе удобныхъ для нихъ бухтъ и

---

[1]) State tracts, v. III, p. 150.

[2]) Ibidem, p. 151. Ср. также State tracts, v. III, p. 345.

[3]) State tracts, v. III, p. 52—53: „...they will prevent our african company's serving, Jamaica and our other plantations with slaves whose labour in the West-Indies is the principal part of our riches“.

стоянокъ на западномъ и даже на южномъ берегу Африки, такъ и посредствомъ учрежденія собственныхъ факторій въ Ост-Индіи и натравливаніемъ мадагаскарскихъ пиратовъ на коммерческія суда Англичанъ и, наконецъ, посредствомъ заключенія союзовъ съ великимъ Моголомъ и другими восточными государями противъ англійскихъ колоній въ Ост-Индіи; наконецъ, вслѣдствіе увеличенія своего господства на сосѣднихъ моряхъ Французы могутъ въ значительной степени мѣшать вывозу Англичанами продуктовъ Ост-Индіи въ различныя страны Европы, еслибы даже уже удалось имъ доставить благополучно свой грузъ къ себѣ домой [1]).

Такимъ образомъ изъ цѣлаго ряда англійскихъ политическихъ брошюръ, современныхъ возникновенію войны за Испанское наслѣдство, явствуетъ, что, по убѣжденію Англичанъ, утвержденіе Филиппа Анжуйскаго на испанскомъ престолѣ, а слѣдовательно, и французскаго вліянія въ Испаніи, грозило имъ утратою не только всѣхъ громадныхъ выгодъ, доставляемыхъ торговлею съ Испаніей и ея американскими колоніями, но и утратою почти всѣхъ выгодъ, извлекаемыхъ Англіей изъ торговли съ Левантомъ, съ сѣвернымъ и западнымъ побережьемъ Африки и даже съ Ост-Индіей; грозило, наконецъ, опасностью лишиться своихъ собственныхъ колоній въ Америкѣ. Конечно, многія изъ высказанныхъ въ упомянутыхъ брошюрахъ опасеній были въ значительной степени преувеличены страхомъ предъ возрастающимъ усиленіемъ соперничества Франціи, и нѣкоторыя изъ опасеній оказались совершенно напрасными; но тѣмъ не менѣе высказывавшіяся опасенія были искренни и производили сильную сенсацію въ массѣ англійскаго народа, а многія находили себѣ и полное подтвержденіе въ проявленіяхъ французской политики въ Испаніи, какъ показано это было выше. Какъ бы то ни было, для Англіи, какъ для страны, жизненный нервъ которой заключался, да и теперь заключается, въ возможно широкомъ развитіи ея мануфактурной промышленности, торговли и морскаго могущества, лишиться всего того, чего опасалась она лишиться вслѣдствіе перехода испанскаго наслѣдства къ принцу изъ дома Бурбоновъ, значило отказаться не только отъ всякой политической роли, но, такъ сказать, и отъ самаго существованія своего. Понятно послѣ этого, какъ важно было для Англіи сохранить всѣ тѣ льготы, которыми пользовалась она въ отношеніи торговли съ Испа-

---

[1]) State tracts, v. III, p. 53.

ніей и ея колоніями, и какое значеніе съ этой точки зрѣнія имѣлъ въ глазахъ Англіи вопросъ о политической самостоятельности Испаніи и независимости послѣдней отъ Франціи, являвшейся самою опасною соперницей Англіи на рынкахъ какъ самой Испаніи, такъ и ея американскихъ владѣній.

Я. Гуревичъ.